

Проект Сергея Тармашева

ЧИСТИЛИЩЕ

Александр Золотко

ЯНЫЧАР

На рубеже тысячелетий люди верили в самые невероятные природные катаклизмы, способные угрожать всему живому на планете. Однако катастрофа, уничтожившая человеческую цивилизацию, оказалась рукотворной. Разработанный нацистом страшный вирус, вырвавшийся из военных лабораторий, убил большую часть человечества, а остальных превратил в кровожадных безумцев. Мир превратился в постапокалиптическую пустыню, в которой с трудом выживают укрывшиеся в подземных убежищах немногочисленные здоровые люди. Его звали Янычар. Виртуозный убийца и специалист по выживанию, он был телохранителем одного из «хозяев жизни» и, оболганный его женой, точно знал, что не доживет до конца следующей недели. Как ни удивительно, Янычара спасла невиданная эпидемия смертельного вируса. Планы свирепой мести остались в прошлом, теперь у него одна задача: уцелеть в опрокинувшемся мире, посреди обломков привычной цивилизации, где ужасная смерть таится за каждым углом, а мутанты-людоеды – далеко не самое страшное, что ожидает немногочисленных выживших...

- [Александр Карлович Золотько](#)

- -
  - [Глава 01](#)
  - [Глава 02](#)
  - [Глава 03](#)
  - [Глава 04](#)
  - [Глава 05](#)
  - [Глава 06](#)
  - [Глава 07](#)
  - [Глава 08](#)
  - [Глава 09](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
-

Александр Карлович Золотько

Чистилище. Янычар

© С. Тармашев, 2014

© А. Золотько, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Издательство благодарит Сергея Тармашева за предоставленное разрешение использовать название серии, а также уникальные мир и сюжет, созданные им в романе «Чистилище».

Другие произведения, написанные российскими фантастами для межавторского цикла, являются их историями, Сергей Тармашев не является соавтором этих романов и не читает их. Создатель «Чистилища» дал литераторам полную свободу, разрешив войти в мир проекта, но сам он несет ответственность только за собственную книгу.

Дождь закончился несколько часов назад, но с веток деревьев все еще время от времени срывались крупные капли, наполняя лес странной размеренной и растянутой во времени барабанной дробью.

– Хорошая погода, – сказал невысокий худощавый мужчина, присаживаясь на поваленное дерево. – Грибы, наверное, уже пошли. Вот так бросить все и с лукошком... Вы любите – с лукошком, полковник?

Полковник достал из кармана камуфлированной куртки портсигар и зажигалку, повернулся спиной к ветру и закурил. Собственно, ветра здесь, в глубине векового дубового леса, почти не было, полковник, скорее, демонстрировал нежелание отвечать на глупые вопросы собеседника. То, что был собеседник профессором, академиком и кем-то там еще, полковника совершенно не волновало. Сейчас важно было совсем другое.

– Значит, грибной охотой вы не увлекаетесь, – констатировал профессор и усмехнулся невесело. – В общем, меня тоже сейчас волнует другое. Присядете?

Профессор похлопал ладонью по стволу поваленного дерева справа от себя.

– Нет, спасибо. – Полковник сделал затяжку, закашлялся и отшвырнул сигарету в сторону. – Я успею насидеться потом, когда все закончится.

– Если закончится, – поднял указательный палец профессор. – Если закончится. И чем закончится... Вы за новостями следите?

– Представьте себе, – нервно передернул плечами полковник. – И за общими, по телевизору, и через Интернет... И за теми, что совершенно секретные...

– Даже за секретными?! – вроде как обрадовался профессор. – И даже за теми, наверное, что вам не предназначаются...

– И за этими тоже. – Полковник пригладил жесткий ежик прически. – За этими – в первую очередь.

– Меня всегда поражало, как быстро люди умеют организоваться, если возникает насущная необходимость. Вот как за пару часов вам удалось уговорить вашего начальника узла связи делиться с вами секретной информацией? Чисто из любопытства спрашиваю, без подвоха...

– Без подвоха... – буркнул полковник. – Без подвоха ничего на свете не происходит. У капитана трое детей, младшему – полтора года. Достаточная причина, чтобы задуматься?

– Нет, – покачал головой профессор. – Недостаточная. А вот то, что в окончательном списке ни его, ни его семьи не будет, – очень веская причина. Весомей не бывает. А его ведь нет в окончательном списке? Список пришел, а капитана в нем нет... Так ведь? А новости поступают такие неприятные. Страшные новости. Даже у меня внутри все холодеет от мысли, что эта зараза доберется сюда прежде, чем мы успеем что-то предпринять.

Полковник снова попытался прикурить сигарету и снова отбросил ее в сторону. У него явственно дрожали руки.

– Так вы получили список? – спросил профессор. – Тот самый, окончательный? И если получили – вы в нем есть? Вы и ваша семья?

– Нет меня в списке. – Полковник ударил кулаком в ствол дерева. – Ни меня, ни начальника узла связи... Там вообще нет почти никого из личного состава запасного командного пункта штаба округа. Только технари из обслуги. Даже охрану приказано уменьшить до минимума. А всем остальным под моим командованием приказано выдвинуться в район сосредоточения... Для получения дальнейших указаний. Шестьсот восемьдесят три человека, мать его...

Полковник снова ударил кулаком в дерево, поморщился и посмотрел на разбитые костяшки

пальцев.

– Руку поберегите, – посоветовал профессор. – Она вам еще понадобится. Вам еще мятеж поднимать...

– Слушайте, вы так просто обо всем этом рассуждаете! – взорвался полковник, сгреб профессора за куртку и рывком поднял на ноги. – Мятеж, говорите? Да, мятеж! И нарушение присяги! И еще кучу военных преступлений, между прочим. Или вы полагаете, генерал просто так согласится с моими неожиданными предложениями? Вот так просто?

Полковник старательно продолжал называть профессора на «вы», старая привычка, позволявшая не срываться на провинившихся подчиненных. Трудно назвать человека сволочью, если говоришь ему «вы». «Вы – козел!» Недоделанный провокатор.

– Нет, конечно. – Профессор даже не пытался высвободиться из рук полковника, раскачивался в такт рывкам, неотрывно глядя в его глаза. С иронией глядя в глаза, будто видел в них что-то забавное. – Вам придется генерала либо связать и сунуть поглубже в бункер, либо пристрелить и выбросить подальше. Вы никогда не мечтали о том, чтобы пристрелить генерала? Пусть не конкретного генерал-майора Федорова, командующего Узлом-3, но хоть какого-то из их многозвездной братии? Мечтали ведь, признайтесь. Вы же из дворняжек, из тех, что не приучены бегать по паркету, танцевать на задних лапках, выпрашивая вкусняшку, и вылизывать руки вышестоящих уродов. Вы на эту должность попали только потому, что нужен был кто-то толковый, умеющий реально работать, способный пахать изо всех сил, без дураков, и выполнять заодно обязанности генерал-майора Федорова по переоборудованию бывшего бункера противоядерной защиты в противобиологическое долговременное убежище. Вы пять лет горбатились здесь, без отпусков и выходных, а генерал, насколько я помню, не отказывал себе в невинных радостях общения с семьей на курортах, в Москве проводил больше времени, чем здесь... Вам не хотелось придушить эту паркетную сволочь, когда он получил «Звезду» за образцовое выполнение особо важного задания? Вот за этот самый бункер получил, за его готовность?

Полковник разжал кулаки, отпуская профессора.

Тут Евгений Петрович прав. Абсолютно прав. Было желание сломать шею засранцу, имевшему наглость еще и похвастаться перед полковником наградой. Обмывать – нет, не позвал, с чего бы это? А вот вызвать к себе в кабинет, показать «Звезду», с многозначительным видом сообщить, что САМ был очень доволен, что светит генералу еще и перевод на новое место службы... А бункер – старшему сыну в наследство, старший сын генерал-майора как-раз недавно получил полковничьи погоны и вполне мог занять теплое и непыльное место коменданта Узла-3.

Вот тогда еле сдержался полковник, чтобы не врезать в загорелое на южном солнце лицо генерала, не вцепиться в горло и не задушить мерзавца к чертовой матери! Даже не за себя было обидно полковнику. Нет, за себя тоже, за свою семью, которая пять лет, пока шли работы, жила в полуразрушенном военном городке, заброшенном еще в девяностые годы прошлого века. Городок кое-как приспособили – подчистили, подкрасили, подрихтовали. Генерал клятвенно обещал, что вот через месяц... максимум через два, когда немного освободятся строители – и канализацию подлатают в городке, и водопровод полностью восстановят.

И люди пахали. Вкалывали изо всех сил, детей возили за тридцать километров в сельскую школу, ожидали этих самых месяца, максимум двух... Видели, что генеральская дача растет, рабочие, снятые с основного объекта, заканчивают и ее, и дачи двух генеральских сыновей... Жаловаться? Сообщить наверх? Был соблазн, когда двое контрактников при монтажных работах на даче погибли, обратиться в штаб, но сдержался полковник, жена отговорила. Что докажешь? Ты ведь отпустил ребят, не было никакого письменного приказа от генерала. Не-бы-ло. Значит, сам виноват. На себя стучать будешь?

И что тебе светит в результате, спросила жена. В лучшем случае – заполярный гарнизон. Еще один объект укрытия, но где-нибудь возле Ледовитого океана. И полковник сдержался, промолчал. Был ведь шанс, что имеющего опыт работ на сложном и секретном объекте полковника Иванченко отправят не в Нарьян-Мар, а поближе, хоть в Мурманскую область.

Он бы и сейчас, наверное, промолчал, даже в голову ему бы не пришло задумывать мятеж, как это назвал профессор, если бы... Если бы в том проклятом списке оказался и он, и его семья. Если бы не обрекли его штабные сволочи на смерть. Его, жену и двоих детей. Хотя бы его семью включили в этот список...

Выполнял бы полковник Иванченко приказы, отправил бы личный состав из казарм в неизвестность и, возможно, на смерть, потому что... Потом что человек – животное подлое, сказал себе полковник, когда обдумал предложение, которое пару часов назад изложил ему профессор Протасов. Предложение простое и понятное.

Зараза вылилась в мир вчера. Излил ангел чашу свою... Новости об этом разом заполонили все средства массовой информации, Интернет был заполнен паническими постами, видеороликами, в которых улицы городов Ближнего Востока и Америки были завалены трупами, и толпы беснующихся громили все вокруг, убивали тех, кого зараза, кажется, минула. Веб-камеры продолжали бесстрастно сбрасывать в Сеть картинки, на которых люди умирали и убивали, рвали друг другу глотки и падали, корчась в мучительной агонии.

Это не остановится, сказал профессор при первой встрече. Они почти не были знакомы, так, на общих совещаниях пару раз видели друг друга, и полковник очень удивился, когда ему сообщили, что к воротам внешнего ограждения подошел профессор из лаборатории и просит выйти именно полковника Иванченко.

– Мы с вами старые приятели, имейте в виду, – сказал профессор, когда полковник Иванченко вышел к нему и поздоровался. – Если вдруг кто-то поинтересуется – мы познакомились... в Москве мы познакомились, у нас общий знакомый есть, Виктор Тимофеевич Глазков. Запомните? Глазков Виктор Тимофеевич, из министерства. Крупный такой, с одышкой. Вот он и познакомил. А я вот только сейчас сообразил, что это именно вы здесь, и от скуки решил прийти пообщаться. Понятно?

– Не очень, – честно ответил полковник, прикидывая, не может ли это быть очередная шутка особистов, решивших проверить его на предмет нарушения секретности и поддержания бдительности.

Если это было так, то стоило послать посетителя подальше и сообщить майору Петрову о попытке установить контакт со стороны. Не то чтобы совсем со стороны, профессор имел высокий уровень допуска, все эти пять лет тоже работал в зоне Узла-3, командуя переоборудованием лаборатории. Гнать нужно было профессора на всякий случай и на тот же случай информировать майора Петрова.

Но профессор оказался настойчивым и убедительным. По-товарищески взяв полковника под руку, он увел его в сторону, за деревья, подальше от камер и микрофонов охраны. И там изложил свои резоны по поводу дальнейшего развития событий.

– Это не остановится, – сказал тогда профессор. – Вы же видите по телевизору, с какой скоростью все развивается. Понимаете, что завтра-послезавтра эта зараза будет здесь? Вот прямо здесь, в этих лесах. Тут будут валяться трупы... Или будут друг другу рвать глотки озверевшие люди. Вы ведь видели в Сети...

– Я видел в Сети, – холодно отрезал тогда полковник. – Но при чем здесь мы с вами?

– Скажите, вашу семью пустят в бункер? – спросил профессор. – Вашу жену и сына с дочерью – пустят в тот самый бункер, который вы пять лет готовили для такого вот случая? Биологическая атака – у кого-то есть сомнения? У вас есть сомнения?

Над головой профессора резко застрекотала сорока, тот вздрогнул, замолчал и посмотрел на птицу. Потом посмотрел в глаза полковнику.

Полковник отвел взгляд, он старался не думать об этом, надеялся – непонятно почему и на что – на чудо, которое позволит спрятать семью в бункер. В конце концов – ведь ему должны быть благодарны. Если бы не его работа... его и десятков офицеров, прапорщиков и солдат... этого бункера не было бы. Просто не было бы, ему, полковнику Иванченко пришлось разгрести столько грязи, скандалить, ругаться, просить, чтобы все было сделано к сроку, чтобы запасы были завезены вовремя, чтобы...

А теперь, когда все это – весь десятиуровневый бункер, способный противостоять любой мыслимой заразе, оборудование, налаженное и готовое к запуску, склады, заполненные под завязку, – когда все это готово и может функционировать, людей, которые имеют право на укрытие в нем, просто вышвыривают прочь. Для того что спрятать в Узле-3 людишек, которые... которые заслужили жизнь только тем, что приближены к верхушке, имеют приятельские, родственные... и да, конечно, коррупционные связи.

– Вы же понимаете, что это все строили не для вас и ваших близких, – тихо произнес профессор, будто услышав мысли собеседника. – У вас же там наверняка есть несколько номеров повышенной комфортности. Для кого? И все эти деньги и ресурсы вкладывали в бункер для того, чтобы спасти рядовой состав? И младший офицерский вкупе со средним? Их семьи? Вас всех вышвырнут отсюда под благовидным предлогом, а в построенные и оборудованные вами убежища поселят чиновников, генералитет, родственников и их близкое окружение. Вы же не можете этого не понимать. Или в самом деле не понимаете?

Полковник все это понимал. Если раньше он только догадывался об этом, даже признавал право некой элиты на места в бункере при маловероятной и фантастической биологической атаке на страну, то после разговора с профессором мысли о несправедливости происходящего стали конкретнее и четче.

Это нечестно. Несправедливо. Это...

– Когда-то в юности, начитавшись красивых фантастических книг, я был искренне уверен, что спасать в случае глобальной катастрофы нужно лучших. Самых умных, талантливых, просто красивых, способных передать потомству лучшие гены... – Профессор покачал головой, словно удивляясь себе, молодому и романтичному. – А сейчас... Сейчас я даже боюсь представить, сколько человек я готов убить, чтобы спасти своих родных. И я не знаю, что бы я отдал ради того, чтобы спасти семью моего старшего сына, который сейчас живет в Штатах... Жил в Штатах, я полагаю. Я не могу с ним ни созвониться, ни связаться через Сеть. Я не могу спасти всех. Я не могу спасти лучших. Я даже всех своих близких и друзей не смогу спасти. Я даже пытаться не стану собрать их всех... Только тех, до кого сейчас смогу дотянуться. Кто...

Профессор махнул рукой и снова замолчал.

Полковник набрал воздуха в грудь. Выдохнул, не сумев себя заставить сказать ни слова. Снова сделал вдох.

– Вы что-то хотите мне предложить? – с отчаянием в голосе спросил наконец полковник. – У вас есть другой вариант?

– Есть, – кивнул профессор, не поднимая головы. – Конечно, есть. Займите бункер сами. Я полагаю, что у вас еще есть почти сутки на принятие решения и, собственно, на мятеж.

Словно обухом по голове. Полковник замер потрясенно, пытаясь убедить себя в том, что все это происходит не на самом деле. Все это ему мерещится. Приснилось. И одновременно стало понятно, что все, сказанное профессором, – правда. Что все это прекрасно понимал и сам полковник, только не решался до сих пор признаться самому себе.

И одновременно с этим полковник понимал, что если немедленно не прекратит этой беседы,

то подпишет себе приговор. А если прекратишь, шепнул тихий голосок в глубине души, то подпишешь приговор своей семье.

Расклад ведь простой – в случае ошибки профессора, если вдруг эпидемия, вспыхнувшая на Ближнем Востоке, погаснет... или будет остановлена, то полковника Иванченко будут судить. Пожизненное получит, никак не меньше. Семья?.. Семье будет не очень приятно жить с клеймом предателей, но они будут жить. А если профессор прав, то семья просто выживет. Будет жить, пока у бункера хватит автономности. Полгода. А за эти полгода все еще может измениться, эпидемия может стихнуть сама, или будет найдена сыворотка... Ведь не зря по всей стране начали несколько лет назад создавать Узлы Безопасности?

Узел, который строил полковник, – номер три, это значит, что есть еще минимум два. Наверняка их больше. В разной степени завершения, не все готовы противостоять биологической атаке, но что-то же есть... Но ни в одном из них наверняка нет места для семьи полковника. Есть куда более важные люди, более ценные. И это нужно было понять давно. И плюнуть на все: на карьеру, выслугу, перспективы и уйти. Увезти семью куда-нибудь далеко. За полярный круг, к черту на кулички, куда никто не будет прилетать-приходить-приезжать и не сможет притащить заразу. Если бы он знал... Если бы знал, если бы отдавал себе отчет в том, что все это строится не для него и его родных, а...

Почему сын генерала не может стать маршалом? Потому что у маршала тоже есть сын. Старая, но точная шутка. Почему семья полковника Иванченко не может спастись? Потому что... Понятно тебе, полковник? Понятно? Ты построил Узел-3? Спасибо. Ты свободен. Соберешь своих людей и поведешь их отсюда подальше, так, чтобы не смогли они, сообразив, осознав свою судьбу, попытаться все-таки укрыться в комплексе. Расшвырять едущих сюда чинуш, занять вагоны в этом поезде, едущем к жизни.

Узел-3. Система долговременной биологической безопасности. Полковник знал, что это такое, и понимал, что только его бункер может дать шанс выжить в случае серьезной угрозы.

Каждый узел состоял из трех компонентов: собственно бункера на три с половиной тысячи человек, лаборатории, размещенной в двух с половиной километрах от него, тоже автономной и оборудованной как для исследовательских работ, так и для производства биоматериалов в больших объемах, и плюс опорная база длительного хранения. Охрану и внешнюю оборону Узла осуществляла отдельная бригада специального назначения. Планировалось построить бункера для солдат бригады или хотя бы для дежурного батальона на базе, но пока для них были готовы только противорадиационные укрытия и бомбоубежища.

– Я не тороплю вас с решением, – сказал тогда, несколько часов назад профессор, заканчивая разговор и протянув руку на прощание. – Вы еще можете все обдумать. Выбрать.

– Вам-то что? – спросил полковник зло. – Вам-то с этого какая выгода?

– Выгода? – задумался на мгновение профессор. – Есть у меня выгода. Причем – прямая. У меня в лаборатории пятьдесят человек. Очень неплохие ученые, настолько неплохие, что у них есть шанс потягаться с заразой, если она сюда доберется. Мужчины, женщины... Пятьдесят человек. И у меня в лаборатории есть возможность разместить еще две, две с половиной сотни людей на... на полгода, скажем. И мне уже прислали распоряжение... Принять триста человек по отдельному списку, а всем, кто сейчас находится в лаборатории, приготовиться к эвакуации и передислокации в другое место. Список мне уже прислали, время прибытия новых людей – двадцать четыре часа.

– И вас нет в этом списке? – криво усмехнулся полковник.

– Почему? Я как раз есть. Нет моей семьи. И кроме этого, я намерен еще побороться с эпидемией, а если моих людей увезут, то шансов не будет никаких.

– И при чем здесь я? – поинтересовался полковник, не выпуская ладони профессора из своей

руки.

– Все очень просто. Попасть к лаборатории можно только мимо вашего бункера. У нас общая автоматическая система обороны. Минные поля и все прочее... И не смотрите на меня волком – у меня доступ высшего уровня, как и у вас. Если вы перекрываете въезд, то и ко мне никто не проедет...

– И вам даже отвечать не придется, если что, – перебил полковник. – Вся вина на мне?

– При чем здесь это? – пожал плечами профессор и высвободил наконец руку. – Вот это как раз чушь и ерунда.

– А что не чушь?

– А не чушь то, что члены семей моих сотрудников уже приглашены и через несколько часов соберутся в небольшом поселке неподалеку от вашего военного городка. Я хочу, чтобы вы забрали их, когда будете вывозить сюда своих. Да?

– И это все?

– И чтобы вы перевели в лабораторию несколько своих техников. Можно даже с семьями. Электрика, механиков, сантехников.

– А ваша охрана? Вы сможете договориться с безопасниками? – спросил полковник, прищурившись.

– Моя охрана – моя забота. – Профессор дернул щекой. – Так вы пришлете мне техников?

– Вы все-таки планируете жить в бункере долго... – протянул полковник, вглядываясь в лицо профессора.

– Полгода – минимум, – ответил профессор. – Но вы не торопитесь с ответом. Время пока еще есть. И опять же... А вдруг вы и ваша семья окажется в том списке? Тогда не нужно будет и мятеж поднимать... Если вы захотите продолжить наш разговор – позвоните мне. Вдруг вам все-таки повезет?

Но семьи в списке не оказалось. Капитан Ермаков, принявший приказ, передавать его генерал-майору не стал – полковник Иванченко уже успел переговорить с ним, объяснил перспективы. Капитан общей идеей проникся не сразу, пришлось объяснить пару раз, уговорить, чтобы не бежал к особисту Петрову с докладом сразу, дождался того самого приказа, о котором предупреждал профессор. Сам чтобы проверил его содержание, а потом уж...

– Я с вами, Сергей Иванович, – сказал хриплым шепотом капитан и протянул полковнику тот самый список.

И сказал он это так, что сразу стало понятно – он и без полковника начнет действовать. Но с полковником шансов на удачное завершение больше.

– Я поговорил с людьми на Узле, – прошептал капитан Ермаков, пока полковник пробегал глазами расшифрованный приказ. – Все... Все ждут ваших указаний...

– Какие, к хренам собачьим, указания? – пробормотал упавшим голосом полковник. – Не дергайтесь тут, и ни с кем больше не говори. Ясно?

– Ясно.

– Я тут выйду поболтаю кое с кем, а потом... Я ненадолго.

Он позвонил профессору, тот предложил встретиться на старом месте, а когда полковник пришел, спокойно... почти спокойно... сказал:

– Хорошая погода. Грибы, наверное, уже пошли. Вот так бросить все и с лукошком... Вы любите – с лукошком, половник?

А потом, изложив свои последние резоны, профессор Протасов молча ждал решения полковника Иванченко. Как будто тот мог сказать что-нибудь другое, кроме...

– Хорошо, – хрипло произнес полковник, выдохнул, вытолкнул из легких это проклятое колючее и горькое слово. – Хорошо...

И сразу стало легче, ушла неопределенность. Задача поставлена, цель определена.

– Вот и славно. – Профессор протянул руку. – Значит, вы приступаете прямо сейчас? Вам же еще семьи вывозить?

– Я знаю, – кивнул полковник.

– Надеюсь, вы не станете все вопросы решать по мобильникам? – уточнил профессор. – Лучше потратить чуть больше времени на сборы, чем привлечь...

– Я все это прекрасно понимаю, – отрезал полковник. – Техников я вам пришлю. С семьями, как договаривались.

– Конечно. С семьями. Конечно. – Профессор выдержал взгляд полковника. – Я же понимаю, что в противном случае...

– Я приму меры, господин Протасов, если что. В том самом противном случае. Если у меня все получится...

– Когда, когда у вас все получится, – торопливо поправил профессор.

– Если... – упрямо повторил полковник. – Если у меня все получится и я смогу взять под контроль объект, то свяжусь с вами через узел связи в бункере. На связи не будет постороннего человека? У вас ведь охраны там полтора десятка...

– Я же сказал: моя охрана – мое дело, – жестко ответил профессор. – Смело звоните на центральный пульт. Сколько вам нужно времени на... на работу с личным составом?

– Как только, так сразу, – бросил через плечо полковник и быстрым шагом пошел к объекту.

Не хватало еще услышать какое-нибудь «Удачи!» или еще что-то подобное. Все, теперь только по прямой, как бронебойный снаряд, сквозь преграды и препятствия.

Работа с личным составом, проговорил мысленно полковник. Как он слова подбирает, этот профессор. Его охрана – его проблема. Уговорил? Или?.. У них в лаборатории наверняка много всякой пакости, которая не то что полтора десятка охранников на тот свет отправит, а...

Чертовы ученые! Полковник рубанул подобранной палкой по кусту орешника. Полетели клочья листьев, мелкие ветки. Ведь зараза, которая сейчас уничтожает человечество, тоже ведь не сама собой появилась. Наверняка кто-то ее изготовил, сварил, вырастил, склеил из генов и молекул... А теперь этот сволочный профессор ведет себя так, будто ему все вокруг должны...

Вот взять бойцов, выкинуть профессора и его людей к чертовой матери из лаборатории, а на их место поселить кого-то из своих... Полковник остановился, потряс головой, отгоняя глупые мысли. Чуть, нельзя профессора трогать, а вдруг... вдруг у него получится изготовить вакцину.

Полковник сильным ударом сломал палку о ствол дуба, отбросил обломок в сторону. Нужно действовать. Действовать быстро и решительно. До прибытия новых обитателей бункера, если судить по полученному приказу, еще десять часов. Успеем. Должны успеть.

Быстро, решительно и осторожно. Если информация о... да, о мятеже, мать вашу. Именно о мятеже! Если информация о нем попадет наверх... или к командиру бригады, обеспечивающей прикрытие, то все закончится быстро. Очень быстро. Он не сможет объяснить офицерам и солдатам через броню танков и БМП суть проблемы. И не сможет вместить их всех в бункер Узла-3, даже если захочет. Автономность – шесть месяцев, по продуктам можно растянуть и на более длительный срок, но вода и воздух... Вода и воздух, как на космическом корабле, проходит по замкнутому циклу восстановления, хоть какая-то польза от несостоявшейся марсианской программы. А вот энергия... Он не сможет уменьшить потребление горючего дизелями.

Ладно, об этом потом. Сейчас нужно решить, к кому идти первому. К генералу? Это как раз несложно, это пара пустяков, но это не предотвратит утечки информации. Значит...

Майор Петров, начальник службы безопасности объекта, сидел перед монитором ноутбука и даже не поднял голову, когда полковник без стука вошел к нему в кабинет.

– Привет, – сказал полковник.

– Присаживайтесь, Сергей Иванович, – сказал майор Петров. – Как настроение?

Окно в кабинете было приоткрыто, снаружи доносились голоса солдат – подразделения шли на ужин. На Узле-3 солдаты строем не ходили, старая, еще с советских времен традиция – чтобы потенциальный противник не засек тепловой след от такой массы людей. Хотя какой сейчас потенциальный противник? Вон, американцы сейчас сами вымирают от непонятной болезни.

– Спасибо, – сказал полковник. – Хреновое настроение. А у вас?

– Согласно боевому расписанию. – Майор продолжал смотреть на монитор. – Бдительно и боеготовно...

– Кино смотришь, Николай?

– Почти. Никогда не любил фильмы про зомби и конец света. – Странная улыбка появилась на лице майора, брезгливая, что ли. – А тут... Вы смотрели трансляции из Америки?..

– Все еще показывают?

– Пока есть электричество – отчего веб-камерам не работать? Работают, демонстрируют. На Манхэттене, правда, половина камер уже вырубилась. Пожар, что ли... – Майор поднял наконец взгляд на собеседника, и полковник увидел в его глазах безысходность и отчаяние. – Но вы ко мне, как я понимаю, не для совместного просмотра? Что-то случилось?

Они никогда не общались особо близко. Каким бы приятным в общении ни был майор Петров, но для остальных офицеров он всегда оставался особистом, «молчи-молчи», человеком... да каким человеком – механизмом, предназначенным для того, чтобы выявлять, предотвращать и доносить. И вот теперь у полковника есть всего несколько минут, чтобы... Чтобы что?..

– Ты уже получил приказ, майор? – решил не искать обходных путей полковник Иванченко. – О передислокации?

Майор улыбнулся одной стороной лица, получилась улыбка кривой и невеселой.

– Получил... – протянул полковник удовлетворенно. – И что, тебе велено занять место в бункере?

– В ваше распоряжение, полковник. В ваше распоряжение... И вместе с вами – в район сосредоточения. Потом выполнять задачи по блокаде зараженных районов. – Майор прищурился. – А что?

– А для кого мы будем освобождать места – ты в курсе?

– А меня это не касается, – развел руками Петров. – Не моего ума это дело. Приказ есть приказ. И выполнить его нужно беспрекословно, точно и в срок...

– Значит, вот так просто? И тебе не трудно будет...

– Наоборот – легко. Выполнять приказы легко и приятно. Выполнил десяток-другой приказов – и отдыхай. Нет? А на гражданке – думай, принимай решения, ломай голову... Так по какому вопросу вы ко мне, Сергей Иванович?

Полковник пристально смотрел в лицо Петрова, но ничего на нем не было, кроме усталости. И тоски в глазах. Майор шутит, а похоже, ему выть хочется. Не может же он не понимать, что ждет и его, и его семью...

– Я не хочу уводить людей с объекта, – сказал полковник.

– О как! – восхитился Петров. – И уже кому-то про это сказали?

– Только тебе пока.

– Польщен. Еще что?

– Хочу доставить сюда семьи личного состава и укрыть в бункере. – Полковник еле удержался от соблазна понизить голос до шепота. – Я хочу взять на себя ответственность...

– Вопрос выживания, понимаю... Но чем я вам могу помочь? Бункер открыть я не сумею, караул расстреливать не стану, – снова попытался улыбнуться Петров, и снова только гримаса

боли появилась на его лице. – Хотите моего благословения?

– Хочу, чтобы ты не мешал, – сказал полковник. – Чтобы не стукнул наверх...

– Всего-то?.. – приподнял брови Петров, изображая удивление. – Зачем просить? Я ведь в вашем распоряжении. У меня даже приказ об этом есть. Прикажете – буду молчать.

– Перестань ерничать, майор! – Полковник хлопнул ладонью по столу. – Ты сам выжить хочешь? Семью свою спасти хочешь?

– Хочу, – кивнул майор. – Только не знаю – смогу ли. Жена у меня в больнице, там и дочка с ней.

– Ну, заберешь, съездишь и заберешь...

– Туда почти шестьсот километров, обратно. Либо в объезд Москвы, либо через город. Думаете, успею? – Майор скрипнул зубами. – Даже если вот прямо сейчас все брошу – успею?

– Мне сказали – максимум десять часов, – тихо произнес полковник. – Жителей в бункер привезут через десять часов.

– Вот и ответ на ваш вопрос, Сергей Иванович. Четкий ответ, однозначный. – Майор захлопнул крышку ноутбука и встал из-за стола. – В Москве пока паники нет. Поток на выезд не увеличился, но внутренние войска и спецчасти получили приказ готовиться к выдвижению. Организация блок-постов, оцепление. Химзащита и все такое. Как полагаете, наши комплекты ОЗК защитят? Противогазы поймают заразу? Не знаете? А я вам скажу – хрен там поймают. В Израиле ни хрена не защитили, в Америке... Думаете, у них там оборудование хуже, чем у нас? Хрена вам по всей морде, уважаемый Сергей Иванович! Они не смогли остановить инфекцию, и у нас ничего не получится. Только прятаться. Только прятаться, товарищ полковник! Я так полагаю, что в Раменках уже переселение идет в полный рост. И в кремлевский бункер, и в остальные убежища. А народу рассказывают, что все под контролем! Все, мать вашу, под контролем! Нужно только закрыться в домах и ждать подхода спасателей. И всех спасут! Лично Президент будет ходить от квартиры к квартире и делать прививки волшебного антивируса...

Вот сейчас он сорвется в крик, подумал полковник. Сорвется особист и впадет в истерику. И что делать дальше?

Майор захлопнул фрамугу окна, повернулся к полковнику Иванченко. Как ни странно, но Петров выглядел спокойным. Только кожа на желваках подрагивала.

– Вы внимательно смотрели ролики и трансляции, полковник? У вас было время анализировать? – Петров подошел к сейфу, стоявшему в углу кабинета, с лязгом провернул ключ в замке. Дверь со скрипом открылась – сейф был старым, помнил, наверное, еще папки с делами НКВД.

Петров повернулся, и полковник вздрогнул – в правой руке тот держал пистолет.

– Бросьте, полковник, не дергайтесь. – Майор положил пистолет на стол и бросил пластиковую папку. – В папке – список моих стукачей на объекте. Большинство – простые испуганные ребята, попались на ерунде, стучат лично мне и доносят обычно всякую ерунду. А вот отдельным списком люди посерьезнее. Первые два – кадровые работники, имеют свои каналы связи. Остальные в принципе замкнуты на меня, но тут всякое возможно. Сами придумаете, что с ними делать?

Полковник взял папку, открыл, посмотрел на список. Черт, один из кадровых – старлей с узла связи.

– Мухаметшин ничего не докладывал тебе? – спросил полковник.

– Нет пока. А что? Узел связи уже в курсе? Ну да, откуда же у вас приказ... Мухаметшин мужик толковый, тоже сообразил, что выжить можно только здесь. А за донос ему место в бункере вряд ли выделят. И у него четверо детей. В общем, полковник, это все, что я могу для вас сделать. Оружие, извините, отдать не смогу, самому понадобится в ближайшее время. Если вам

повезет, вы сможете все получить из арсенала. – Майор Петров выщелкнул из пистолета магазин, посмотрел на патроны и снова вставил магазин в рукоять. – Я могу покинуть расположение части?

Полковник замешкался с ответом. Ему очень не хотелось выпускать Петрова, тот мог и...

Петров передернул затвор, упер пистолет дулом в столешницу:

– Я могу покинуть расположение части, товарищ полковник? Даю слово, что стучать не буду. – Палец лег на спусковой крючок.

– Иди, майор. – Полковник поспешно встал и протянул руку Петрову. – Удачи!

– Это вам удачи, а мне – счастливого пути. И скатертью дорога! – Майор поставил пистолет на предохранитель, положил его в карман куртки и пожал протянутую руку. – А за дверью у вас кто? Вы же не могли прийти ко мне просто так, без подстраховки.

– Капитан Егоров! – позвал полковник. – Зайди сюда.

Капитан вошел.

Кобура у него на ремне была расстегнута.

– И что, Егоров, выстрелил бы в соседа по лестничной клетке? – с укоризной спросил Петров. – Вот так – бац и насмерть?

Егоров отвел взгляд.

– Ладно, удачи! – Петров махнул рукой и вышел.

– Не сдаст? – спросил Егоров тревожно.

– Не сдаст, – уверенно ответил полковник. – Твой Мухаметшин где? Он в курсе?

– Да, а что? Он на узле связи. Что-то случилось?

– Ничего. Ничего пока не случилось. Ты вот что, Егоров, ты пока аккуратно, по списку вот этому, собери бойцов, скажем, в крайнем капонире. Приставь кого-то из твоих... У тебя кто еще с оружием? Сколько человек?

– Кроме меня – четверо.

– Вот их и приставь. И не давай болтать. Мухаметшина... Мухаметшина не трогай пока. Ничего не случилось. Ясно?

– Так точно, – замешкавшись всего на секунду, ответил капитан. – А вы сейчас куда?

– Не закудыкивай! Дай свой пистолет.

– Но... – замялся капитан.

– Решай, Егоров, сейчас решай, – недобро усмехнулся полковник. – Ты себе у подчиненного «макарова» возьмешь, а мне с генералом разговаривать.

Егоров торопливо отвел взгляд, потянул из кобуры пистолет, забыв отцепить ремешок, спохватился, попытался дрожащей рукой отстегнуть карабин от рукояти «макарова», но тот не поддавался.

– Я сейчас, – пробормотал капитан, – я быстро.

– Дай сюда. – Полковник отобрал пистолет, отстегнул карабин ремешка. – Что ж ты его на боевой взвод не поставил, дурилка? А если бы Петров не согласился с нами? Как бы ты стрелял в своего соседа по лестничной площадке?

Егоров покраснел, заправил ремешок в кобуру, застегнул клапан.

Правильно, мысленно одобрил полковник, а если что-то не срастется, всегда сможет сказать, что его обезоружили. И отдали прямой приказ. Молодец, капитан, так держать!

– Генерал у себя, – сказал капитан вдогонку, когда полковник уже вышел в коридор. – Ему только что ужин понесли.

Генерал Федоров предпочитал принимать пищу в своем кабинете в одиночестве. Официант приносил еду из столовой и убирался к чертовой матери. Не хватало еще, чтобы он пялился в тарелку командира. Генерал вообще был человеком привычки. Форма должна быть отутюжена,

стрелки на брюках – идеальны, награды... В принципе генерал Федоров с удовольствием носил орденские планки, благо было их много, и смотрелся наградной блок очень неплохо – внушительно и без лишней помпезности. Но недавно полученная «звездочка» заставила эту привычку пересмотреть. Тут жена, молодец, подсказала.

Зачем тебе все эти твои штуки таскать, сказала она сразу после награждения. Понятно же, что «героя» просто так не дают, понятно же? Ну так только ее и носи. Тебе Главный ее вручил, другие ордена и медали не он тебе вешал? Ну так и носи только «звездочку». И САМОМУ будет приятно, что ты как бы поменял все свои старые награды на эту, из его рук. Ты понял?

Генерал Федоров понял и согласился. Соглашаться с женой тоже было его привычкой, одной из тех, что обеспечивали ровное карьерное продвижение. Полковника Иванченко, например, генерал не отправил с Узла-3 после окончания работ только потому, что жена предложила это сделать после первого настоящего включения систем бункера. А если что-то не так? Кто ответит? Иванченко? Так он уже в районе Магадана строительством руководит. А так, в случае чего всегда можно будет объяснить, что только из-за его недосмотра... и так далее.

Генерал согласился потерпеть Иванченко еще немного. Хотя и не любил полковника. Не было в поведении Иванченко настоящего уважения. И во взгляде не было такого внимания... искорки не было. Все о работе, о работе и о работе. И выходило у него так, что будто бы генерал меньше заботится о выполнении приказа, только он, полковник Иванченко беспокоится о строительстве, монтаже, завозе на склады нужного имущества.

Ладно, потерплю, сказал генерал жене. И терпел. Хотя...

Еще была у полковника скверная привычка являться не вовремя и без доклада, как будто какая-то авария или прорыв подземных вод давали ему право вести себя с генералом как с равным... Вот и сейчас, только генерал-майор Федоров дошел до половины лангета, как открылась дверь кабинета и вошел полковник.

– Добрый вечер, – сказал генерал, демонстрируя свое неудовольствие изрядной порцией сарказма в голосе. – Ты уже поужинал?

– Нет, спасибо, – невпопад ответил полковник, будто хозяин кабинета предлагал ему разделить трапезу. – Я принес приказ...

Иванченко положил папку с приказом на стол возле подноса с посудой.

– А... – протянул генерал. – Тот самый... Мне уже звонили по прямой линии, интересовались, отчего это я еще не доложил... Я как раз после ужина собирался вызвать начальника узла связи. Как там его?

– Капитан Егоров.

– Вот-вот, капитан Егоров. Не быть ему майором. – Генерал помахал вилкой. – Так ему и скажи.

– Хорошо, – кивнул Иванченко. – Так и скажу.

– Когда собираешься выводить личный состав? – спросил генерал, с раздражением глядя на остывающий лангет в своей тарелке. Не мог полковник прийти на десять минут позже? С другой стороны – все равно нужно отдать распоряжения. – Ты в курсе, что через четыре часа здесь никого не должно быть, кроме техников-эксплуатационщиков?

– Я в курсе. Могут быть проблемы с транспортом, нужно связаться с базой, чтобы прислали машины и дополнительно броню. Нам же зараженные районы блокировать, – со странной интонацией в голосе произнес полковник. – Всех сразу нужно вывозить, семьсот человек.

– А, да, о транспорте, – спохватился Федоров. – Чуть не забыл. Отправь три машины. Грузовики, ясное дело. Ко мне домой и к моим сыновьям. И в каждую машину по четыре бойца, там кое-что загрузить придется. Сам понимаешь, все это может затянуться...

Генерал вдруг осекся, сообразив, что не стоит говорить сейчас с полковником об этом, о том,

что надолго. Он ведь тоже, наверное, за новостями следит и вполне может понимать, что...

– Отправишь – доложи, – сказал Федоров. – Я потом солдатиков, когда они тут разгружать закончат, тебе вдогонку отправлю на грузовике. Свободен, полковник!

– Есть, – тихо сказал Иванченко. – Только вы позвоните по прямой начальнику базы, скажите, что я буду заниматься передислокацией.

– Да он в курсе, я ему уже говорил. Пока твой Егоров собирался мне приказ принести, я все уже решил. Да. Все решил. – Генерал стал аккуратно отрезать кусочек лангета. Вроде бы мясо еще не очень остыло. Можно закончить ужин вполне сносно.

– Товарищ генерал!

– Что? Ты еще здесь? – удивился Федоров. – Какого рожна тебе еще нужно? Звезда на погонах лишняя? Поднимай всех, с машинами для меня только не забудь разобраться. И... Ты чего, полковник?

Генерал не поверил своим глазам. Вернее, поверил, ничего такого особо фантастического перед его столом не происходило. Стоял полковник в мятой камуфлированной форме и без кепи. Так он почти всегда не очень следит за своим внешним видом. То, что у него в руке пистолет, – тоже, в общем, картина обычная, офицеры иногда устраивали стрельбы в овраге неподалеку от объекта. Но то, что пистолет этот был направлен в сторону генерал-майора Федорова, – было вопиющей небрежностью... Небрежностью же? Не злым умыслом? Не станет полковник угрожать генерал-майору пистолетом. Это же верный суд. И... И...

– Ваш ключ, – сказал полковник и протянул левую руку ладонью вверх.

– Да как ты смеешь? – возмутился генерал, все еще не веря в серьезность происходящего. – Ты как со мной...

Полковник ударил генерала пистолетом в лицо. Сильно, так, что генерал-майор, Герой России, слетел со стула и рухнул на пол.

– Где ключ и пакет с кодами допуска? – Иванченко перепрыгнул через стол, снося на пол посуду и приборы, схватил левой рукой генерала за горло и сдавил. – Где, сука, ключ и коды?

Пистолет уперся в лицо генерала, мушкой разрывая губу. Федоров почувствовал вкус крови. Вкус своей собственной крови.

Это было неправильно. Это просто не могло происходить. Это бред какой-то, не может этого...

Удар в лицо, ослепительная боль и хруст сломанного носа.

– Ключ!

Генерал попытался закричать. Тело разом ослабло, руки бессильно скользили по плечам полковника, не способные не то что оттолкнуть его, а даже просто остановить. Генерала словно парализовало. Ударить он тоже не смог, оставалось крикнуть, позвать дежурного... или официанта из столовой, денщика своего, откормленного мерзавца, который в самый нужный момент куда-то пропал. Нужно крикнуть. Крикнуть. Генерал открыл рот, попытался издать хоть какой-то звук, но ствол пистолета воткнулся в его рот вместо кляпа. Зубы крошились и ломались, заполняя рот кровью и острыми осколками.

– Я тебя убью, – прохрипел полковник. – Разнесу голову. Ты меня понял? Понял?

Генерал что-то невнятно прошептал, глядя расширенными от ужаса глазами в лицо полковника. Он наконец-то поверил в то, что все это происходит с ним на самом деле. И что полковник на самом деле осуществит свою угрозу и нажмет на спуск.

Полковник убрал пистолет:

– Где ключ?

В принципе ключ от главных ворот бункера генерал должен был носить всегда при себе, но он никогда этого не делал – не хватало еще где-то посеять эту штуку. Генерал Федоров не любил

забивать себе голову всякой ерундой.

– Там, – прошептал генерал окровавленным ртом. – В верхнем ящике. А пакеты с кодами... пакеты с кодами в сейфе, в верхнем отделе...

Полковник встал на ноги, переступил через генерала, открыл ящик стола. Ключ от ворот был там. И ключ от сейфа тоже.

– Лежать, а то пристрелю, – сказал полковник, и генерал торопливо закивал, попытался что-то сказать, но кровь, заполнившая рот, помешала, запузырилась и потекла по щеке.

Нужно делать все, что этот сумасшедший требует. Потом, когда сюда приедут... Когда придет спецколonna, вот тогда... А еще можно будет позвонить командиру бригады. Точно, пусть только Иванченко выйдет из кабинета... Пусть только выйдет.

Полковник открыл сейф, достал пакеты. Торопливо перебрал, нашел нужные, бесцеремонно сломал печати.

– Хорошо, – прохрипел полковник. – Все есть. Хорошо.

Иванченко было трудно дышать. Сердце колотилось у самого горла.

– Хорошо, – снова повторил Иванченко. Теперь генерал не нужен. Теперь можно...

Убить, мысленно произнес полковник, медленно, словно пробуя это слово на вкус. Убить. Прострелить ему голову. Нажать на спуск пистолета и пробить голову пулей.

Но тогда выстрел могут услышать снаружи. Полковник был уверен, что сможет все потом объяснить людям, но если его застанут над мертвым комендантом объекта – все может выйти из-под контроля. Стрелять нельзя.

Полковник оглянулся. На стене возле письменного стола висело несколько кавказских кинжалов. Генерал какое-то время служил в тех местах и собрал небольшую коллекцию оружия дикарей и аборигенов, как он сам любил рассказывать гостям.

Все клинки попробовали крови, многозначительно говорил генерал.

Вот и пригодилось, сказал полковник. Вот и хорошо. В ушах грохотало, весь мир, казалось, вибрировал в такт сердцебиению полковника Иванченко.

Вот и хорошо. Вот и пригодилось. Вот и хорошо... Полковник вытащил кинжал из серебряных ножен.

– Нет... – простонал генерал. – Не нужно... Не-ет...

– Да, – сказал Иванченко, наклоняясь к генералу. – Знаете что, товарищ генерал-майор? В мире эпидемия. Люди гибнут. Я думал, что у нас она еще не началась... И ты думал, что еще есть время, мясо жрал, о своем барахле беспокоился, а она уже здесь, люди от нее уже умирают... Вот ты умрешь, сука!..

Полковник замахнулся, потом вдруг замер. Федоров с ужасом понял, что полковник смеется.

– А ты идиот, генерал. – Иванченко вытер слезы, выступившие от смеха. – Ты себе готовил в бункере многокомнатные апартаменты, ты ведь самый главный здесь, у тебя и твоей семьи должны быть самые лучшие условия... А ты не подумал, что в этом списке есть куда более высокое начальство... Не подумал, что это они будут жить в твоих апартаментах, а тебя поселят в лучшем случае в четырехместный лейтенантский кубрик, с твоей женой. А сыновей твоих в приказе нет. Ты надеялся, что сможешь их протащить нахрапом, со шмотками и детьми... Ни хрена у тебя бы не получилось. Их бы оставили снаружи. Они тоже не доросли до права выжить. Не заслужили. Ты понимаешь меня, генерал? Понимаешь?

Генерал-майор Федоров его понимал. Смотрел на лезвие кинжала над своей головой и понимал, что полковник говорит правду. Правду, осознал генерал за секунду до смерти.

А ведь он приехал в эту шикарную квартиру на десятом этаже элитного дома умирать. Когда узнал, что жить ему осталось все ничего, что по приезду из Штатов его работодатель отдаст приказ уничтожить потерявшего страх и уважение охранника, Янычар поначалу хотел бежать куда-нибудь подальше. Он умел прятаться, его этому учили, накрепко вбивая в голову, в инстинкты, в рефлексy.

Бежать, вырвать у судьбы еще несколько дней-недель-месяцев-лет... Хотя нет, больше месяца ему все равно жить не дали бы. Парни работодателя дело свое знали туго, а Янычар как-то имел возможность наблюдать за их работой. Ополоумевший от жадности Никитка Иванов попытался сбежать с деньгами и драгоценностями хозяйки, был настигнут в течение недели в глухой деревне Вологодской области и жестоко наказан.

Янычар вместе с другими бойцами шефа стали зрителями казни. Казни, другого слова подобрать было невозможно. Был эшафот, палач и зрители. Никитка умирал долго – почти четыре часа, а зрители четыре часа смотрели на это, стараясь не отводить глаз, – хозяин внимательно наблюдал за реакцией каждого.

Молодой хозяин, тварь спесивая. Со своей молодой хозяйкой.

Холеная сука тоже присутствовала при казни, ей поставили стул возле самого помоста, и Янычару даже показалось, что капли крови несколько раз долетали до ее руки. Тварь подносила руку к самому лицу, словно принимая запах крови или собиралась алую каплю слизнуть.

Тогда Янычар испытывал только брезгливость. Никакой жалости. Никто Никитку не заставлял красть. Да и ни на что-то важное и значимое собирался потратить он ворованное. Жить как человек, сказал Никитка при допросе, будто он знал, как именно живет человек. Сладко жрать, пить вдоволь и унижать всех, кого сможет?

О том, чтобы жить, Никитка сказал, когда еще думал, что все закончится просто побоями. Ну, или сломанными костями. Уж потом, все осознав, Никитка пытался что-то придумать, плел о больной матери и необходимой операции.

Это Янычара не тронуло. У него не было матери. Нет, человечья самка, выронившая его в этот мир, конечно, была, но матерью... можно назвать матерью тварь, которая просто выбросила в мусорный бак новорожденного ребенка? Его нашел дворник, вызвал полицию... нет, милицию – тогда еще была милиция, те очень удивились, что младенец еще жив, отвезли вначале в больницу, там новорожденному спасли жизнь, а потом отправили в детский дом.

Потом интернат, армия, спецкурсы, спецназ, снова курсы, подразделение особого назначения, сформированное из таких же, как Янычар, – без семьи, без прошлого и, если разобраться, без будущего.

Собственно, это Янычара не волновало. Ни капли не беспокоило. Он жил, пока была возможность. Был готов убивать ради этой возможности, для него никогда не стоял вопрос: нравственно лишить человека жизни или нет.

Ему даже о патриотизме и верности долгу престали говорить после того, как он выполнил первые задания. Только верность командиру, исполнение приказа и готовность умереть, если прикажут.

Умереть ему не приказали, приказывали убивать, и он убивал. Его тогдашний шеф – старый хозяин – прекрасно знал характер Янычара, использовал его эффективно, безжалостно, но при этом бережливо, всегда обеспечивая пути отхода, предусматривая при планировании операций возможность спасения.

Янычар даже испытывал к своему шефу нечто вроде благодарности. Насколько мог, конечно.

Потом старый хозяин подарил Янычара своему сыну – Молодому хозяину. Как боевого пса презентовал на тридцатилетие. Так и сказал при Янычаре, не стесняясь, – это подарок, сынок. Я ему верю, и ты верь. Он подохнет, но не предаст.

– Правда, Янычар?

Янычар ничего не ответил, просто кивнул. Ему даже не было обидно. Даже наоборот, старый хозяин как бы убирал Янычара с передовой, гарантировал ему сытую и безопасную жизнь: больше никто не будет отправлять его в джунгли, пустыню, в бездну чужих городов, в огонь, смерть и грязь. Теперь можно будет просто охранять нового хозяина. Хозяина и хозяйку.

С грязью Янычар ошибся, но это его тоже не очень огорчило. Грязь окружала нового хозяина, была внутри его, но Янычару было на это плевать. Ему хорошо платили, обеспечили жильем, гарантировали от мелких неприятностей, связанных с выполнением заданий Молодого хозяина. За три года работы на этого холеного ублюдка пришлось несколько человек ликвидировать, еще большее количество искалечить и припугнуть. Были сожженные дома, взорванные машины... И ни разу никто даже не попытался добраться до Янычара.

Это было хорошо. Это было правильно. Человек, честно выполняющий свою работу, должен быть вознагражден. Если, конечно, человек этот осторожен и верен. А Янычар был абсолютно верен и предельно осторожен. Он знал, что доверчивые и мягкотелые живут недолго. Хочешь выжить в этом самом прекрасном из миров – никому не верь, будь всегда готов броском уйти с линии огня и ответить ударом на удар.

Янычару даже удалось проскочить мимо постели любвеобильной хозяйки, считавшей, что охранники мужа обязаны кое-что делать для его жены. Бывалые парни из охраны предупредили Янычара о такой угрозе, рассказали в подробностях о печальной судьбе одного из них, попавшегося на этом деле. Ей-то ничего, а он...

Янычар всячески избегал оставаться наедине с хозяйкой, первое время это было непросто, но потом пришел новый водитель, и дама переключила свое внимание на него.

Лучше бы она подохла, произнес вслух Янычар. Лучше бы она подохла.

Или даже нужно было ее убить своей рукой, подумал Янычар и был вынужден признаться самому себе, что никогда не стал бы этого делать без веской причины. Верный пес, мать вашу. Верный сторожевой пес.

А эта тварь, поехав с мужем и двумя телохранителями в Штаты, сказала мужу... выкрикнула ему в лицо, когда он сделал ей замечание по поводу молоденького коридорного в отеле, что будет делать все, что захочет, с кем захочет и как захочет... Что ее муж без своего тестя – ничтожество, что его просто смахнут со стола, как хлебную крошку... раздавят, как клопа... и вообще, какая ему разница, при его-то размахе ветвистых рогов, отростком больше, отростком меньше...

– ...Вон, даже твои охранники...

– Что? Кто именно?

– Да Янычар твой хваленый, вот кто! Понятно? Даже твоему верному Янычару плевать на тебя, импотент! И я трахалась и буду трахаться... трахаться-трахаться-трахаться...

Молодой хозяин свою жену даже не ударил. Замахнулся, но не ударил. Ссориться с ее тестем и в самом деле было нельзя, никак нельзя. И про крошку, и про клопа жена сказала правду, а вот Янычар...

– Валить тебе нужно из Москвы, – сказал Янычару по телефону один из телохранителей, поехавших с шефом в Америку. Выбрался из гостиницы и из уличного автомата позвонил на запасной мобильник Янычара, номер которого знали немногие.

– Эта сука тебя сдала, – сказал телохранитель, кратко пересказав то, что происходило в шикарном номере гостиницы в Лас-Вегасе. – Так все и выложила. Он побелел, и у него рот стал дергаться. Ну ты знаешь, как у него дергаются правые губы, когда он психует...

– Губы справа, – поправил телохранителя Янычар.

– Да какая разница! – взорвался тот. – Какая, на хрен, разница? Он же не станет разбираться.

Он же...

– Я понял, – сказал Янычар. – Спасибо, что позвонил.

– Да я... Чего там... Только ты... Ты телефон разбей и выбрось. На всякий случай, – попросил телохранитель. – Мало ли что...

– Я понял, сделаю, – успокоил его Янычар. – Твоего звонка никто не отследит.

И сердобольный приятель, кстати, тоже не сможет его телефона отследить. Мало ли отчего это он решил предупредить Янычара? С каких это Янычар должен ему полностью доверять?

А все остальное... Может, ему приказал сам хозяин, решивший устроить охоту с травлей. Дать Янычару почти неделю форы, а потом пустить по следу гончих.

Любил хозяин охоту. На любую дичь, в любое время года. Даже, поговаривали те парни, что работали у него в охране давно, по молодости лет участвовал в охоте на людей. Была такая мода у золотой молодежи – вывозили человечка в тайгу или пустыню, отпускали, а потом убивали, настигнув.

Старый хозяин вмешался и запретил вроде бы.

То есть вполне могли уже приставить к Янычару соглядатая и потом только дать команду спугнуть жертву. Пусть ищет выход, пусть подергается, прежде чем попадет в руки Молодого хозяина.

Почти сутки Янычар потратил на то, чтобы убедиться – хвоста нет. Уничтожил все свои телефоны, даже те, которые держал про запас, сломал и выбросил сим-карты, оставил свой «Фольксваген» на окраине Москвы с ключом в зажигании – кто-то машину угонит, к гадалке не ходи, а если в машине стоит «маячок», пусть гончие побегают за пустышкой.

Фальшивых документов в запасе у Янычара не имелось, не было необходимости, был небольшой запас денег, пара стволов: «глок» и гладкоствольный карабин. В свою однушку на окраине он решил не возвращаться. Уходить из Москвы следовало пешком, ни к кому не обращаясь, избегая уличных видеокамер. За городом сменить несколько машин, уходя все дальше и дальше, потом снова рвануть пешком, потом... и так всю оставшуюся жизнь.

Долгую или недолгую, но уходить, бежать, прятаться... Уйти в тайгу, на Север? Сбежать за границу? Все это только отложит смерть, понимал Янычар. И более того, доставило бы радость Молодому хозяину. Охота! Хозяин любил охоту, а тут...

Это кажется только, что мир огромен, что есть места, где можно спрятаться от настойчивого преследователя. Черта с два! Найдут где угодно, вопрос только времени и денег.

И никакой доблести, чести, гордости – только бегство, бегство и бегство. И сознание того, что даже этим своим бегством ты доставляешь удовольствие своему врагу.

Да какого черта, подумал Янычар. Почему он должен умирать, а его хозяин и жена хозяина будут жить. Они имеют право жить?

Ладно, сказал себе Янчар. Они должны вернуться домой через три дня. Из аэропорта приедут сразу в свою квартиру в центре, они всегда приезжают в нее, а потом уж решают – на дачу махнуть или в гости к родителям жены.

Два телохранителя плюс водитель. Три человека – не проблема. Нехорошо получится, если тот охранник, что предупредил Янычара, попадет под пулю, но работа у него такая. Думать было нужно, когда выбирал. Его проблема.

Пробраться незаметно в элитный дом и не засветиться на камерах наблюдения было несложно. Следуя своей привычке, Янычар уже давно изучил все входы и выходы шикарного строения. Дыр в охране был много, но Янычар никому ничего не говорил – у него не спрашивали, и это была не его зона ответственности.

Ключ от квартиры у Янычара имелся, код отключения сигнализации он знал, оставалось расположиться в квартире, дожждаться появления хозяев и...

Хозяина он собирался убить сразу, пуля в лоб – и готово. А вот сука должна была умереть небыстро, четыре часа, как у Никитки, ей устроить не получится, но несколько неприятных минут Янычар ей подарить собирался.

А потом – умереть. Цепляться за жизнь Янычар не собирался, понимал, что после убийства за ним будет охотиться уже Старый хозяин. И его спецы. Выпадало Янычару погибнуть в перестрелке либо с охранниками дома, либо с полицией. Значит, так тому и быть. В одиночку умирать – невесело, а вот забрать с собой теплую компанию...

Значит, через три дня я умру, подумал Янычар. Он даже напиваться не стал из богатого хозяйского бара. Совершенно не хотелось. В груди была пустота, в мозгу была пустота... Ничего не хотелось – только дожждаться хозяев квартиры. И все. И больше ничего.

Еще день у Молодого хозяина в Лас-Вегасе, потом перелет на Восточное побережье и рейс до Москвы. Проверять и готовить квартиру к их прилету никто не будет, огромный холодильник забит всякой снедью под завязку, выпивка в баре, запасы питьевой воды и даже автономный генератор электроэнергии на балконе.

Нужно быть готовым к неожиданностям, сказал как-то хозяин. Конец света в доме, конечно, не пересидишь, но небольшой катаклизм или какую-нибудь заваруху – вполне. Или с ходу закатить шикарную вечеринку человек на пятьдесят. Настоящий человек должен жить в комфорте и безопасности. Сказав эту фразу, Молодой хозяин многозначительно поднял указательный палец. Сразу стало понятно, что свою службу и охрану он к настоящим людям не относил. Так, элементы декора и бытовые приборы, умеющие говорить и принимать устные команды.

В квартире была оружейная комната, собирались оборудовать тревожную, бронированный короб, позволявший спрятаться от бандитов и убийц, но потом решили не заниматься ерундой, просто укрепили внутренние стены и поставили особо прочную дверь.

И все равно – это их не защитит. Янычар принял решение и выполнит его любой ценой.

Очень хотелось посмотреть напоследок в глаза хозяина, увидеть, как улетучивается из них напускные равнодушие и скука, как сползает с холеного лица маска самодовольства и спеси. Только не получится. Придется работать против трех профессионалов, работать быстро. Вначале – охрана, потом хозяин, потом его жена.

Нужно только дожждаться.

Янычару так хотелось взглянуть в лица хозяев, что он не удержался, вышел через компьютер на веб-камеры Лас-Вегаса и какое-то время пытался рассматривать лица людей, входящих и выходящих из отелей и казино. Чушь, конечно; выхватить из толпы празднующихся бездельников знакомые лица было невозможно, но Янычар, сделав себе бутерброды и взяв из холодильника банку пива, сидел перед компом, переключаясь с одной камеры на другую. Он не знал, в каком именно отеле они остановились, догадывался, что это нечто шикарное, блестящее, навороченное и жутко дорогое – полностью во вкусе хозяйки.

Сверкали миллиарды огней, люди бродили по улицам, садились в машины, выходили из них – все было мелким, будто ненастоящим. Роение мошкеры, слетевшейся на яркий свет из ночной темноты.

На информацию о вспышке какой-то эпидемии в Израиле Янычар поначалу внимания не обратил. Ближний Восток? При чем здесь Ближний Восток? Есть только Лас-Вегас и Москва. Даже не вся Москва, а только вот эта двухуровневая квартира почти в самом центре города.

Да пусть все эти евреи и арабы хоть вымрут до единого человека, подумал Янычар.

Ему доводилось убивать и тех, и других, и особой разницы он не заметил.

Янычар продолжал следить за Лас-Вегасом, уплетая бутерброды, в очередной раз протирая «глок» и лишь время от времени включая телевизор, чтобы не пропустить чего-то важного, касающегося его будущей смерти: забастовки диспетчеров, урагана над Атлантикой, очередного теракта в Москве – всего, что могло задержать его хозяев в дороге.

Эпидемия проникла в Соединенные Штаты, сообщили в новостях. Зараза распространяется с невероятной скоростью, власти ничего не могут поделать, сообщили в новостях. Похоже, что Америка обречена, с плохо скрытым злорадством судачили в русскоязычном секторе Сети. Так им, пиндосам, и нужно, это они сами доигрались, сообщали одни; жида чего-то сварили у себя в лаборатории, возражали другие; Апокалипсис грядет, кричали третьи.

Насекомые в Лас-Вегасе на мониторе компьютера засуеились, будто кто-то плеснул на них кипятком... Или походя опрыскал из баллончика инсектицидом. Крохотные бессмысленные насекомые бежали к машинам, машины сплошным потоком заполняли улицы – выжженные солнцем, обычно пустые в это время.

Бедные насекомые пытаются убежать от безжалостной руки великана, раз за разом поливающей их ядом. Только минуту назад крохотные человеческие фигурки потоком бежали из дверей гостиницы, как вдруг что-то произошло, какая-то заминка перед автостоянкой.

Янычару пришлось присмотреться, чтобы разобрать – люди падали на бетон, бились в судорогах. Большинство падали и бились, некоторые замирали в ужасе, окруженные умирающими людьми, их вроде бы зараза не коснулась. Замирали, потом пытались бежать дальше к машинам, перепрыгивая или обходя бьющиеся в судорогах тела.

Некоторые из не пострадавших пытались чем-то помочь, наклонялись к заболевшим.

– Идиоты, – пробормотал Янычар, глядя на монитор.

Понятно же: повезло, не накрыло этой заразой – беги. И не с толпой беги, а куда-нибудь в сторону, туда, где мало людей... Да вернуться в отель, в конце концов. Снести все преграды на пути, проломить несколько черепов, если служба попытается не пустить, забиться в номер на каком-нибудь высоком этаже и, закрывшись, ждать. Черт его знает, как эта зараза передается?

Если воздушно-капельным путем – есть шанс уцелеть. Вода в номерах есть. И в трубах некоторое время еще будет... Хотя если заражение пришло через водопроводную воду, то лучше потерпеть. Или кипятить эту хренову воду.

Не метаться перед гостиницей, не лезть в машину, которую все равно зажмут если не на стоянке, то в пробке на ближайшем перекрестке. В таких обстоятельствах не нужно искать союзников, нельзя даже хвататься за родственников и знакомых.

Бежать в одиночку, прятаться, убивать всякого, кто попытается помешать, отобрать запасы или вцепиться просто в поисках защиты и помощи.

Янычар переключил несколько камер – на всех было одно и то же: хаос, смерть, ужас. Он не видел подробностей, не мог рассмотреть деталей. Крохотные человечки бежали, сталкивались, падали... Белый, обожженный солнцем бетон дорог покрывался черными пятнами крови. И пятен этих становилось все больше и больше.

Пиво в банке закончилось. Янычар встал из-за стола, не торопясь, сходил на кухню, достал новую банку из холодильника. Открыл, сделал глоток, постоял, задумчиво глядя в стену, прикидывая – оставить банку и сходить в туалет или банку все-таки допить, чтобы пиво не выдыхалось.

Решил допить.

Вернулся в кабинет шефа, сел в кресло, поерзал, устраиваясь.

Что-то изменилось на экране монитора. Что-то...

Странно, подумал Янычар. Лежащих на асфальте и бетоне тел стало значительно меньше, зато появились люди, которые не пытались скрыться или убежать. Они набрасывались друг на

друга, бросались вдогонку за убегающими, валили их и били-били-били...

Похоже было, что те, кто нападает, не просто убивали свои жертвы. Янычар не сразу поверил своим глазам. Люди, кажется, рвали упавших зубами. Темные пятна растекались из-под тел.

– Ни хрена себе, – сказал Янычар и сделал глоток из банки.

Это получается, что и хозяин с хозяйкой где-то так же бегут, падают... или уже быются в судорогах... или...

Янычару очень захотелось, чтобы хозяйка напала на своего супруга и вцепилась ему в глотку. Она всегда была хищницей... даже не хищницей, а падальщиком, гиеной с мощными, всесокрушающими челюстями.

И вот она одним ударом валит своего мужа, разрывает на нем безумно дорогую рубашку самого модного в этом сезоне бренда и впивается в глотку своими шикарными, ослепительно-белыми зубами. И воет, закинув голову, проглотив очередной кусок плоти.

Янычар допил пиво, бросил банку в угол кабинета.

Это все?

Это значит, что никто не приедет в эту квартиру, что никто не прикажет убивать Янычара, не пустит по его следу загонщиков и убийц? И не Янычар убьет этих уродов, а какой-то неизвестный вирус? Крохотная козявка, даже не испытывающая к хозяину и хозяйке никаких чувств?

Даже обидно, подумал Янычар.

Он несколько раз переключил камеры, перепрыгивая из одного города Соединенных Штатов в другой. В Нью-Йорке на улицах горели машины. Толпы людей... Нет, не людей, они двигались не так, как двигаются люди, они, скорее, перемещались будто стаи диких, обезумевших животных – метались по улицам от дома к дому, набрасываясь, разрывая в клочья людей, не успевших убраться в какое-нибудь укрытие.

В Вашингтоне такая стая натолкнулась на цепочку солдат или национальных гвардейцев – на мониторе не разберешь, но скорее, гвардейцев, законы запрещают вводить в округ Колумбия армию.

Солдаты в костюмах химзащиты стояли поперек дороги перед мостом. Сам мост был перегорожен двумя БМП «Бредли». В кадр все время попадали клочья черного дыма – что-то горело. Толпа, увидев солдат, бросилась к ним, наверное, кто-то из офицеров предупредил бегущих о возможном применении оружия, потому что через несколько секунд солдаты подняли винтовки и открыли огонь.

Метров с пятидесяти, практически в упор.

Солдат было человек сто, потоки свинца, которые выплюнули их винтовки, должны были в несколько секунд выкосить первые ряды нападавших, усеять трупами улицу и обратить выживших в бегство, но только не в этот раз.

Несколько человек упали, но остальные преодолели оставшиеся метры до солдат в считанные секунды, и началась бойня. Солдаты продолжали стрелять, но пули, кажется, не производили на толпу почти никакого впечатления. И почти не действовали.

Солдатскую цепь смяли, толпа словно проглотила фигуры в костюмах радиационной и биологической защиты. Янычар не мог рассмотреть подробностей, но ясно себе представлял, что там сейчас происходит. И что сейчас произойдет.

Оба «Бредли» развернули башни и открыли огонь из пулеметов. Потом ударили пушки. На этот раз люди из толпы падали, но остальные все равно рвались вперед, к БМП. Машины двинулись с места, пытаясь давить обезумевших людей гусеницами, но это помогало мало – на броне, на башне боевых машин уже были люди, чем-то били по приборам наблюдения и

прицелам.

Камера выключилась.

То ли в нее попала пуля, то ли кто-то специально отключил передачу.

И это правильно, подумал Янычар. Не нужно это показывать людям здесь. Зачем раньше времени рассказывать им, что ждет обитателей этого города, этой страны, всего этого мира.

Новости продолжали работать. Дикторы дежурными голосами рассказывали, что эпидемия проникла в Британию, в страны Европы, но в Восточной Европе все еще тихо, туда зараза не попала. И вообще, меры принимаются, нужно только сохранять спокойствие и ждать указаний от правительства. МЧС и армия принимают меры для предотвращения...

Янычар сходил в туалет, потом тщательно помыл руки, не торопясь, их вытер.

Как жизнь устроена, подумал он. Я пришел в эту квартиру умирать. Да, вначале убить, но все равно – умирать. А теперь... Теперь, наверное, у него есть шанс выжить.

Бежать? Пока нет пробок – бросить все и попытаться вырваться на хозяйской машине, стоявшей в подземном гараже, за город. А потом... Быть настигнутым эпидемией в чистом поле? Если зараза прикончит его сразу – еще куда ни шло, а вот стоять перед набегающей неуязвимой толпой? Или загнанным зайцем бежать от нее? Нет, неохота. И бессмысленно.

Он уже все решил, сидя перед монитором и глядя на то, что происходит в Лас-Вегасе. Нужно оставаться на месте. Запасов в квартире хватит на него одного на месяцы. Воды – тоже. Если вирус или что там именно убивает людей, не доберется до него... или не тронет... он же видел, что далеко не все умирают.

Янычар задумался. Да, где-то треть людей на картинке с веб-камеры не умерли сразу. И даже те, кто упал и бился в конвульсиях, умерли не все. Они просто превратились в этих... в зверей. В уродов. Как в глупом фильме про зомби.

Бежать Янычар не будет. Он не побежал от мести хозяина, не побежит и от эпидемии. Он встретит ее здесь, на месте.

Янычар потянулся, попытался зевнуть. И обозвал себя позером и выпендрежником. Сколько раз собственноручно учил молодняк не умничать перед операцией, не демонстрировать всем окружающим, а прежде всего самому себе собственное спокойствие и невозмутимость.

Перед кем тут выпендриваться? Перед портретом хозяйской супруги на письменном столе? Перед портретом хозяйского отца на стене? Вот уж не стоит. Янычар встал из-за стола, прошел по кабинету, сомкнув руки за спиной. Ему неоднократно говорили, что у него уголовная привычка думать, вышагивая, держа руки за спиной, будто на тюремной прогулке.

Но ему и вправду так лучше думалось.

Умирать?

Какого черта – умирать? Жить. Побороться за жизнь и выжить – нормальная, реальная и почти совсем не фантастическая цель. Обычная постановка задачи. Слышал, Янычар? Тебе приказано выжить. Сделать все, чтобы...

Ты, конечно, можешь сразу же подохнуть от этого вируса? Или что это на самом деле убивает людей по всему миру? Убивает целый мир. Будем называть это вирусом. Как-то весомее звучит – погиб от вируса, чем микробы заели... Спокойно! Спокойно, приказал себе Янычар, понимая, что слишком уж завелся.

Да, ты можешь строить предположения, даже готовиться, прикидывать варианты, намечать планы, а вирус возьмет и грохнет тебя в первую же секунду. Досадно будет. Скорее всего, он вряд ли успеет вспомнить об этом, но сейчас это выглядит немного обидным. Только он решил доказать Вселенной, что готов потягаться с ней за свою жизнь, как...

С другой стороны, такой расклад у него далеко не первый раз. Бросок с парашютом на горный массив, вероятность удачного приземления в таких условиях – пятнадцать процентов,

потом, приземлившись, он должен увернуться от патрулей, которых наверняка там будет множество, потом пройти почти триста километров по вражеской территории и только потом приступить к выполнению собственно задания. Они всей группой, все двенадцать человек до автоматизма отработывали действия во время второй фазы, запоминали названия улиц, номера домов, пароли, пути отхода. Целая неделя ушла на это, и никого не смущало, что до начала второй фазы можно просто не дожить, что предыдущая группа накрылась еще на стадии десантирования.

Так почему его должно волновать, что все приготовления могут оказаться впустую? Да, он может подохнуть на куче приготовленных припасов, среди оружия и патронов. Вдохнул-выдохнул, покорчился немного в конвульсиях и сдох. Но ведь может и выжить. Он сам видел, как многие оставались здоровыми среди умирающих.

– Значит, – сказал Янычар, – готовимся. Фаза два. Выжить, осмотреться, ознакомиться с новой обстановкой, а потом...

Потом вдруг окажется, что наши ученые приготовили антивирус. По улице проедет машина с мегафоном и прокричит всем – вставайте, выходите получать уколы! Вот тут, за углом, там, где аптека.

Вариант два – выдохнется эта зараза. Выработает ресурс и уснет. Или не на всех она действует. Не умер в течение первых суток – живи и радуйся. Трупы с улицы собери, закопай и радуйся.

Янычар подошел к двери кабинета, постоял, задумчиво постукивая пальцами по дверному косяку. Значит, снаряжение и оружие. Составлять маршруты движения – бессмысленно.

Раз-два-три-четыре-пять, начинаем выживать...

Хозяин Янычара... ныне покойный хозяин Янычара был все-таки сумасшедшим. При его деньгах и связях он мог спокойно наслаждаться жизнью. Да, терпеть свою супругницу, насколько это возможно, и всюю веселиться. А он, ненормальный, все готовился каким-то катаклизмам и катастрофам. И к тому, как выживет, как всем докажет, что он настоящий самец. С пулеметом в руках, во главе вновь основанного племени.

С пулеметом в руках, да. В оружейной комнате у него был пулемет. Обычный ПК, не какой-нибудь навороченный «американец» или «бельгиец», а свой родной, устаревший, но надежный и все такое... И самое главное, сказал как-то Молодой хозяин, к нему патроны здесь найти значительно проще, чем к «браунингу» и МГ.

Вообще, оружия, которое собрал в своей квартире... только в этой своей квартире самец, обычным людям хватило бы для посадки в тюрьму на всю жизнь. Оружия было много, боеприпасов было много, амуниции также лежало и стояло на полках в избытке.

Жена говорила ему, что он дебил, до сих пор не вырос, остался мальчиком. Может, поэтому она ему и изменяла. Охранники посмеивались втихомолку и были вынуждены принимать участие в военизированных играх своего хозяина и его озабоченных оружием друзей.

Страйкбольное имущество Янычар отгреб в угол, чтобы не мешало и не сбивало с толку. Похожее на настоящее даже вблизи, не хватало еще потерять из-за этого пары секунд в случае чего.

Значит, ПК.

Янычар быстро разобрал пулемет, снова собрал, проверил механизмы, убедился, что все работает безукоризненно. Было несколько запасных стволов, что тоже характеризовало покойничка как человека аккуратного и предусмотрительного. Не смог только предвидеть свою судьбу, но тут он был не одинок.

Патроны. Три коробки со снаряженными лентами по триста патронов в каждой, и еще два ящика с цинками, россыпью. Ладно, хорошо.

Ящики Янычар оставил в оружейке, патроны и коробки вынес в прихожую. Штурма, скорее всего, не будет, но представить, откуда может явиться опасность – через проломленную дверь или по штурмовой лестнице на балкон, он сможет и позже. Янычар открыл одну коробку, заправил ленту в пулемет.

– Как-то так, – сказал себе Янычар. – Как-то так.

«Винторез», пара «драгуновок». «Бизон» – Янычар повертел оружие в руках и положил на полку, не доверял он таким вот прогрессивным разработкам. Главное – не переусложнять.

Все равно, в случае прорыва он не сможет утащить все это богатство с собой. Это в компьютерных играх можно таскать на себе и гранатометы, и ружья, и «вулкан», перехватывая все это и пуская в дело по мере необходимости в нужный момент. А на серьезную операцию нормальные люди берут с собой основной ствол и что-нибудь маленькое запасное.

Этого добра в оружейке тоже было достаточно. Несколько «макаровых» – их Янычар даже трогать не стал, полагаясь на свой «глок», а мимо «стечкина» в деревянной кобуре пройти не смог. И мимо четырехствольного пистолета для бесшумной стрельбы – тоже. Автоматический «стечкин» был его мечтой с детства, а что-то по-настоящему бесшумное вполне могло пригодиться.

Юаровский дробовик двенадцатого калибра с барабанным магазином. Это штука забавная и, возможно, полезная. А то что-то не произвели на Янычара впечатления результаты применения М-16 на озверевшую толпу. Как-то малый калибр плохо работал.

Ножи и мечи.

Янычар хмыкнул, вытащив «катану» из ножен и осторожно потрогав пальцем лезвие. Настоящий «японец», без дураков, не новодел, был куплен уже при Янычаре за совершенно безумные деньги. Жалко будет его оставлять, если что. Красавец. С мечом разберемся, а пару ножей нужно с собой взять.

Потом Янычар осмотрел снаряжение и долго ругался. Все-таки Молодой хозяин был зажавшимся идиотом. Мальчиком, все еще игравшимся в солдатиков. Он приготовил несколько комплектов формы – разный камуфляж, разная ткань на все времена года, даже два костюма «кикимора» имели место быть, а вот «разгрузки», хотя бы простой армейской, он не приготовил. Понятное дело, не собирался он таскать на себе всю эту тяжесть, урод. За ним ее должны были носить.

Это как на дорогих элитных английских охотничьих ружьях никогда не было ремней. Если у вас есть возможность купить такое ружье, то также есть возможность нанять человека, который на охоте будет его за вами носить. Урод – он урод и есть.

Значит, что-то нужно будет приспособить для переноски боеприпасов. Ранец – понятно, но в бою из него патроны не достанешь.

В глубине души Янычар надеялся, что его мертвый хозяин, раз уж набрал столько оружия, запасется еще и гранатами, от пары десятков РГД Янычар бы не отказался, но тут его ожидания были обмануты.

Янычар примерил одежду, отобрал нужное, выгреб из запасов хозяина белье, носки, уложил необходимое в ранец, загрузил туда патроны, запасные стволы к пулемету, приподнял ранец с пола, прикидывая вес. Еще ведь нужно туда уместить что-то из продуктов, воду, аптечку... В общем, получалось, что лучше Янычару как можно дольше сидеть на месте и только потом, все просчитав и взвесив, уходить.

Ладно-ладненько.

Война войной, а обед – по расписанию. Или ужин. Пока Янычар возился со снаряжением, на улице стемнело.

Янычар заглянул в холодильник, прикинул, чего бы сейчас хотелось съесть, и решил, что

ничего такого особого готовить не хочется. Ни картошку чистить, ни воду для макарон ставить. Полдюжины яиц и банки датской ветчины будет вполне достаточно.

Хлеба в доме не было. Были всяческие хлебцы, сухари, со специями и ароматизированные, но вот хлеба – хоть черного, хоть белого – в доме не было. И сразу захотелось хлеба. Теплого, с хрустящей коркой. Такой, что продают в магазине за углом.

Янычар даже некоторое время прикидывал – а не сходить ли? Не сбегать ли за хлебушком, пока люди еще не начали умирать на улицах? Это ведь недалеко – пять минут всего туда и обратно. И нарваться на вирус, сказал себе Янычар, разбивая точными ударами боевого ножа яйца на сковороду в кипящее масло. И на вирус – ладно, а вот на кого-нибудь из сбесившихся... Или просто на обезумевшую толпу паникующих.

Придется обойтись без хлеба, сказа себе Янычар. И заказать пиццу сюда в квартиру – тоже идея не из лучших. Обойдемся.

Янычар вдруг замер со сковородой в руке – черт, а ведь... ведь если он прав и завтра на Москву обрушится эпидемия, может случиться так, что он больше никогда не попробует ни свежего хлеба, ни пиццы, ни... ни много еще чего он не попробует. И не увидит. И не встретится.

Позвонить Наташе? Пригласить ее сюда, чтобы... Нет, оборвал свои мысли Янычар. С Наташей ему было неплохо, но это не стоило снижения собственных шансов на выживание.

Жить – дело индивидуальное. Если придется жрать кошек впоследствии, то одной кошки вряд ли хватит на него самого, на двоих – совсем ерунда.

Все, забыли о Наташе. Кто это вообще такая? Набор звуков. Шесть букв, шесть звуков. И все. И забыли. И забыли, я сказал!

Янычар поставил сковороду прямо на письменный стол, на зеленое сукно. Неужели попортится матерьяльчик? Что вы говорите? Какой ужас.

Открыл консервную банку, нарезал ветчину прямо в ней. Хотел и есть ножом – тактическим агрегатом с вороненым лезвием, но решил, что свинствовать не стоит. Ему, может, в квартире еще жить несколько месяцев.

Янычар сходил на кухню, потом снова вернулся туда за пивом и кетчупом. Подумал, решил, что все принесено, и сел в кресло. В холодильнике еще была икра и прочие деликатесы, но их трогать пока не хотелось. Вот когда завтра все начнется, а Янычар останется живым, вот тогда...

На улице кто-то закричал.

Женщина. Она вопила пронзительно, пытаясь выкрикивать какие-то слова, но получался только визг.

Нужно было закрыть балконную дверь, с укором напомнил себе Янычар. Он не стал сразу включать кондиционер, решил, что открытой балконной двери хватит. И теперь нужно было понять – идти глянуть с балкона вниз, пытаясь рассмотреть, что же там происходит и почему женщина кричит, или не его это дело.

Кричать мог кто угодно и сколько угодно, Янычара это не трогало, но вдруг все-таки уже началось? Он почему-то решил, что это будет происходит завтра и засветло, а ведь на самом деле вирусу наплевать на рассуждения и планы бывшего убийцы на службе у государства. Вирус вообще, может, собирался начать убийства в Москве именно с Янычара. Или вообще все было затеяно только ради этого убийства.

Янычар хмыкнул. Манией величия он никогда не страдал, психолог даже как-то указал в его карточке, что пациент сознательно занижает свою самооценку. Но убивать это не мешало, дисциплине где-то как-то даже способствовало, Старый хозяин пожурил верного пса, сказал, что себя нужно ценить...

Но не настолько же, чтобы верить в свою исключительность. Достаточно того, что он верит в свою неуязвимость для вируса. Вполне достаточно.

Янычар взял банку чешского пива, вывалил на финский хлебец кусок датской ветчины и вышел на балкон.

Фонари на улице внизу горели. Было немного прохладно, но не зябко. Хорошая осенняя погода. Нужно будет вытащить на балкон кресло-качалку и посидеть с пивом, укрыв ноги пледом. Как-то Янычара на одном задании здорово попортили конкуренты, Старый хозяин проследил, чтобы его подлатали качественно, а потом отправил на курорт в горы. Вечерами выздоравливающих отправляли на веранду подышать свежим воздухом. Без пива, правда.

И этого тоже больше никогда не будет, пробормотал Янычар. И такого спокойного вечера в засыпающем городе тоже больше не будет. Черные клубы дыма, мечущиеся стаи озверевших людей, кровь, вопли, звуки выстрелов – это будет наверняка, а покоя – не будет. И относительно свежего воздуха...

Женщина закричала снова.

Янычар оперся о перила балкона и посмотрел вниз. На противоположной стороне улицы шевелились три или четыре тени. «Не нужно! – кричала женщина. – Николай, не нужно!.. Я прошу тебя, Николай!»

Мужчины дрались молча, было слышно только тяжелое дыхание и глухие удары. Видать, серьезно дерутся, прикинул Янычар. Иначе бы драка долго не тянулась, да и неслись бы вопли типа: «да ты... да я... да какого хрена...»

Людям оставалось жить меньше суток. Они могли видеть по телевизору то же самое, что видел Янычар, только он сделал правильные выводы, а они... Драка на самом краю жизни – это да, это по-нашему...

– Коля! – истошно закричала женщина. – Коля!

Драка закончилась, один силуэт медленно сползал вдоль фонарного столба на асфальт, второй нетвердой походной удалялся к перекрестку, в сторону магазина, в который Янычар так и не решился сходить за хлебом. Женщина пыталась поддержать падающего, но у нее это плохо получалось.

Даже до десятого этажа доносился странный kloкочущий звук.

А ведь беднягу убили, понял Янычар. Перерезали горло, сейчас наверняка из разреза течет, пузырясь, кровь. Серьезная драка. Прямо напротив элитного дома, охрана которого в принципе должна была уже давно вмешаться. Но не вмешалась, что показательно.

Женщина перестала кричать и тихо что-то скулила, опустившись на колени. Янычар доел бутерброд, запил его большим глотком пива и медленно двинулся по балкону, опоясывающему половину дома.

Москва выглядела обычно. Горели фонари, мельтешили огни реклам, с воем неслись троллейбусы, истошно взревел байк под каким-то сумасшедшим «спортОм». Все как обычно.

Янычар задрал голову. В это время над Москвой обычно летает много самолетов. Сегодня... Сегодня их пока не видно. Хотя не исключено, что Янычар просто не вовремя стал рассматривать небосклон. Может, сейчас пауза в расписании рейсов.

И летят к Москве авиалайнеры, битком набитые трупами, или зараженными, или просто с вирусом, о присутствии которого еще никто не догадывается. Как-то же попадет вирус сюда. Быстрее всего на самолете. Если не на обычном рейсовом, так на чартерном или частном, отправленном сердобольным папашей, чтобы вывезти свое чадо из Британии, где оно получало нормальное европейское образование, а не училось в Рашке, вузы которой для нормальных людей не подходят.

Янычар сплюнул вниз с балкона.

Мы жили в одной стране, в одном мире, а будто... Кто-то из обитателей этого дома задумывался хоть раз, почему ему можно все, а тем, кто живет за МКАДом можно только лишь

то, что им позволят. Деньги? Конечно деньги, все рассудят деньги. И власть.

Янычара посылали в другие страны, чтобы он помогал решать проблемы, которые не решались с помощью денег. Хотя, если вдуматься, и в этом случае все решали деньги, только использовали их по-другому.

Кремль.

Молодой хозяин, ныне дохлый Молодой хозяин, любил приходить на этот край балкона, иногда с биноклем, иногда без, и рассматривал башни Кремля, будто хотел увидеть там что-то интересное или кого-то важного. Его отцу было достаточно реальной власти, основанной на силе и ее правильном и жестком использовании. А Младшему хозяину хотелось власти публичной. Чтобы узнавали на улице, чтобы почитали, чтобы...

У него были очень далеко идущие планы и серьезные амбиции, только все они остались в далеком Лас-Вегасе, что на Невадщине. Все эти планы лежали с перегрызенным горлом на автостоянке перед казино. Или в джакузи самого дорогого номера. А жена... или вдова сидела рядом, опустив ноги в кровавую воду, и вычищала кусочки плоти и кожи, застрявшие между зубами...

Янычар сплюнул еще раз.

Звезды на кремлевских башнях горели ровно и ярко. Они должны были внушать уверенность. Все будет хорошо, пока эти звезды горят, пока кто-то в кабинете под ними думает за всю страну.

– Кремлевские звезды над нами горят, повсюду доходит их свет... – продекламировал Янычар всплывшие вдруг в голове строки. Он не вспоминал их с семи лет, когда воспитательница в детдоме... – Хорошая родина есть у ребят, и лучше той родины нет...

От Кремля по темнеющему небу скользнуло несколько силуэтов, черное на темно-синем. Вертолеты. Четыре, прищурившись, рассмотрел Янычар. Двигатели работали почти бесшумно, вертолеты шли почти над самыми домами, но был слышен лишь звук ударов лопастей винта.

– О как, – сказал Янычар и отсалютовал вертолетам пивной банкой. – И лучше той родины нет!

Похоже, это эвакуация. И мы спасаем самое дорогое, что есть у страны. Руководителей. Они-то, ясное дело, должны быть спасены в первую очередь. А все остальные...

Снизу, с улицы, послышались звуки подъехавшей машины. Голоса.

Мужской говорил, чтобы быстрее, чтобы не брали лишнего, а женский доказывал, что так нельзя, что без вещей, своих и детских, она не поедет, не дикари какие-нибудь. Это ты можешь позволить себе...

Потом женский голос стал звать Доминику, и Янычар понял, что это жильцы из квартиры на четвертом этаже. Муж был в высоких чинах ФСБ, и видать, им уже разъяснили перспективы на ближайшее будущее. И он пытается вытащить свою семью в какое-нибудь убежище, а жена орет, выкликает свою горничную Доминику и требует, чтобы та тащила вместе с водителем чемоданы – все чемоданы, я сказала! – и детей.

– Доминика с нами не поедет, – тихо сказал муж.

– Конечно, поедет, – взвизгнула жена. – По-твоему, я сама буду стирать и готовить? И чемоданы я потащу?

– Она с нами не поедет! – повторил муж. – Ее все равно не пропустят в убежище...

– А ты договорись, – прикрикнула жена. – Ты всегда так – сопли жуешь, вместо того чтобы настоять, стукнуть кулаком по столу, в конце концов. – Своего Романа ты берешь с собой, а я...

– Роман довезет нас только до убежища, – совсем тихо сказал муж. – Я бы сам сел за руль, но сейчас на дорогах такое творится...

– Мне плевать, что творится на дорогах, – безапелляционным тоном заявила дама. –

Доминика едет с нами. Можешь ей уступить свое место в этом вашем убежище.

Из дома вышли люди, по-видимому, тот самый Роман, водитель, с двумя громадными чемоданами в руках, и Доминика, которая вела за руки двух детей, близнецов Аристарха и Владигора.

– Садись в машину с детьми, Доминика, – торопливо приказала дама. – На заднее сиденье. Мы с тобой прекрасно поместимся с детьми, а хозяин поедет на переднем.

– Маргарита, – со странной интонацией произнес муж.

– Я уже много лет – Маргарита, – отрезала жена. – В машину.

Водитель загрузил чемоданы в багажник. Сходил к крыльцу и принес еще три.

Муж стоял и смотрел, как на заднее сиденье села его жена, потом, с хохотом и криками, дети.

– Доминика, можно вас на секунду? – сказал муж.

– Да, хозяин, конечно.

– Отойдем, – предложил хозяин. – Вот сюда, в сторону.

– Что вы там топчетесь? – Жена высунула голову в приоткрытую дверцу. – Сам говорил – нужно торопиться.

– Да, я быстро, – сказал муж. – Я практически уже закончил.

На улице щелкнул выстрел. Янычар даже вздрогнул от неожиданности.

Тело Доминики рухнуло на мостовую, хозяин переступил через него и быстрым шагом подошел к машине.

– Все-таки всегда все сделаешь по-своему! – выкрикнула жена, и дверца захлопнулась.

Муж открыл переднюю дверцу, остановился, оглядываясь по сторонам.

– Урод, – негромко сказал Янычар, но мужчина возле машины его заметил и поднял голову. Лицо казалось белым и безглазым.

– Лучше бы ты свою благоверную грохнул, – сказал Янычар. – Уж поверь мне. И себе б заодно в башку пулю всадил...

Мужчина торопливо сел в машину, дверца захлопнулась. Машина уехала, оставив на обочине мертвое тело. И снова никто из охраны даже не попытался вмешаться.

– Эпидемия, говоришь, – спросил у неба Янычар. – Смертельный вирус, говоришь? А может, все правильно? Может, так и надо? Пусть все вымрут к чертовой матери.

Заслужили, разве нет? Разве мы не заслужили смерть?

Янычар запустил пустую пивную банку в темноту, в сторону кремлевских звезд, будто и в самом деле собирался разбить одну из них.

С детства он мечтал найти и убить свою мать. Потом, когда подрос, понял, что шансов отыскать ее нет никаких. И вот сейчас вдруг подумал...

А ведь она подохнет от вируса. А те сволочи из морской пехоты Америки, которые несколько лет назад изуродовали ему руку и убили трех из четырех членов его группы – они уже подошли. И те, кто посылал его ребят на верную смерть, и те, кто считал, что есть настоящие люди, и быдло... Значит, есть на земле справедливость?

Осталось только подождать до завтра и своими глазами увидеть, как она работает. Если она попытается достать и Янычара – пусть попробует. Имеет право, в конце концов.

– Товарищ полковник... – Капитан Ермаков наконец не выдержал и решил окликнуть командира. – Сергей Иванович!..

Полковник сидел в кресле, опустив голову и скрестив руки на груди. За эту ночь он постарел на несколько лет. Да мы все, подумал Ермаков, все... И оборвал эту дурацкую мысль – не хотел бы он оказаться на месте полковника.

Ермаков после ухода особиста не ушел. Остался неподалеку от кабинета, а потом, держась в отдалении, двинулся вслед за Иванченко. Тот, казалось, ничего не замечал, шел к генералу сосредоточенный, словно сконцентрированный на одной мысли, настроенный на единственное действие... И капитан прекрасно понимал, на какое именно.

Когда Иванченко вошел в кабинет к генералу, капитан шуганул штабных и обслугу, приказал убираться и подождать в курилке возле плаца. Выстрел так и не прозвучал, капитан решил было, что полковник договорился или просто не смог себя заставить совершить убийство, но когда дверь открылась и полковник вышел в коридор, капитан увидел алые пятна на его форме и вздрогнул. К горлу подкатил комок – все, теперь пути отхода отрезаны. Теперь... Теперь нужно идти до конца.

Ермаков больше ни на шаг не отходил от полковника Иванченко. Стоял рядом с ним, когда полковник, собрав личный состав, сообщал всем о поступившем приказе. И о том, что, судя по всему, остановить эпидемию будет невозможно, и о том, что всех их, стоявших сейчас в строю, уже списали. Они были здесь, они сохраняли бункера, обслуживали их, а теперь... Теперь их вышвыривают прочь, как отработанный материал.

– Каждый из вас сможет прочесть этот секретный приказ, – сказал полковник. – Вы увидите, что из почти двух тысяч человек, офицеров, сержантов и солдат, в бункере приказано оставить тридцать девять. Техников, обслугу. Да, тридцать девять человек, из них двадцать два – люди семейные. С детьми...

Полковник замолчал на несколько секунд, словно слова застряли у него в глотке. Строй молчал. Люди понимали, что происходит нечто из ряда вон выходящее, каждый из них знал об эпидемии, но большинство по привычке верили официальным новостям. Все под контролем. Все будет хорошо. Нужно только выполнять приказы. И вдруг...

– С детьми, – повторил полковник. – Только ни семей, ни детей в этом списке нет. Слышите? Нет. И ничьей семьи, кроме генеральской, в этом списке нет!

Полковник повысил голос, птица сорвалась с ветки дерева и пролетела над самой его головой, словно материализовавшаяся черная мысль.

– Через восемь часов сюда прибудет спецколонна. И у вас... у нас есть два выхода. Подчиниться приказу и освободить территорию до прибытия колонны. Или взять спасение своих семей в собственные руки. – Полковник снова замолчал, опустив взгляд, словно только сейчас заметил уже засохшую кровь на носках своих ботинок. – Я не буду никого заставлять. И не буду угрожать. Я знаю, что многие из вас... Что семьи многих из вас находятся далеко, и вы просто не успеете их доставить в бункер. Вы можете остаться здесь, а можете уйти – я не стану задерживать. Надолго не стану задерживать. Попрошу сдать телефоны и прочую технику и подождать несколько часов, пока мы закончим эвакуацию семей. Потом... Потом вы сможете выбрать. Сами выбрать!

Строй молчал, не шелохнувшись.

Это был мятеж, понимал каждый. Это было преступление. Но это был шанс выжить. И спасти своих близких.

– Старший лейтенант Мухаметшин! – неожиданно позвал полковник.

Тишина.

– Старший лейтенант Мухаметшин! – крикнул полковник.

– Я! – прозвучало с правого фланга.

– Ко мне! – приказал полковник.

Ермаков напрягся. Если полковник решил прямо сейчас произвести показательную чистку, то можно ожидать всякого – старлея на объекте любили, он был душой компании, всегда готовый помочь, поддержать, одолжить до зарплаты. Ну кто знал, что он из особистов? Никто не знал, относились как к человеку.

– Есть! – Мухаметшин вышел из строя, пробежал через плац, за десять шагов, как положено по уставу, перешел на строевой и, вскинув руку к козырьку каскетки, попытался отрапортовать о своем прибытии.

– Отставить, – махнул рукой полковник.

Левой рукой махнул, заметил, напрягшись, капитан Ермаков, а правая вроде как случайно коснулась набедренного кармана брюк.

– Руслан, ты что выбираешь? – тихо, так тихо, что никто, кроме Мухаметшина и капитана Ермакова, ничего не услышал. Одними губами прошептал. – Ты со мной?

Мухаметшин растерянно оглянулся через плечо на строй. Посмотрел Иванченко в глаза, скрипнул зубами и кивнул:

– Я с вами, товарищ полковник. Я...

– Товарищ старший лейтенант! – громко произнес полковник, вскидывая руку к козырьку. – В связи с временным отсутствием майора Петрова приказываю вам исполнять его обязанности. Обеспечить функционирование объекта в условиях повышенной опасности и возможного нападения на объект.

– Есть! – звонко ответил старший лейтенант.

– Командирам подразделений ко мне! – приказал полковник, когда Мухаметшин встал на свое место в строю. – Те, кто будет выполнять мои приказы, – направо, остальные – налево.

Никто из командиров налево не встал.

– Хорошо, – сказал полковник. – Провести опрос в своих подразделениях. На все – пятнадцать минут. Дежурной смене бункера прибыть к главному входу через двадцать минут. Адреса и списки семей, номера телефонов их родных получить и передать тем, кто будет выезжать в городок. До моего приказа – никаких телефонных звонков. Мы все помним о бригаде прикрытия? Все?

– Товарищ полковник, – спросил командир стрелковой роты, – а генерал... Генерал – в курсе?

Полковник молча взглянул в глаза летехе, успевшему прослужить на объекте всего два месяца. Тот покраснел и отвел взгляд.

Остальные офицеры молчали, будто ничего особого лейтенант не спросил. Так, кашлянул. Сотряс воздух.

– Генерал... Я отстранил генерала, – медленно произнес Иванченко и повернул руки ладонями вверх.

Лейтенант гулко сглотнул, увидев на руках и на обшлагах куртки следы крови.

– Генерал передал командование мне, – сказал полковник. – Еще вопросы?

– Никак нет, – за всех ответил начштаба.

– Вот и хорошо. Авторота готовит грузовики. Все, что есть, вплоть до хлебовозки и самосвалов. Шесть БМП и шесть бэтэров – пойдут с колонной, остальные обеспечивают перекресток у Соколовки и съезд к объекту. Техникам приступить к расконсервации

оборудования, рота охраны занимает оборону, согласно боевому расчету. Объясните всем, что стрелять придется... – Полковник замешкался, словно не мог решиться произнести страшные слова вслух. – Стрелять придется по своим. Возможно – по штатским.

Офицеры молчали.

– Либо они, либо мы, понятно? Если кто-то не чувствует в себе силы убивать – пусть сразу уходит. Сразу... Я намерен спасти свою семью... И даю возможность каждому из вас...

– У меня жена с детьми на курорте, – сказал, ни к кому не обращаясь, командир зенитного дивизиона. Просто произнес, глядя перед собой невидящим взглядом. – Через неделю должны были вернуться.

– Мне жаль... – Полковнику искренне было жаль майора, толкового офицера и неплохого человека. – Мне...

– Я останусь на объекте, – сказал командир дивизиона. – Развертываться для отражения пехоты и бронетехники? Воздух?

– Распределись. Вертушки смогут садиться только на плац. Или спускать спецназ по канатам на деревья. Бомбить и обстреливать чем-то тяжелым не будут. Им бункер тоже нужен целым. – Полковник взглянул на часы. – Приступайте!

Офицеры побежали к своим подразделениям, на ходу отдавая приказания.

– Ермаков, ты останешься на узле связи, – не оборачиваясь, сказал полковник. – За своими отправишь кого-нибудь другого. Мне нужно, чтобы связь функционировала, но чтобы... Чтобы...

– Генерал выехал за своей семьей, – негромко произнес капитан Ермаков.

– Вот именно, – кивнул полковник. – Вот именно. А то, что он телефон не берет, его дело, ты не в курсе.

– Товарищ полковник! – Ермаков тронул Иванченко за рукав. – Товарищ полковник! Спецколонна проследовала мимо первого поста технического контроля.

– Я слышу, – сказал полковник, не отрывая глаз. – Слышу. У нас еще куча времени. Пять километров от шоссе. Просто море времени.

Мы все-таки успели, подумал полковник и почувствовал, как рот наполнился горечью. Успели.

Колонна грузовиков ворвалась в городок, машины останавливались перед домами, офицеры бежали в свои квартиры, на ходу звоня по мобилкам. Быстрее-быстрее-быстрее.

– ...Ничего лишнего не брать. Только одежду и минимум личных вещей. Продукты, если нужно, только для детей. В бункере все есть. Никаких телевизоров, аудиосистем и прочей ерунды. Все равно ничего лишнего в бункер не пропустят. Главное – семьи. Шмотки выжить не помогут. У нас на все – четыре часа...

На самом деле было больше шести часов до прихода колонны, но рисковать полковник не собирался. Это биологическая угроза, если все пойдет не так, если там, наверху, не правильно рассчитали, и зараза проникнет на территорию России раньше, что все будет напрасно. Лучше действовать с запасом. В первую очередь – семьи.

Подъезжая к своему дому, полковник позвонил жене.

– Ты где сейчас? – В принципе было достаточно поздно, уже даже стемнело, так что семья, скорее всего, была дома, полковник спрашивал просто так, для проформы.

Спросил и затаил дыхание.

– Дома, – ответила жена. – А что?

– Собирайся, – сказал полковник.

– Что значит – собирайся? – не поняла жена.

– Как в Фергане. Помнишь? Вот так и собирайся. Ничего лишнего. И как можно быстрее. Буду через десять минут.

Он успел за семь.

Не дожидаясь лифта, взбежал на пятый этаж, своим ключом, не сразу попав в скважину, отпер дверь.

– Это я! – крикнул полковник. – Вы где там?

– В спальне, вещи пакуем, – ответила жена.

Она собирала вещи в две сумки. Младший сын, Валерка, помогал, переносил одежду из шкафа на кровать.

– Ты можешь объяснить, что случилось? – спросила жена, не прекращая работы.

– Потом, – сказал полковник. – Все потом. У тебя – пятнадцать минут.

– Успею, – кивнула жена. – Только...

– Что только? – спросил полковник, оглядываясь. – А где Марина?

Наверное, дочь в своей комнате собирает свои вещи. У нее нет опыта матери, ее еще не было, когда им пришлось стремительно эвакуироваться из Ферганы. Маринка все еще думает, что могут быть вещи более важные, чем любовь, личная независимость и свобода.

– Марина! – позвал полковник.

– Ее... Ее нет. – Жена закрыла сумку, задернула «молнию».

– Что значит нет? – холодея, спросил полковник и сел на край кровати.

– Она с подругами уехала в Москву, – сказал Валерка. – У нее шопинг и кино.

– Как в Москву?.. – Полковник посмотрел в глаза жене, и та вдруг поняла, что все происходит в самом деле, что это не нелепая придумка кого-то из начальства, не учебная тревога, а что-то страшное и смертельно опасное.

– Уехала. Спросила у меня, я... я разрешила...

– Как ты... – начал было полковник, но замолчал, понимая, что жена не виновата, что никто не виноват, что дочка не первый раз вот так укатила в столицу. – Я ей позвоню.

Полковник нашарил в кармане телефон, не сразу сообразил, что это не его, что это генеральский. Достал свой, отыскал номер дочери, послал вызов.

Вне зоны, сказал женский голос. Вне зоны, прошептал полковник.

– Да что случилось, Сережа? – Жена оттолкнула сумку и подошла к нему. – Почему ты молчишь?

– Я хотел с ней поехать, она даже согласилась, – сообщил Валерка, – но мама сказала...

– Да, – кивнул полковник. – Это мама правильно сказала.

– Все собрали?

– Еще нужно вещи Марины... – Жена смотрела в глаза мужа, словно пытаясь в них что-то рассмотреть. – Я быстро. Ее вещи... Теплое брать?

– Не нужно ее вещи, – сказал полковник хриплым голосом. – Возьмите только свое. И зимнее тоже. Мои куртку и шапку...

Полковник оглянулся по сторонам.

– А Крез где?

– Мы его пока закрыли на кухне. – Валерка засмеялся. – Он думал, что мы играем, пытался таскать вещи.

– Играем, – глухо повторил полковник.

– Вещи соберем и его тоже выпустим. Мы на твоей машине поедим? – спросил Валерка.

Жена стояла посреди комнаты, с нарастающим ужасом глядя на мужа.

– Так получилось, милая, – сказал полковник. – Так получилось... Никто не виноват.

Жена зажала рот руками. На глазах появились слезы.

– Быстрее. – Полковник снова попытался вызвать дочь и снова услышал отказ. – У нас очень мало времени.

Когда они спустились к грузовику, возле него стояли люди, некоторые спрашивали, что случилось, но двое срочников с автоматами в руках на вопросы не отвечали.

– Иваныч, что за спешка? – пенсионер, сосед Иванченко по лестничной клетке, протолкался сквозь толпу зевак. – В войнушку играете?

– Что-то типа того. Показательная эвакуация.

– А... Бывает. Помню, в девяносто третьем нас...

– Ага, – невпопад ответил полковник и отодвинул соседа в сторону. – Давай, как вернусь – поболтаем. Как вернусь...

– Понимаю, служба. – Сосед повернулся к своим приятелям по домино и сообщил, что к чертям собачьим такую службу, ладно служивых гоняют, но семьи-то какого беса? Совсем одурели со своей боеготовностью.

Кузов грузовика все еще не был заполнен, полковник посмотрел на часы: еще десять минут – и нужно уезжать. И они уедут, даже если кто-то будет опаздывать всего на пять секунд.

– Папа, а Креза в машину? – Валерка крепко держал овчарку за ошейник. – Он играть хочет...

– Нет, сынок. – Полковник взял сына за плечо. – Крез останется здесь.

– Как же?... – растерялся Валерка. – Он ведь... Он же всегда с нами. Может, я тоже останусь? Маринки нет, и я тут побуду. А когда вы вернетесь...

– Он останется здесь. Макарыч. – Полковник повернулся к соседу. – Пусть Крез у тебя пару часов побудет. Лады? С меня бутылка.

– Но бутылку – вперед! – засмеялся сосед и протянул руку.

– Уговорил. – Полковник положил в протянутую ладонь ключи от своей квартиры. – Выпивка – в секретере. Ну, ты в курсе, где обычно. Там еще может Маринка приехать, запаздывает что-то... Я не помню, ключи она взяла?... С нее станется. Так ты еепустишь? Я ей эсэмэску сброшу, чтобы она к тебе сразу. Лады?

– Лады. – Макарыч взял из руки Валерки поводок. – Езжайте, повышайте бдительность, крепите оборону страны, а я прослежу. Могу и вправду твоего орла еще у себя оставить...

– Пап... – просительно протянул Валерка.

– Нет, орел с нами. Я давно обещал ему пострелять из «Корда».

– Правда? – задохнулся от восторга сын.

– Правда-правда...

От соседних подъездов бежали офицеры Узла-З с баулами, с семьями. Несколько человек катили коляски. В бункере точно нет детского питания, подумал полковник. Тяжело будет.

Осталось пять минут.

Женщин и детей подсаживали в кузов, некоторые дети, поднятые из постелей, кричали и плакали.

– Детей-то зачем? – возмутилась тетя Клава, местная дворничиха. – Детей-то куда на ночь глядя?

– Нет, ты меня не останавливай! – прозвучал за спиной полковника женский голос. – Ну и что, что приказ? Мне нужно время. И я не стану возить своих детей в кузове. Не стану.

Полковник медленно повернулся. Жена капитана Петруненко славилась склочностью характера и легкостью поведения. Каждый гарнизон, в котором приходилось служить полковнику Иванченко, имел подобное украшение. И как правило, муж таким гарнизонным шалавам доставался спокойный, уравновешенный и безответный, что ли.

– Товарищ полковник! – Таисия Петруненко дернула его за рукав, одновременно отпихивая пытавшегося вмешаться мужа. – Что это происходит? Почему нас срывают посреди ночи и собираются везти куда-то? Моя дочь не будет ехать в этом... в этом... катафалке. Если нужно

куда-то ехать, мы можем отправиться на своей машине. У нас «Мазда». Мы прекрасно доедем через час. Муж сбегает в гараж, а я пока закончу сборы. Я не собираюсь...

– Через час? – переспросил полковник, чувствуя, как ярость затапливает его мозг. – На «Мазде»?

– Да, а что такое? – Таисия Петруненко оглянулась по сторонам, словно ожидая поддержки от остальных офицерских жен.

Некоторые из них и вправду замешкались перед кузовом, явно ожидая дальнейшего развития событий. Мужья ничего толком не объяснили, тащат непонятно куда и зачем, а если петруненковой шалаве разрешат ехать на своей машине, то и они... Можно будет взять больше вещей, это мужьям кажется, что можно все уместить в пару чемоданов, а на самом деле...

– Петруненко, – с трудом сдерживая ярость, произнес полковник.

– Таичка... – Капитан положил руку на плечо жене, но та оттолкнула руку. – Тая!

– Отцепись, тряпка! – крикнула Таисия. – Значит, мы едем на машине, а вы... Вы вообще какое право имеете семьи офицеров тянуть с собой? Я буду жаловаться, я...

Капитан развернул жену к себе лицом и резко ударил. Ладонью по лицу. Раз и еще раз.

Крик Таисии оборвался, кровь потекла из разбитого носа.

– В машину, сука! – прорычал капитан, подхватил свою дочь на руки, передал кому-то в кузов. – Или иди на хер, шлюха!

Таисия стояла, потрясенно рассматривая кровь на своих руках.

Семьи офицеров и контрактников стали грузиться быстрее.

– Все, в машину! – приказал полковник Иванченко, снова посмотрев на часы. – Больше никого не ждем.

Его жена замерла, глядя на свой мобильник. Все это время она пыталась вызвонить дочку.

– В машину!

От дома успел прибежать лейтенант из продслужбы с женой. Подсадил свою супругу в кузов, запрыгнул сам.

– Все, – сказал себе полковник. И добавил, взглянув на свою жену: – Все, больше ждать нельзя.

Жена медленно подошла к грузовику, оглянулась, будто ожидала, что вот сейчас, через секунду появится ее дочь. Жену полковника подхватили за руки, подняли в кузов.

Таисия Петруненко продолжала стоять на мостовой. Она не могла поверить в то, что ее благоверный, о которого она столько лет вытирала ноги, вдруг посмел ее ударить...

– Вы видели? – завизжала она. – Все видели? Будете свидетелями. Я его, мерзавца, засужу. Я его! Я...

Капитан Петруненко выпрыгнул из кузова, попытался схватить жену за руки, она вырвалась и ударила мужа по лицу:

– И даже не вздумай извиняться, подонок! Я отберу Марию. И квартиру с машиной. А тебя... тебя... тебя посадят...

Петруненко ударил жену в живот. Он в молодости занимался боксом, удар получился точным и сильным. Жена задохнулась и стала сползать на асфальт. Капитан подхватил ее на руки и бросил в кузов через задний борт. Залез сам.

– Вперед, – приказал полковник, сев в кабину. – К месту сбора.

Все машины пришли вовремя.

– Хорошо, – сказал полковник и взглянул на часы.

Он давал время с запасом, на непредвиденные обстоятельства. Иванченко все еще надеялся, что случится чудо и дочь успеет вернуться. Ее подвезут на попутке, а телефон она случайно выключила.

Полковник приказал взломать аптеку у автобусной остановки и выгрести все – лекарства, вату, детское питание, предметы гигиены – все, что было на полках и в кладовой. Он хотел также вынести все из нескольких магазинов, но потом понял, что это он играет с собой в поддавки. Что это он пытается тянуть время, рискуя всеми доверившимися ему людьми. У него еще были свободные места в машинах. Он мог еще несколько человек забрать с собой, спасти и их.

Кого?

Ту молодую парочку, гуляющую в темноте вдоль дороги? Жителей нескольких частных домов, расположенных неподалеку?

– По машинам, – скомандовал полковник. Первым пошла БМП с солдатами на броне. За ней машина полковника и все остальные.

На перекрестках к колонне присоединялись БМП и бэтээры, которые должны были обеспечивать отход. Все в порядке, все без происшествий. Несколько автобусов с семьями ученых из лаборатории вошли в колонну без проблем.

Сержант-контрактник с БМП, блокировавшей трассу, взмахом руки остановил колонну, подбежал к полковнику и доложил, что с пол часа назад на Москву прошла колонна военной техники. Танки, БПМ, БТР, грузовики. Полк или около того.

– Точно на Москву, к нам не свернули? – спросил полковник.

– На Москву, я смотрел.

– Значит, так тому и быть.

Уже когда колонна втянулась в лес, вдруг подал голос мобильник полковника. Звонила дочь. Она всегда, провинившись, старалась договориться с отцом, матери боялась как огня, а папка всегда дочку прощал.

– Привет! – весело поздоровалась Марина. – Вы мне звонили?

– Да, ты сейчас где?

– Мы ходили в кино... Я телефон выключила, а потом кинулись, а электричка уже ушла. И автобусы, ты же помнишь расписание?..

– Помню.

– Я тут у Леры. Ты помнишь Леру?

– Я помню Леру.

– Вот, я у нее заночую. Можно?

– Можно. – Полковник закрыл глаза, пытаясь держать себя в руках. – Матери не звони. А если она будет звонить...

– Я видела ее звонки, ты ей сам скажешь, хорошо? А если не верите, что я у Леры, так я сброшу ее домашний телефон, тут ее родители. Вы не подумайте...

– Мы не подумаем. Все хорошо. Все будет хорошо.

Машина въехала на территорию объекта.

– Все, милая, извини. Я тебе позже перезвоню.

– Утром?

– Может быть даже ночью. У нас тут небольшая запарка. Когда приедешь – ключи от квартиры у Макарыча. И Крез у него. А мы чуть позже приедем. Ты нас дождись. Хорошо?

– Хорошо, папка! Перед мамой за меня, бестолковую, извинись.

– Извинюсь. Спокойной ночи.

– И тебе спокойной ночи.

Но спокойной ночи не получилось.

Отправив членов семей в жилые помещения бункера, полковник до самого утра не присел ни на минуту. Все, что могло пригодиться в бункере в течение шести месяцев, было перенесено из надземных зданий объекта и со складов в бункер. Если места в кладовых не хватало, то

матрацы, одеяла и подушки, мешки с овощами, медикаменты из медпункта, оружие и боеприпасы из оружейных комнат, постели, стиранные и грязные, обмундирование, ОЗК и противогазы – все укладывалось вдоль стен коридоров и в бытовых помещениях.

Бочки с дизельным топливом и бензином перекачивали со складов в ангары, тщательно закрывали ворота, блокировали их снаружи БМП и БТР-ми, закрыв люки боевых машин на замки. Часть тяжелого оружия тоже забрали в бункер: одноразовые гранатометы, ПЗРК, минометы. И сколько успели боеприпасов к ним.

Под утро полковник задремал в кресле на центральном посту. И ровно через пятнадцать минут пришел Ермаков с сообщением о спецколонне.

Ну вот и момент истины, сказал себе полковник Иванченко. Вот сейчас все и станет на свои места. Полторы тысячи человек снаружи, полторы тысячи – внутри. И кто из них больше хочет жить?

Полковник спохватился, что до сих пор не переговорил с профессором Паршиным. А ведь обещал. Отправил только техников в лабораторию вместе с семьями и пару БМП с экипажами. На всякий случай.

Профессор ответил на вызов сразу, будто дежурил у телефона всю ночь. Или так оно и было.

– А я решил вас не дергать, – бодрым голосом сказал профессор. – У вас и так очень напряженное время. Мри доехали хорошо, спасибо вам. Ваших людей принял, за ваши танки...

– Боевые машины пехоты.

– Ну, значит за боевые машины пехоты – тоже спасибо. Как у вас?

– Угадайте.

– Понятно. Извините за дурацкий вопрос. Что колонна?

– Только что проследовала мимо второго пояса контроля. Тридцать автобусов, десяток грузовиков, четыре БТР.

– Это не очень страшно? – серьезно спросил профессор.

– Узел-три создан на базе противоядерного убежища. Он еще не на такое рассчитан.

– Понятно, только имейте в виду – нельзя допустить ни малейшей трещины, ни единой пробоины. Вы уже герметизировали бункер?

– Да. Давление повышено, системы жизнеобеспечения задействованы и переведены на замкнутый цикл.

– Это правильно. Я бы на вашем месте не доверял системам обеззараживания и дегазации. Просто поддерживайте герметичность. Я попытаюсь с моими умниками разобраться, что это за дрянь убивает всех подряд, но пока... Ни механизма действия, ни способа передачи... У меня только то, что удастся вытащить из Интернета. Центр ничего не сообщает. У меня только поинтересовались, как проходит эвакуация. И все. Такое чувство, что те, наверху, нас уже списали. Поняли, что средств борьбы нет и остается только выживать и выигрывать время.

– Я себе это так и представлял, – криво усмехнулся полковник. – Все как обычно. Сливки должны всплыть, а все остальное...

– Сливки – как вы мягко о наших отцах народа. – Профессор сделал паузу и когда продолжил, голос стал немного другим, а тон очень серьезным и даже напряженным. – Вы уверены, что сможете остановить колонну? Что они не прорвутся мимо вас ко мне?

– Никто ни в чем сейчас не может быть уверен. Но я сделаю все, что смогу.

– И ни в коем случае не открывайте прохода в бункер. Ни в коем случае. Похоже, что инкубационный период болезни – от примерно получаса до... Я не знаю до скольких. В Сети больше паники, чем информации, но кое-что понятно. Заражение происходит массово, как будто всех на территории накрывает одновременно. Две трети людей подвергаются заражению сразу, начинаются судороги, это видно на всех роликах и в трансляции со всех веб-камер. Треть людей

остаётся незараженной. Около трети. А потом... Потом почти половина из тех, что были поражены и бились в судорогах, встают. И... Начинается нечто вроде зомби-апокалипсиса. Смотрели этот фильм, как его?.. По роману... Вот, как в этом фильме – зомби получаются не вялые и медлительные, а очень подвижные и агрессивные. Любители человечинки и склонные к действию толпой. Так что...

Подал голос зуммер на пульте, кто-то пытался связаться с центральным постом от внешнего ограждения объекта.

– Я вам потом перезвоню, – сказал полковник и отключил связь с лабораторией.

У них ещё будет время поболтать с профессором, обсудить текущие события. Зомби-апокалипсис, говоришь? Майору Петрову, например, этот жанр не нравится. Да и кому он может нравиться, если не на экране, а за стеной? И если эти зомби или как их там могут прийти за твоей дочерью... или она сама может стать...

Полковник приказал себе перестать думать о Марине. Она уже умерла. Даже если ещё досматривает сны в теплой постели. Умерла, и не нужно о ней думать.

Зуммер продолжал требовать ответа. Офицеры, сидевшие в центральном посту, поглядывали на полковника. В глазах был... нет, не страх. Напряжённое ожидание. Может, не нужно поднимать трубку? Может, просто переждать? И там, за ограждением, за минными полями всё само рассосётся? А может, сейчас позвонят и скажут, что всё, никакой эпидемии? Что всё закончилось и можно отвезти жен и детей по домам?

Полковник протянул руку, переключил связь с трубки на динамики. Повернул к себе микрофон на гибкой металлической ножке. Вдохнул, набирая воздух в лёгкие, и выдохнул:

– Да.

– Вы там спите, что ли?! – прозвучало в динамиках, и офицеры, как краем глаза заметил Иванченко, втянули головы в плечи. – Немедленно открывайте!

Голос был властным, не терпящим возражения, но, как показалось полковнику, не военный. Чиновник высокого уровня, но не военный. Даже не из ФСБ.

– Кто на связи? – спросил полковник, повернулся к сидящему справа лейтенанту и указал на выключенный монитор.

– Что значит – кто на связи? Вы с ума, что ли, сошли? Генерала Федорова к телефону!

– Генерал сейчас занят, – сказал полковник. – Не может подойти к пульту.

Экран монитора наконец зажегся. Камера наблюдения была расположена чуть в стороне от ворот, чтобы не привлекать лишнего внимания посетителей. Особенно посетителей нежелательных.

Невысокий плотный мужчина лет пятидесяти стоял перед воротами и, нажав на кнопку переговорного устройства, говорил с видом уязвленного самолюбия. Справа от него и чуть позади стоял господин, тоже одетый в камуфляж без знаков различия. Но если первый излучал уверенность и ожидание подчинения, то второй, скорее, демонстрировал готовность броситься на любого по приказу начальника. Как хорошо дрессированный сторожевой пес.

– Федоров что – напился на радостях? – осведомился начальник. – Немедленно его к телефону. Хоть на руках принесите.

– В принципе, – сказал полковник и посмотрел на офицеров, внимавших его разговору с прибывшим начальством. – В принципе я мог бы приказать принести генерал-майора Федорова к пульту связи, но это вряд ли упростит вашу с ним беседу...

Иванченко поморщился – не было у него настроения вести беседу в таком тоне, хотелось сорваться хоть на ком-то, наорать, выплеснуть всё, что накопилось, но время нужно было тянуть. Пусть на минуту, пусть на две оттянуть начало серьёзного, настоящего разговора, с требованиями, угрозами и прочими элементами кризиса.

Еще существовала бригада прикрытия, способная раскатать Узел-3 в лепешку. Часу бригаде хватило бы за глаза, даже с учетом системы обороны бункера. С танками воевать изначально не планировалось. Да и тяжелая артиллерия вкупе с саперами шансов отбиться не оставляла.

– Вы там все пьяны, похоже! – процедил начальник.

Видно было, что он даже не разозлен, так, скорее раздражен, может быть, смущен этой заминкой. Ну, не приходилось ему, похоже, сталкиваться с такой вопиющей наглостью.

– С кем я говорю? – спросил начальник. – Назовите себя.

– Зачем?

– С ума сошел, военный? У тебя спрашивают...

– Вы не представились, извините. А в камуфляже сейчас даже ассенизаторы ходят. Я вас не знаю.

Начальник отпустил кнопку переговорного устройства, звук пропал, но было видно, как он яростно жестикулирует и резко взмахивает кулаком, словно бьет по крышке стола. Потом полез во внутренний карман куртки, достал конверт, извлек из него лист бумаги, посмотрел на него и сунул, смяв, в карман.

– Это говорит Утес. Слышишь? Говорит Утес! Назовите ваш позывной. Я приказываю назвать ваш позывной!

– Минуту, – сказал полковник и отключил связь.

В бумагах генерала не было никаких позывных. Значит, псевдоним прибывшего начальника генералу сообщили по телефону. И наверняка они были знакомы лично. Долго представление тянуть не получалось. «Не срослось, – пробормотал полковник. – Не мой жанр».

– С вами говорит комендант Узла-три полковник Иванченко, – решился наконец полковник.

– Кто?! – искренне изумился Утес.

– Полковник Сергей Иванович Иванченко, – повторил полковник. – Комендант...

– Какой на хрен комендант?! – заорал Утес. – Ты должен был несколько часов назад убраться с объекта вместе со своими людьми.

– Должен был. Но не стал.

Утес растерянно оглянулся на своего сопровождающего. Это было похоже на бред. Такого не могло быть на самом деле. Вопрос стоял о жизни и смерти, он должен был уже спускаться в этом самый бункер Узла-три, обживать на новом месте – говорили, что генерал оборудовал очень недурственное местечко. Для себя, правда, но это было делом поправимым. И тут какой-то полковник.

– Ты что-нибудь понимаешь, Никита Ильич? – спросил Утес у помощника. – Что это такое?

– Минуточку. – Никита Ильич выхватил из-под куртки папочку, быстро перелистал страницы. – Вот, есть. Полковник Иванченко Сергей Иванович, зам Федорова. В список не включен.

– Не хватало еще и таких в список включать, – пробормотал Утес, убрав, однако, палец с кнопки переговорного устройства. – Какого хрена он здесь делает?

– Я не знаю. Но что-то мне подсказывает...

– Подсказывает ему... – буркнул Утес. – Я и сам знаю, что именно тебе подсказывает...

Было обидно, честное слово. Он сам выбрал этот проклятый Узел-три из списка убежищ. Лучше, конечно, было бы разместиться где-то в пределах МКАД, но там все места были расписаны между серьезными людьми, родными и близкими серьезных людей. В Кремлевский бункер и в Раменки Утес даже и не рассчитывал попасть – не вышел чином. К тому же он всегда мечтал стать независимым руководителем. Понимал, что удельные княжества нынче не в моде, что мечта его относится к разряду несбыточных, но все равно очень хотел стать эдаким князьком. Чтобы никого над головой. Потому и выбрал этот медвежий угол, что никто из очень серьезных

людей сюда не собирался. Полгода поцарствовать – это тоже неплохо. Очень неплохо. Тем более что он, став руководителем Узла-три, получил возможность влиять на составление списка спасенных. И это здорово подняло его в глазах окружающих.

Он не просто так собрался отсиживаться. Он успел подсуетиться и собрать в грузовик кое-какие ценности – от икон до старинного серебра. Даже пара-тройка яиц Фаберже была в его коллекции. Владельцы некоторых раритетов попали в список, владельцы некоторых – просто были вынуждены уступить напору неизвестных вооруженных людей в масках. Пусть жалуются в полицию. В шесть часов вечера после войны.

Этот мир может сколько угодно корчиться в агонии, но после того, как все закончится и человечки снова выйдут на свежий воздух, все должно вернуться на свои места: люди, настоящие люди, – на свои, быдло – на свои. А умные настоящие люди должны подняться куда выше, чем были до эпидемии. Это – логично. Это – правильно. Это – честно и справедливо.

Но теперь вдруг какой-то полковник смеет разговаривать с Утесом в таком тоне, намекать нагло, что имеет право на что-то, кроме как выполнять приказы. Наказывать. Таких нужно наказывать.

Никита Ильич, всегда тонко чувствовавший настроение начальника, за что, собственно, был включен в список вместе со своей семьей и даже с любовницей, наклонился к шефу и предложил позвонить командиру бригады прикрытия.

– У меня телефончик есть, если что. Я заранее взял, – доверительным тоном сообщил Никита Ильич. – Звякну, сошлюсь на... ну вы понимаете, так этого полковника через полчаса вынесут из бункера вперед ногами. Это точно!

– Точно... – передразнил помощника Утес. – Точно, видите ли! А ты подумал, дурья башка, что будет с бункером, если начнется заваруха? Номер телефона командира бригады нам дали, если возникнет проблема по дороге сюда. Если народ не смогу удержать в узде перед эпидемией. Там шоссе танками почистить, толпу разогнать. А тут что? И к тому же комбрига-то ведь тоже в списке нет. Понимаешь? Если мы его сюда вызовем, то он вопросы начнет задавать, а потом... Потом и сам захочет в бункере спрятаться. Ты бы как поступил, Ильич?

– Не знаю, – честно сказал Никита Ильич. Насколько мог – честно. Он и на самом деле не знал, как поступил бы в подобной ситуации. С одной стороны – приказ. С другой – жизнь. И что тут думать? Жизнь – она такая штука, что выбирать не приходится.

– Значит так, – подумав, сказал Утес. – Сейчас давай к грузовикам, пусть солдатики выгружаются и оцепят район. Колонну пусть оцепят, за лесом наблюдают. Понял?

– Понял. Как не понять... – Никита Ильич немного постоял на месте, потом пошел к грузовикам, стоявшим за деревьями на лесной дороге.

Сука. Оцепление, значит? Решил свидетеля отослать, чтобы договариваться не мешал. Что он полковнику пообещает? Амнистию и картинку из своего грузовика?

– Слышь, полковник, – сказал Утес, когда помощник скрылся за деревьями. – Слышишь меня?

– Слышу, – ответил полковник, на втором мониторе наблюдая, как помощник Утеса подошел к колонне и из грузовиков стали выпрыгивать солдаты. – Решили армейцев привлечь? У вас их сколько? Смотрю – около двух рот? Так? Спецназ или обычные войска?

– Две роты из Таманской и взвод десантников, – не стал скрывать Утес. В начале сложных переговоров полезно продемонстрировать честность и желание сотрудничать. – Но их я могу отправить, если что. Если хочешь – их места себе заberi. И кто там с тобой. Что бы ты там уже ни натворил – спишем. Я серьезно. Будто и не было ничего. Ты пропускаешь меня и людей в бункер...

– Нет. Извините. Свободных мест нет, – сказал полковник.

Его дочка сейчас у подруги в Москве. Может, еще лежит в постели. Или пьет кофе на кухне. Или уже едет в метро к автовокзалу. Ради спасения ее жизни полковник не пошевелил даже пальцем. Потому что на него смотрели. Потому что он должен был... Он обязан был показать своим людям... Он отдал приказ и сам не имел права его нарушить. А этот Утес... Он предлагает торговлю? Амнистию предлагает?

– Свободных мест нет, – повторил полковник.

– Ты не понял. – Утес оглянулся на дорогу, между деревьями мелькали фигуры солдат, взревел двигатель БТР, с оглушительным треском сломалось дерево. – Это все – на несколько месяцев. Ты же сам знаешь. Можешь и дальше спорить, но ведь после всего...

– Это ты не понял, Утес, – оборвал его полковник. – Ресурса бункера хватит на полгода. А потом – все равно придется умирать. Это тебе понятно? Хоть так, хоть так. Думаешь, успеем создать вакцину? А кто-то успел? В Америке кто-то выжил? Есть связь с президентским бункером? Не в курсе? Ну так и не начинай.

– Послушай...

– Нет, это ты слушай. Мы строили этот бункер. Мои люди его строили, оборудовали, отделявали. А их... Ты же видел приказ? В нем есть ты; твоя семья, я уверен, в нем тоже есть. Министры-капиталисты... А моих людей в нем нет. И семей наших в нем нет. Это честно? Ты предлагаешь мне от щедрот своих три сотни мест в моем же бункере? А не пошел бы ты на фиг, Утес? Люди записывались к тебе на прием, наверное, сидели в приемной, ожидали, пока ты не снизойдешь... Все было для тебя! Поцеловал задницу кому-то в Кремле и заслужил право жить дальше. Только приема нет сегодня. Приходите завтра!

Полковник говорил, не отрывая взгляда от экрана монитора. Видел, как неуверенная ухмылка Утеса превращается в оскал.

«Давай-давай, – мысленно подбодрил Утеса полковник. – Взорвись. Ударь ногой в ворота, выплесни злость...»

Но Утес умел держать себя в руках, иначе не достиг бы своего нынешнего положения, не попал бы в спасительный список.

– Ты с ума сошел, полковник, – прошипел Утес в переговорное устройство. – Ты знаешь, что в колонне – женщины и дети? Почти тысяча женщин и детей. Их жизни будут на твоей совести...

– Не пробьешь, даже не старайся. У меня тут тоже женщины и дети. Наши женщины и дети. Они не ходили на фуршеты и не учились в частных лицеях... Но они будут жить. И я не стану менять их жизни на жизни миллионов других женщин и детей...

– Врешь! Ты же не зверь. Ты же офицер. Ты вон присягу нарушил, чтобы свою семью спасти. Не нужно мне врать про всех остальных... Ты спасал себя и свою семью, а остальных... остальных ты, получается подкупил, иначе у тебя ничего бы не получилось с Узлом-три. Ты купил своих солдатиков и офицеров, полковник! И чем ты лучше меня?

Офицеры в центральном посту смотрели, не отрываясь, на полковника, Иванченко чувствовал их взгляды, и ему казалось, что по его лицу скользят сейчас точки лазерных прицелов.

– Знаешь, чем я лучше? – спросил полковник. – Я лучше, потому что внутри бункера. А ты – снаружи. Сколько у тебя еще времени? Час? Полчаса? Тебе из Москвы сообщают состояние дел? Нет? Или уже началось, а ты не знаешь?

Утес оглянулся затравленно на дорогу, еще ближе наклонился к переговорному устройству, на экране было похоже, что он целует металлическую коробку, выкрашенную в зеленый цвет.

– Полковник... давай так. Десять мест. Выдели мне десять мест. – Утес снова оглянулся на дорогу. – Всего десять мест. И я...

– Нет.

– Хорошо. – Утес вытащил из кармана платок и вытер лицо, шею и затылок. – Только одно место. Для меня. На полу, черт с тобой, в подвале, на складе... Я уборщиком буду. Я... Меня одного впусти... Я тебя прошу! Я не хочу умирать... Я...

– Я не буду открывать бункер. Вы уже могли подцепить инфекцию. Даже если бы я захотел... Я не буду рисковать моими людьми.

– Сука! – выкрикнул Утес. – Сволочь! Подонок! Козел! Непустишь? Я разнесу эти ворота. И твой говенный бункер – тоже разнесу. Ты непустишь меня – сам подохнешь в поврежденном бункере. Сам подохнешь...

Утес отпустил кнопку, повернулся и решительным шагом направился к колонне. Нет – значит нет. Полковник решил, что может все? Он ошибается, и не такие люди жалели о том, что поссорились со мной, пробормотал Утес. Значит, оба бронетранспортера к воротам, расстрелять и снести. Потом – вовнутрь. Вход в бункер в одном из подземных ангаров. Утес имеет карту Узла-три. Разберемся.

Если что – вызовет бригаду прикрытия. Она недалеко, через полчаса, максимум час, будет здесь.

Не нужно было со мной ссориться. До смерти – так до смерти. Много не нужно – одну-единственную трещинку. Крохотное отверстие...

– Ну что? – бросился к шефу Никита Ильич. – Договорились?

Утес молча показал кукиш.

– Хреново... Люди в автобусах начинают нервничать...

– Что-то из Москвы сообщили?

– Нет пока. В столице вроде все нормально. Местами – дождь.

На лицо Утеса упало несколько капель.

– Тут тоже – дождь, – с досадливой ухмылкой протянул он. – Не хватало еще... А если кто-то будет лезть из автобусов – пусть солдаты не жалеют ни прикладов, ни пуль, если придется. Всем сидеть на местах. Еще ничего не закончилось.

Не привык Утес просто так проигрывать. Варианты-варианты-варианты... Сейчас он ничего не может предложить полковнику, даже двумя бронетранспортерами с крупнокалиберными пулеметами напугать не получится, нужно смотреть правде в лицо. Значит что? Значит нужно создать ситуацию. Переговорить с комбригом, объяснить. Сказать, что его тоже должны были пустить в бункер, только полковник этот, Иванченко, все решил переиграть. За семьей послать не успеем, но лучше, чтобы сам спасся, если уж по-другому нельзя. Пусть возьмет роту танков, больше не нужно. Огнеметчиков. Саперов со взрывчаткой.

И когда полковник все это увидит, то поймет, что это не блеф. Что мы можем повредить его убежище... И тогда... Тогда появляется шанс, что он впустит вовнутрь... не всех, черт с ними, с этими дармоедами, их шлюхами и детенышами. Пусть он меня впустит, с семьей или без семьи – пусть впустит. И комбрига с людьми, если по-другому нельзя.

Если вопрос поставить таким образом – все может получиться. Мне терять нечего.

– Нечего! – повторил вслух Утес и протянул руку к Никите Ильичу. – Связь с командиром бригады давай. Пока у нас есть время...

Но времени у них не было. В этом смысле Утесу и его колонне не повезло. В Москве эпидемии еще, кажется, не было, а тут...

Пилот частного реактивного самолета почти дотянул из Берлина до Москвы. Оставалось всего-ничего, когда в небольшом салоне вдруг что-то произошло. Послышался крик, почти сразу же перешедший в хрип. Зазвенело бьющееся стекло.

Пилот убедился, что автопилот работает, отстегнул ремни, встал с кресла и открыл дверь в салон. Все четверо пассажиров – сын хозяина с секретуткой и два охранника – корчатся на своих

креслах. Пена изо рта, хрип, судорожные движения рук и ног.

– Мать твою... – прошептал пилот.

Он не хотел делать этот рейс. В Берлине вовсю бушевали эпидемия и беспорядки. Говорили о массовом помешательстве, даже о случаях каннибализма. Но пилота уговорили. Ему предложили столько денег, что вполне можно было перестать работать до самого конца жизни. И то вряд ли потратишь.

Он и не смог потратить.

Ему сказали, что те, кого он будет вывозить, в костюмах биологической защиты. Ему даже выходить из самолета будет не нужно. Просто посидит в противогазе – и все. Потом взлет и посадка. Полтора часа лета.

Он и согласился, как последний идиот.

А теперь...

Хозяин перестал дергаться, замер. Открыл глаза и попытался встать с кресла. Дернулся, словно забыв, что ремень нужно отстегивать. Просто дернулся и упал на место. Снова дернулся, захрипев странно, не по-людски.

– Мать твою, – повторил пилот, бросился кабину, захлопнув за собой дверь.

Он вцепился в штурвал, резко снижаясь. До аэропорта не дотянуть. Да там к тому же человека из зараженного самолета обнимать и целовать не станут. Или в карантин с больными, или просто сожгут на всякий случай.

Нужно садиться на какой-нибудь аэродром попроще. Аэроклубовский или частный. Там можно спастись.

В дверь с силой ударили. Еще раз. Значит, отцепился от кресла. Или отцепились. И теперь вчетвером дверь вынесут... Вынесут. Нужно немедленно садиться. Хоть на трассу. У него маленький самолет, все получится. Все...

Вот подходящее шоссе. Сбросить скорость. И смотреть в оба, чтобы не зацепить какой-нибудь столб. Можно было бы на площадь в каком-нибудь городке, но у него «Джет», а не какая-нибудь «Сессна». Ниже. Еще ниже. Дверь затрещала, в нее колотили чем-то тяжелым.

Скорее-скорее-скорее...

Самолет снизился уже до двадцати метров. Пятнадцать. Шасси... Черт с ним, с шасси, садимся на брюхо. Внимание.

Машины... Самолет зацепил нехстати подвернувшуюся фуру. Крыло отлетело, корпус самолета швырнуло в сторону, на деревья лесопосадки. Удар! Пилот успел закричать и вскинуть руки, чтобы защитить лицо. Ствол дерева пропорол кабину, разорвал тело пилота почти пополам. Самолет перевернулся, ударился носом о землю, встал вертикально, поддерживаемый деревьями, потом медленно завалился набок.

Двигатели не загорелись. Люди, видевшие катастрофу, бросились от дороги к самолету. Попытались вскрыть дверь. Кто-то притащил топор, монтировку. Через полчаса люди стали умирать.

Первый замер, схватившись руками за горло, попытался закричать, но изо рта потекла кровавая пена. Люди падали один за другим, словно что-то невидимое потянулось от разбитого самолета к дороге.

Люди падали-падали-падали-падали... Кто-то, кого смерть, кажется, не коснулась, побежал. Водитель бросился к «Газели», попытался развернуться, но дорога была забита. Он повернул машину на проселок, потом на поле, чудом проскочил сквозь березовую рощицу, вломился в лес. «Газель» застряла между стволами молодых деревьев. Водитель выпрыгнул и побежал в лес, все глубже и глубже, не обратив внимание на табличку с предупреждением, что территория принадлежит министерству обороны и вход на нее посторонним воспрещен.

Водитель бежал и бежал. Падал и снова вставал. Он убегал от смерти, надеялся, что получится спрятаться, укрыться в лесу.

Он бежал и бежал, когда прозвучала команда «Стой!». Он не остановился, даже когда прозвучала команда: «Стой, стрелять буду!» Он просто не слышал ничего, кроме своего тяжелого дыхания и грохота сердца где-то в горле.

Он и выстрела не услышал. Пуля ударила в грудь и пробила сердце. Сержант-контрактник умел стрелять. И получил приказ стрелять на поражение.

– Чего он бежал? – спросил сержанта солдат, подходя к труп.

– А черт его знает, – пожал плечами сержант. – За смертью, наверное.

«Наверное», – хотел подтвердить солдат, но не смог – горло свело судорогой, автомат выпал из ослабевших рук. Сержант бросился к нему на помощь, но не смог сделать и двух шагов. Они не бежали за смертью – смерть сама пришла к ним.

И ко всей спецколонне, стоявшей на лесной дороге перед воротами Узла-3.

В эту ночь Янычар так и не уснул. Вначале действительно хотел вытащить на балкон кресло и подремать в нем. Однако начался дождь, не очень сильный, но частый и холодный, с боковым ветром, заносящим капли на балкон.

Янычар постелил себе постель на диване в гостиной и даже начал раздеваться, но, прислушавшись к своим ощущениям, понял – спать все равно не будет. Он и перед операциями тоже не мог уснуть. Нет, не нервы или паника, неоднократно проверял: пульс и давление в норме. Он просто не хотел спать.

Мозг отказывался от бездействия, продолжал прикидывать варианты, анализировать вводные, искать-искать-искать потенциальные угрозы и возможные прорехи в планировании.

Так и сейчас – хотя что тут планировать, когда все предельно понятно. Возможные угрозы? Вдруг рванет газовая колонка в доме. Кто-то откроет газ, а спичку не поднесет, не успеет... Так, стоп, в доме нет газа, тут все электрифицировано. Ладно, кто-то уронит фен в ванну, замыкание – пожар... Нужно будет все бросать и уходить? Возможно. Но этого наверняка предусмотреть нельзя. И предотвратить нельзя. Никак нельзя, поэтому – отложить на дальнюю полочку, вместе с землетрясениями, наводнениями и падением метеоритов. По мере поступления вводных и неприятностей будем их решать.

Он почти не знает противника – вот что плохо. Это беспокоило Янычара, заставляло время от времени вставать с дивана и ходить по комнате, заложив руки за спину.

Потом не выдержал и вернулся в кабинет, к компьютеру.

Интернет пока работал, несмотря на то, что Америка вроде как вырублена вирусом полностью. Или ее выкосило не сплошную, или серверы имеют резерв автономии. Янычар вошел в Сеть и три часа методически искал и скачивал материалы об эпидемии. Тексты и видео. Время от времени выходил на балкон подышать свежим влажным воздухом и глянуть – горят ли звезды над Кремлем. Ясное дело, что сейчас никто не станет их выключать, не хватало еще вызвать панику, но каждый раз, пройдя по балкону, Янычар испытывал легкое удивление – светятся. Светятся, и все тут.

Еще несколько раз он видел, как от Кремля летели вертолеты – эвакуация продолжается. Рискуют, подумал Янычар. Никто ведь толком не знает, как вирус распространяется и какой у него инкубационный период. Нужно было бы запереться в убежищах и перекрыть всякое сообщение с внешним миром.

Ну и вряд ли Президента и его ближайшее окружение станут эвакуировать по воздуху – лишний риск. Зачем-то существует система подземных коммуникаций. Метро-два и даже Метро-три. А на вертолетах – шестерок перевозят, и не в основные убежища, а в точки на периферии.

Из дома продолжали уезжать – без стрельбы, без скандалов, по-тихому, чтобы не привлечь внимания. На плачущих детей шикали, пытались уговорить, но дети все равно плакали.

Дети чувствуют, подумал Янычар. Как животные чувствуют приближение опасности. Или смерти. А Янычар... Янычар не чувствовал ничего, кроме легкого интереса. Ему всегда было приятно просчитать противника. Собрать данные, пошаманить над ними и выдать новый, оригинальный вариант операции, посрамить аналитиков.

Сейчас он быстро просматривал ролики, перематывал назад, замедлял, снова просматривал, останавливал кадры, рассматривая картинки внимательно, фиксируя детали. Значит, его первоначальные прикидки оказались правильными – заражение происходит не мгновенно. Нет, возможен вариант, что вирус действует молниеносно, сразу накрывая толпу, на одних сразу, на других не действуя вообще. Но это вряд ли. Скорее всего, есть какой-то минимум. Не очень

большой, но и не секундный интервал. Десять минут? Пятнадцать? С точки зрения боевого применения мгновенно действующий вирус – не очень эффективен. А вот если он какое-то время не ощущается, если его начальное действие не проявляется никак, то противодействовать ему начнут с запозданием.

Ладно, это установить точно не получается, пометим, возьмем на учет. Какой-то английский блогер выставил информацию, что заражение проявляется через двадцать минут. Около двадцати минут. Зафиксируем – на всякий случай ждем полчаса.

Проявляется заражение всегда одинаково – человек падает на землю, бьется в судорогах, изо рта льется пена. Все, кто выставил в Сеть описание первого приступа, сходятся в этом совершенно категорично – судорога и пена. Паренек из Берлина в реальном времени гнал картинку в Сеть, с камеры. Сидел на балконе, подвывая от ужаса, но снимал, как люди падают, как некоторые из них остаются лежать в луже крови, а некоторые – почти половина зараженных, – подвергавшись, поднимаются и начинают убивать тех, кому поначалу повезло не заразиться.

Янычар несколько раз прогнал картинку из Берлина, пытаясь понять, что именно на ней неправильно. Что-то царапало глаз. Улица была где-то в центре, в кадр попадал вход в станцию метро, тротуар и проезжая часть.

Брошенные машины практически полностью перекрыли движение. Люди бежали в разные стороны, падали, корчась, вставали... На несколько минут улица пустела, потом снова кто-то бежал, а за ним гнались пораженные. И бежали они куда быстрее здоровых людей. Гораздо быстрее. Это тоже нужно учитывать. Вряд ли это совпадение.

Так, Янычар наконец понял, что его смущало в картинке. Вот бегут несколько человек. Один из них полицейский, время от времени поворачивается, чтобы выстрелить в толпу преследователей. Напрасно он это, неэффективно.

Полицейского настигли, свалили на землю, перестав преследовать бегущих. Так, на свежее мясо уроды реагируют. Отметим. Полицейский – дурак, вместо того чтобы палить впустую по малочувствительным к пушечным пулям психам, нужно было стрелять по беглецам, оставляя приманку. Пока они раненого будут рвать на порции, пока будут обгладывать кости, можно увеличить дистанцию.

Принять к сведению, сказал себе Янычар. Обязательно принять к сведению. Это во время операции нельзя оставлять товарища, ни живого, ни мертвого, полезное правило, не нарушаемое. Ты точно знаешь, что тебя не оставят, не бросят, даже решив, что ты уже умер. Бездыханное тело потащат – Янычар и сам неоднократно выносил тела погибших из боя, из-под обстрела, с минного... А если он не мертвый? Если он только потерял сознание? Черт с ним, с тем, что проболтается потом при допросе, главное в том, что все уверены – раненого не бросят. Тебя не бросят.

А вот так, когда ты окажешься на улице один и вопрос будет – успеешь уйти или нет, вот тут вокруг тебя нет людей: женщин, стариков, детей. Есть средства выжить. Есть дополнительный шанс сбежать.

И еще заметил Янычар – бежит группа людей. Торопится, сзади нагоняют их уроды, целая стая... Стоп-кадр – один человек словно спотыкается – покадровый просмотр – делает пару неверных шагов, хватается за горло и падает на асфальт. И дальше привычная картинка – судороги, пена. Его преследователи не тронули, пробежали мимо, а он, подвергавшись несколько минут, вдруг замер, потом медленно поднялся, поводя головой, словно приносясь, и бросился вслед за стаей и убегающими людьми.

Значит, при заражении человек и сам ничего не чувствует, и внешне не выглядит больным. И только потом вирус включается на полную мощность. Еще один аргумент не заводить приятелей,

когда все начнется в Москве. Если не хочешь, конечно, чтобы твой друг, товарищ и брат не вцепился тебе в глотку.

Дальше.

Люди бегут по улицам. Из переулка вынырнула машина, ударилась в стоящую легковушку, отлетела к столбу, замерла. Водитель остался сидеть за рулем – оглушен или потерял сознание, машина загорелась, из салона выбралась женщина. К ней метнулись уроды, но вдруг замерли. Не хотят лезть в огонь. Не хотят, мать их так, лезть в огонь. Не совсем идиоты, оказывается.

Сколько раз Янычар видел в Сети кадры, в которых зараженные пытались проломить препятствие, которое можно было просто обойти, а вот огонь на них действует почти как на разумных.

Нужно будет озаботиться коктейлем Молотова, зафиксировал в голове Янычар. Граната – хорошо, но во-первых, гранат у него пока нет, а во-вторых, эффективность «эргедешки» по уродам вряд ли будет очень сильно отличаться от пистолетных пуль или пуль из М-16. Полицейскому, например, не удалось свалить ни одного, а стрелял он почти в упор, Янычар рассмотрел в кадре несколько попаданий.

Осколки у РГД мелкие, таким зараженного не остановишь. А вот огонь...

Дальше.

Янычар снова сходил к холодильнику, достал пиво и закуску. Копченая лососина штука приятная, особенно под хорошее пиво. Тонкими ломтиками, смакуя напиток и закуску – неплохо. Я бы мог привыкнуть к красивой жизни, сказал Янычар холодильнику. В принципе, зарплата и раньше позволяла ему подобные радости, но он как-то не придавал им особого значения.

Еда – это еда, чтобы насытиться. Выпивка – чтобы немного разрядить нервы и дать мозгам отдохнуть. Женщины, кстати, для той же цели. Вот Наташа...

Стоп. Какая Наташа? Нет никакой Наташи! Вернее, сколько их было в его жизни – Наташ, Кать, Оксан и Алевтин. Всем звонить – всех спасать?

Забыли. Забыли-забыли-забыли.

Вот о деле думай, о том, как выживать. Как перемещаться по городу, если... когда эпидемия начнется. Пешком по улицам и переулкам... Янычар попытался представить, как это будет выглядеть.

На машине по дорогам, забитым заглохшими автомобилями, трамваями и автобусами? Это вряд ли. Это совсем неприемлемый вариант. Вычеркнули. Метро и прочие катакомбы под Москвой... Это вероятнее. Это можно подумать.

Значит, спускаться нужно, наверное, не через станцию, а по вентиляционной шахте. Зараженные, похоже, особым интеллектом не отличаются, могут тупо не сообразить, как войти в метро. Могут? А могут и сообразить. Или...

Янычар еще раз по-быстрому промотал ролики из европейских и американских городов. Люди бегут по улицам. Бегут-бегут-бегут-бегут. Вот, мимо станции метро пробегают. И снова – мимо. И опять. И еще раз. Будто всеобщее затмение на них нашло. В метро, закрыть за собой двери... Да, уроды, кажется, вооружаются палками и прочими первобытными орудиями, но в метро есть специальные двери, не стеклянные и не пластиковые. Почему люди не сообразили прятаться там? Что-то они знают, что-то видели, наверное, что-то усвоили.

Стоп. Вот здесь.

Янычар перемотал кадр, просмотрел еще раз. Людей гонят по улице. Стая уродов сзади, но еще довольно далеко. Потом... Черт, камера хреновая, изображение идет рывками, подробности разобрать трудно. Только что у людей был шанс сбежать, а потом... Потом они окружены. Их убивают и жрут. Точно, жрут. Откуда взялись уроды? Те, что перехватили людей.

А не из станции ли метро? Очень может быть.

Янычар внимательно просмотрел еще несколько видео – нападения возле станций метро. Много. Вроде нет никого, а потом сразу толпа.

Почему?

Янычар допил пиво и отправился в душ. Мелькнула мысль наполнить ванну водой, взбить пену, как в кино, но ему и в прошлой жизни это не слишком нравилось, делал пару раз для Наташки... Не думать, не вспоминать.

Понятно, что больше шанс может не выпасть, не получится попить шампанского, сидя в теплой ванне или даже джакузи. В квартире, кстати, есть джакузи. Ну, Янычар, смелее! Решай, хочешь понежиться напоследок? Если... Когда, слышишь, когда начнется ад на улицах Москвы, ты можешь просто подохнуть. Судорога, кровавая пена изо рта... И все. Никакой ванны. Или не окочуришься, а станешь охотником за человечинкой. И тоже никакой ванны. Правда, вряд ли ты в обоих случаях вспомнишь о ней, мертвому это несподручно, а уроду... трудно представить себе существо, рвущее зубами глотку себе подобным и сокрушающееся о невозможности покайфовать в теплой воде.

Значит, можно и не заморачиваться.

Янычар спохватился, вернулся к балкону, закрыл дверь. Стекла в окнах и в балконной двери особо прочные, не всякая пуля возьмет, так что быстро вломиться никто не сможет. Еще и внутренняя сигнализация. Пулемет захватим с собой в ванную, сообщил своему отражению в зеркале Янычар, и отражение поморщилось, столько наигранности было в мимике и словах человека.

Как знаешь, сказал Янычар, занес пулемет в ванную, там же в угол поставил юаровское ружье, свой «глок» положил на табурет.

Вот теперь можно и душ принять. «Стечкина» положить возле самого душа, вынуть из кобуры и дослать патрон в патронник.

Ты становишься параноиком, Янычар. С другой стороны, на кладбищах параноиков куда меньше, чем оптимистов и альтруистов. Это проверенный и доказанный факт.

Янычар разделся, встал под душ и врубил холодную воду. Хор-рошо! Очень хорошо! Просто замечательно! Это тебе не расслабляющая ванна, это настоящий бичующий душ.

Вода секла его тело, словно хотела разорвать кожу, растрепать в клочья мышцы и сухожилия, перемолоть кости. Давай-давай, пытайся! Пробуй!

Янычар намылился, тщательно смыл пену, снова намылился. Вырубил воду.

Если все будет нормально, завтра... сегодня вечером он снова сможет выкупаться. Он ведь никуда не торопится, не спешит. У него есть время. Неделя-две – точно, без вариантов. При любом раскладе...

Кроме того, что ты подохнешь сразу, как только подцепишь вирус, сказало отражение в зеркале. И чуть не схлопотало пулю прямо в лоб. Янычар успел остановить руку со «стечкиным», не стал заниматься ерундой. Это все нервы, Янычар. Это все твое воспаленное воображение. Ты думал, что кожа у тебя выросла настолько толстая, что ты ничего больше не почувствуешь? Тебя ничем не проймешь?

А вот и обломайся. Тебе ведь страшно, Янычар! Тебе просто до тошноты страшно. Или просто противно? Ты в чем-то себя уличил и теперь тебе неприятно находиться в собственной компании? Хочешь убедить себя, что с Наташкой ты поступил правильно?

Какая Наташка? – в который раз спросил Янычар у самого себя. Ладно, пусть Наташка. Пусть она еще живая, пусть еще можно ей позвонить, предупредить... О чем предупредить? Чтобы бежала из города? К нему чтобы ехала?

Конечно, благородно было бы заскочить за ней самому, только когда стоит вопрос о жизни – какое тут, к хренам собачьим, благородство? Когда десять лет назад их группа наскочила на

пацаненка лет десяти – они думали о благородстве и гуманизме? Они думали о выполнении задания и о своих жизнях.

Мальчишка ведь точно рассказал бы взрослым, что видел десяток вооруженных дядек в камуфляже. Рассказал бы, точно. И что? И вся группа накрылась. И небольшой заводик, выпускавший немного нервно-паралитического газа для нужд террористов, продолжил бы свою работу по накоплению запасов. И что? Правильно, погибло бы еще много людей. Сотни и сотни. А так – один мальчик десяти лет отроду.

Янычар даже и не задумался тогда ни на секунду. Одно движение руки, и мальчик перестал дышать. Его, наверное, так и не нашли, прятать убитых людей его группа умела прекрасно. А там что было прятать – килограммов пятнадцать весу было в тощем пацаненке.

И тогда Янычар не чувствовал мерзавцев, и сейчас не чувствует. И все. И забыл. Будто и не было ничего.

Все, и тут – Янычар коснулся ладонью своего лба, и тут – прикосновение к левой стороне груди, ничего нет, кроме желания прожить как можно дольше.

Янычар наклонился, уперся руками в колени и несколько раз вдохнул-выдохнул, успокаиваясь. Как перед прыжком с парашютом – он так и не научился испытывать удовольствие от того, что шагает из дверцы самолета с высоты нескольких тысяч метров. Он привык зависеть только от себя, от своего умения, а не от куска ткани, наполненной (или ненаполненной) ветром.

Самолет или вертолет – куда ни шло. Даже хлипкие мотodelьтапланы или даже мотопарапланы – с этим Янычар научился справляться, там он реально что-то мог, он управлял, был главным. А простой парашют, даже вроде как управляемый, Янычару казался вопиюще беззащитным и ненадежным.

Древние римляне делили всех людей на три категории, рассказывал как-то хозяин, старый хозяин. На живых, мертвых, и тех, кто плывет по морю. Янычар считал, что вместо «плывет по морю» правильнее говорить – «спускается на парашюте».

Это все – рассуждения о парашюте и прочая ерунда – у штатных психологов называлось «отвлечением в сторону». Этой методике учили молодых бойцов, и, в общем, правильно делали. Только не помогает это Янычару ни фига.

Нажраться вусмерть и проспать конец света?

Вон когда Янычар выходил на балкон, слышал, как на шестом этаже кто-то протяжно орал похабные песни. Несколько голосов, мужские и женские. И собака, кажется, подвывала. Или это кто-то так голосил... Просто так пьют? Дежурная пьянка или сознательное прощание с этим миром? Поняли, что их ожидает, но что делать – не придумали. Вот и принимают... анестезируют сердечную боль.

Кстати, в голове щелкнуло, мозг закончил обработку данных и выдал ответ. Янычар может сколько угодно копаться в своих мыслях и чувствах, а его вычислительный центр будет работать и работать.

Метро. Это, брат, смертельная ловушка, а не выход на свободу, за город.

Сколько народу в метро едет ежечасно? Ну-ка?

В Москве больше двенадцати миллионов человек. Если Янычару не изменяла память, то ежедневно метро перевозит больше шести миллионов человек. Скажем, пара миллионов людей в метро будет всегда, кроме ночных часов. Вирус, попавший в метрополитен, если принять полчаса на инкубационный период, захватит все станции в самом... Янычар усмехнулся, пытаясь придумать, какое слово тут больше подходит – в лучшем случае или в худшем? В лучшем, черт с ним, случае метро будет заражено минут через сорок. С гарантией. И когда в одном конце города на станциях будут валиться трупы, на другом конце люди все еще будут спускаться вниз, под землю. Два миллиона зараженных. Треть из них станут кровожадными животными. И убив всех,

до кого дотянутся в вагонах и на станциях, будут рваться наружу.

Хреновый расклад. Люди-то будут, испугавшись, рваться домой, к родным и близким. Так? И на чем быстрее всего можно добраться до дому в Москве посреди рабочего дня? Правильно, на метро. Так что зараженных в подземке будет никак не меньше четырех-пяти миллионов и полтора миллиона озверевших психов.

От метро нужно держаться подальше.

Отпадает еще один маршрут отступления.

Янычар, не торопясь, оделся, зашнуровал высокие ботинки, повесил на пояс кобуру с «глоком» и нож. Не исключено, что зараженные, ставшие убийцами и каннибалами, через какое-то время просто вымрут. Сами собой. Может, это у них отложенная смерть просто, такая кровавая агония? И можно будет переждать, а когда улицы очистятся...

Хотя шансов на это мало, если честно. Что-то подсказывает, что просто так это все не рассосется.

Янычар открыл дверь и вышел на балкон.

Хоть дождь и не прекращался, но прохладнее от этого не стало – душно и влажно.

А на улице перед домом появились родные вооруженные силы. Четыре тентованных «Урала» стояли у обочины, людей в кузовах, по-видимому, не было, отправлены на блокпосты и в оцепление, лишь несколько человек слонялись возле машин.

В ОЗК, присмотревшись, понял Янычар. Ну вот, началось. Империя наносит ответный удар. Мы говорили по телевизору, что зараза не проникнет к нам в страну, в наши города, а вот теперь... Теперь что мы станем говорить?

Теперь каждый может глянуть в окно и увидеть, что у армии есть противобиологическая защита и химическая. Армия готова встретить заразу, а ты, милый обыватель, житель Третьего Рима – у тебя есть хотя бы противогаз? Строительный респиратор можешь не тыкать, ни хрена он не поможет.

И ты все еще не понимаешь, что обречен? Что тебя уже списали в допустимые потери. Сколько мест есть в бункерах в пределах МКАД? Десять тысяч? Пятнадцать? Это на двенадцать миллионов?

Янычар хмыкнул.

Это да, это вполне допустимые потери. Четыре миллиона каннибалов, четыре миллиона покойников и еще четыре миллиона людей на грани – корма для озверевших. Или для пополнения самих озверевших.

Сейчас парни из правительства и высшего командования сидят в бункерах и ждут информации сверху, не от Президента, нет, а в прямом смысле сверху, с поверхности. Может, даже водочки изволят кушать понемногу, поддерживая нервную систему. С копченой семгой или черной икоркой.

Как там, наверху? Уже началось? И как там солдатики – справляются? Их ОЗК надежно держат заразу?

Какого хрена вообще выставили эти кордоны? Кого куда не пускать? Людей из города в область или наоборот? Вы же видели, сволочи, как вымирают люди в Азии, в Америке, в Европе. Убедились в эффективности кордонов? Ну не полные же вы идиоты, парни из высоких кабинетов? Или вы просто выполняете ритуал? Есть пункт в инструкции о введении блокады зараженных районов? Выполнить. Независимо оттого, что мы не холеру, чуму или сибирскую язву блокируем, а почти стопроцентный песец. Гарантированный и проверенный в других регионах мира.

Янычар оперся о перила, наклонился, чтобы лучше рассмотреть солдат внизу.

Таки да, в ОЗК и противогазах, свет фонарей иногда отражается от стекол окуляров. Такое

впечатление, что парни зачем-то плятятся в небо, запрокинув головы. Как-то странно...

Хотя нет, все понятно. Ребята курят. Им приказано ходить в полном прикиде, их предупредили, что может быть зараза с инфекцией. Их для того и поставили в ОЗК и противогазах, чтобы не допустить распространения заразы, и они, каждый из них понимает, что все это серьезно, что это не учения, что правильное и точное исполнение приказов и инструкций может спасти им жизнь, но...

Курить-то хочется. Еще как хочется. Это же не страшно, если сдвинуть противогаз на лоб и быстренько, в три-четыре затяжки выкурить сигарету. Не страшно ведь? Но как только они почуют заразу или приближающуюся инфекцию, то, конечно же, сразу опустят противогазы, прикрутят шланги к бачкам с фильтрами. И отразят. Конечно же, отразят.

Янычар сплюнул.

Это мы. Это наши люди. И тут ничего не поделаешь. Вспомнил, как служил срочную и каких только чудес не насмотрелся в исполнении таких вот неглупых, толковых и симпатичных парней. Досрочно уезжавших на дембель в цинковых мундирах не из зоны боевых действий, не из горячих точек, а из-за шутки, розыгрыша, безалаберности.

И бессмысленно им сейчас кричать сверху, чтобы не занимались ерундой. Даже если их командир сейчас заметит их и даже наорет, то на сколько минут хватит их рвения? На час? На два часа?

Они все еще не верят.

Это пиндосы вымерли за двое суток, ну так они же тупые... тупые же они, ясное дело. И европейцы все как на подбор – пидоры, не способные ни к чему, кроме курения наркотиков. Они поэтому и не выдержали удара эпидемии. То ли дело мы.

Нас не тронет, нас минует, нас пощадит. Мы же водку, в конце концов, стаканами пьем. А ведь она же обеззараживает. Водка – обеззараживает?

– Слышь, – сказал один солдат. – А ты бабу дохлую видел?

– Какую бабу? – лениво спросил второй солдат. – Мужик вон там возле столба лежит, вроде зарезанный.

– Да мужик тот – хрен с ним. Тут вон баба молодая лежит. Вроде как не русская. Подстрелил кто-то.

– И что? – спросил второй солдат. – Как-то по-особенному лежит?

– Да нет, ее плащ-палаткой капитан приказал накрыть, только рука выглядывает.

– Ну и пусть выглядывает. Сигареткой угости лучше.

– Уже третью за ночь...

– Ну, не успел я взять в казарме...

– Так сходи, купи, тут рядом круглосуточный магазинчик. И еще это... – Солдат понизил голос, Янычар еле расслышал «бутылку».

– Ты что, а если учует кто?

– Из-под противогаза? – изумился солдат. – Мы ведь сразу напаялим, и все. Нюхай сколько хочешь. Давай смотайся, я прикрою. Деньгами скинемся пополам...

– Я в доле, – сказал третий солдат, подошедший сбоку. – На троих то что доктор прописал. Только закуску купи, а то я не жравши не могу пить.

Янычар посмотрел в сторону востока – начинает светать. Появилась красная полоса, не широкая из-за низко висящих туч. Скоро рассвет. Солнца не будет, будет дождь, но станет светло и все, что будет происходить на соседних улицах, можно будет рассмотреть. Есть бинокль, так что все будет видно до мельчайших подробностей. Правда, дом стоит в тихом переулке, вряд ли здесь будет много народу.

И основные события будут происходить на проспектах и бульварах, в спальных районах.

Янычар сел на диван, пощелкал каналы в телевизоре. На нескольких даже мультики крутили. Большинство зарубежных каналов не работало, выдавая только белый шум. И это тоже никого не насторожило? Российские новости: все под контролем. Вы только выполняйте, что вам говорят, и болезнь пройдет мимо. Честно-честно...

Дикторы сами верят в то, что говорят?

Может, их уже и нет в студиях, компьютеры гонят записанные материалы в эфир, а сами эти господа уже в бункерах? Хотя с чего это их возьмут с собой? Вы получали деньги за свою работу – все, вам никто ничего не должен. И рабочий день вам никто не отменял – живенько в студию, а то...

А то подохнете не на рабочем месте!

Янычар задремал. Ему еще казалось, что он не спит, что смотрит на телеведущую, а та уверенным тоном просит всех оставаться дома и не выходить наружу, пока не поступит соответствующий приказ. И окна плотно закрыть. И двери. И все будет...

...Выжженная степь. Даже не степь, а полупустыня. Янычар помнил, как хрустел тогда песок на зубах и как пыль забивалась под одежду и в ботинки. Они остановились на привал в небольшом овраге. Днем идти по этой равнине было опасно, кто-то мог заметить и сообщить в полицию. Или прямо военным. Лучше потерять несколько часов, чем сорвать всю операцию.

Янычар был часовым, ребята задремали, по-быстрому перекусив. Это было десять лет назад, но Янычар помнил каждую деталь, каждую тень, каждый порыв горячего ветра.

Мимо пронесся шар перекасти-поля. За ним – другой, будто они играли в догонялки. Какая-то птица села на самый край оврага, глянула на спящих людей и улетела. Все как тогда. Все как десять лет назад.

Янычар, наверное, услышал посторонний звук и насторожился. Ни тогда, ни сейчас, во сне, он не мог сказать точно, что это был за звук. Шорох песка? Легкий треск сломанной пересохшей травинки?

Звук был, и Янычар положил руку на нож.

Стрелять можно было лишь в крайнем случае. Янычар легонько щелкнул языком, и парни сразу проснулись. Не вскочили, не стали хвататься за оружие, остались лежать в таких же расслабленных позах, как и до сигнала тревоги. Со стороны могло показаться, что они все еще спят, но Янычар знал, что группа готова действовать.

Шорох. Теперь точно зашуршал песок, и Янычар точно определил направление и расстояние до источника шума. Кто-то приближался к нему, словно видел, где находится часовой, и решил с ним пообщаться.

Янычар поднял большой палец правой руки – я сам. Я все сделаю сам. Прикрыл глаза, будто спящий. Выворачивал дыхание. Ну, где ты там?

Потом резко, не меняя позы, оттолкнулся от земли и рванул на себя пришельца. Припечатал его к земле. Пацан. Сельский парнишка, худой и пыльный. В замызганной и пыльной одежде. Если бы кто-то взрослый, еще можно было бы получить какую-то информацию, а так – совершенно бесполезное существо. Как суслик или дворовой кот. Только отпускать нельзя.

– Понимаешь, Ната, никак нельзя отпускать, – сказал Янычар.

И Наташка, которая, оказывается, все это время сидела рядом с ним, с пониманием кивнула.

– Он ведь в полицию пойдет, – сказал Янычар.

– Нельзя отпускать, – подтвердила Наташа. – Ты его убей. Только без крови, сам понимаешь, кровь сюда зверье привлечет, птиц. И след это какой-никакой. Без крови нужно, понимаешь?

Теперь кивнул Янычар.

Он понимал, что это сон, помнил, что тогда, десять лет назад, обошелся без крови. Одно

движение руки, легкий хруст шейных позвонков у мальчишки и... Он нес потом тело на себе двадцать километров, до следующей стоянки. Мухи, взявшиеся откуда ни возьмись, неотступно следовали за ним, лезли в лицо, в глаза и уши.

Тогда была только их группа, Наташки там не было. Ей вообще тогда должно было стукнуть пятнадцать. Но во сне Наташка была, она с готовностью подержала мальчишку за руки, пока Янычар наносил удар. Потом деловито обвязала руки и ноги мертвого мальчишки шнуром, чтобы не болтались и не мешали при переноске.

Тогда, в реальности, шнуром вязал Артист. А сейчас, во сне, Наташка.

Янычар поднял труп на плечо, пропустил группу мимо себя – нужно было уходить, несмотря на риск, мальчишки могли хватиться и организовать поиски.

Янычар осмотрел место стоянки, не оставили ли чего, потом взглянул на Наташку.

– Меня тоже нельзя оставлять, – сказала Наташка и улыбнулась. – Никак нельзя. Я же могу тебе помешать. Ты же должен выжить, а я... Сколько у тебя таких было. Правда ведь?

– Правда, – хотел сказать Янычар, но не смог.

Наташка наклонила голову к плечу, подставляясь под удар. Чтобы он не терял понапрасну времени и уходил спасать свою жизнь. Янычар поднял руку и замер.

– Вот, – неожиданно сказал мертвый мальчик у него на плече. – Как меня, так не задумываясь, а ее... Жалко, что ли? Кто она такая, да и сколько у тебя таких было?

Янычар ударил и проснулся.

Сердце колотилось, пальцы на руках дрожали.

Совсем расклеился, сказал себе Янычар. И понял, что ищет взглядом телефонную трубку. Наташке позвонить? Наташке?

На экране телевизора ничего не было. Совсем ничего. Но Янычар помнил, что не выключал телевизор. Да он и работал, просто на канале не было изображения.

Янычар встал, осторожно подошел к балконной двери, выглянул наружу.

Было уже светло, он проспал не меньше трех часов. Все так же стояли грузовики, возле них прогуливались солдаты. Трое. Как положено – в костюмах ОЗК и противогазах. Штыки к автоматам были примкнуты, и все выглядело очень по-деловому, просто картинка из устава гарнизонной и караульной службы.

Дождь продолжал моросить, мелкая морось висела в воздухе даже на уровне десятого этажа. Янычар прошел по балкону, попытался рассмотреть Кремль, но даже звезд не было видно, словно тучи легли прямо на город, то ли пытаясь придушить его обитателей, то ли в напрасной попытке спасения.

Что-то гроыхнуло. Гром, вначале подумал Янычар, потом сообразил, что на гром не похоже. Что-то взорвалось. И словно в подтверждение четко простучала автоматная очередь. Определить направление стрельбы было невозможно – в городе эхо отражается от многих домов, многократно меняет направление. Но где-то недалеко.

Снова ударил автомат.

Янычар переместился по балкону, елозя животом по перилам. Солдаты возле машин замерли и стали медленно сходиться, держа автоматы уже не на ремне, а в руках, наперевес.

Они о чем-то говорили, ясное дело, но сюда, наверх, голоса, прошедшие сквозь резину противогазов, не долетали. Советуются.

Автомат все частил, потом к нему присоединилось еще несколько. Не меньше десятка, прикинул Янычар. Очереди пока короткие. Значит, противник еще не подошел в упор.

Хлопнула дверца машины, из кабины на тротуар спрыгнула еще одна фигура в ОЗК. Судя по полевой сумке через плечо – офицер. Солдаты повернулись к нему, ожидая приказа.

Из машин вылезли еще солдаты, водители. Спали парни, сейчас натягивали противогазы,

впрочем, не слишком торопливо. В руках у водителей тоже были автоматы, но держали они их так, что сразу было понятно – вояки из них не очень.

Офицер построил личный состав и что-то говорил солдатам, указывая рукой в сторону проспекта. Солдаты, стрелки и водители, слушали, закинув автоматы на плечо.

А что он может им говорить? Усилить бдительность, поправить противогазы и следить за дорогой. И ничего более.

Стрельба усилилась. Теперь автоматы били длинными очередями, захлебываясь. За домом взревел танковый двигатель, Янычар снова бросился к краю балкона, но увидел только облако выхлопа, висевшее посреди улицы.

Значит, еще и танки.

Слева, от проспекта слышался звук машины. Визжа тормозами и захлебываясь, из-за угла вынырнул потертый жизнью «мерс», попытался проскочить мимо грузовиков, счастливо разминувшись с двумя, но ударился колесами о бордюр, его отбросило в противоположную сторону, к «Уралу». Грохот, звон бьющегося стекла – тишина. Колпак слетел с колеса «Мерседеса» и с легким дребезжанием покатился к перекрестку.

Солдаты стояли, замерев.

Из «Мерседеса» никто не выходил. Офицер снял с плеча автомат и пошел к автомобилю.

А с предохранителя кто автомат за тебя снимать будет, дядя, спросил Янычар мысленно у офицера. Ты же, придурок, даже патрон в патронник не загнал. Не проснулся еще?

Янычар метнулся в комнату, схватил с дивана «винторез» и вернулся на балкон, передернув затвор винтовки. Двое солдат пытались вырвать заклинившую дверь со стороны водителя, один залез в кабину грузовика и, по-видимому, искал какой-то инструмент, чтобы вскрыть машину. Свое оружие он поставил, прислонив к переднему колесу грузовика.

Что же вы творите, идиоты?

Янычар поднял «винторез» к плечу, заглянул в прицел.

На заднем сиденье «Мерседеса» кто-то был. И не один. Человека два или три. Заднее стекло высыпалось, была видна кисть руки, залитая кровью, лицо... Еще рука. Рука дернулась. Еще раз. Судорожно сжались пальцы. Рука дергалась и дергалась. И все тело, лежавшее на заднем сиденье, дергалось. Янычар не видел лица, но четко представлял себе, как изо рта лежавшего брызжет пена.

Не нужно открывать, прошептал Янычар. Не нужно открывать.

Дверь заскрежетала и оторвалась. Солдаты еле устояли на ногах, бросили дверцу на асфальт и полезли в машину – доставать раненого. Вытащили.

Какой-то кавказец, рассмотрел Янычар в прицел. Пожилой. «До Сокольников отвезешь? – Конечно. Покажешь куда?»

Голова водителя безвольно покачивалась, из порезов на лице текла кровь, с пальцев свесившейся руки часто капали ярко-алые капли. Солдаты потащили водителя в сторону, к грузовикам.

Наверное, он показался им самым пострадавшим в машине. Или единственным выжившим. Офицер указывал рукой, куда нести, куда класть, солдаты тащили, придерживая локтями болтающиеся на плечах автоматы. Все это делать в ОЗК и противогазах было чертовски неудобно, двое водителей бросились солдатам на помощь, третий достал таки из машины топор, но сообразил, что инструмент больше не нужен, и стоял, держа топор в опущенной руке.

Никто даже не оглядывался на машину. Они даже не представляли, чего можно ожидать. Они не смотрели телевизор вчера, они не тралили Интернет в поисках информации, и их никто не предупредил. Должен же был кто-то этим заниматься. Должен был, но до нижнего звена, как водится, информацию не доводили.

Можно было просто выстрелить из «винтореза» прямо через выбитое заднее стекло. В противогазах никто из солдат и не услышит выстрела. Но спасти им жизни в обязанности Янычара не входило. Он должен выжить, а для этого собрать как можно больше информации о происходящем.

Янычар глянул на часы. С момента аварии прошло десять минут. Шевелится в салоне, кажется, только один человек. Пока человек. Вот он попытался открыть дверь, толкнул плечом, у него, естественно, ничего не получилось. Зараженный толкнулся снова. И снова. Рядом было выбитое стекло – вполне удобное отверстие для того, чтобы выбраться наружу. Можно было перебраться через водительское сиденье и тоже выйти на мостовую через вырванную дверь. А он бился и бился плечом в закрытую дверцу. Снова и снова.

Водителя положили на кусок брезента, извлеченный из кузова грузовика. Солдат стал рядом на колени, попытался прослушать сердцебиение, не снимая противогаза и капюшона ОЗК. Ни хрена, ясное дело, не услышал. Что-то сказал офицеру. Типа – может, противогаз снять? А тот даже руками всплеснул от негодования и чуть не выронил автомат – перчатки в ОЗК штука не самая удобная. Их задача обеспечивать герметичность, а не комфорт для стрельбы и переноски.

Водитель с топором в руке заметил, наконец, шевеление в машине. И даже, возможно, что-то крикнул офицеру. Но через противогаз особо не прокричишься... И непрерывный стук капель по капюшону создает надежную завесу против посторонних звуков.

Но это – не страшно. Это ерунда. Нас же с самого детства учили – нужно помогать людям. Водитель водителя должен выручать. И, к тому же ведь предупредил же водитель «Урала» командира. Честно попытался предупредить. А ждать некогда – человеку плохо.

Водитель подбежал к машине, оставив автомат у колеса своего грузовика. Замахнулся топором, но не ударил. Решил поддеть топором край дверцы возле замка. Надавил на топорище.

Человек изнутри толкнулся в дверцу снова. И снова. И снова. Водитель рванул топор – пассажир ударил изнутри, дверь распахнулась.

Идиотики, прошептал Янычар, наивные добренькие идиотики.

Водитель выронил топор, на скрежет металла наконец оглянулись офицер и солдаты. Они увидели, как из машины что-то метнулось к потерявшему равновесие солдату, ударило в грудь и сбило с ног.

Мать-мать-мать, бормотал Янычар, пытаясь удержать схватку в прицеле. Как же ты...

Офицер бросился к дерущимся.

Даже на десятом этаже Янычар слышал, как хрипит зараженный. Потом услышал крик водителя – зараженный сорвал с него маску противогаза и впился зубами в щеку. Рванул плоть и завыл, запрокинув голову. И снова захрипел.

Офицеру нужно было стрелять, чуть сбоку и слева – в голову. Пуля прошла бы, не задев водителя, но выстрела не последовало. Нельзя стрелять в гражданских. У человека шок, возможно. Нужно его как-то успокоить, оттащить и успокоить.

Кровь из разорванного лица водителя летела брызгами во все стороны, текла по асфальту. Водитель кричал, пытался оттолкнуть нападавшего, бил кулаками его по голове, плечам, спине, но урод-мутант-зомби – как там его – был сильнее. Он не чувствовал боли, не почувствовал, как офицер схватил его за шею и попытался оттащить от водителя.

Урод закричал, захрипел и внезапно отпустил свою жертву, резко вскочил и бросился на офицера. Тот шарахнулся в сторону, не удержал равновесия, упал на колени. Урод сорвал с него капюшон ОЗК и впился зубами в шею.

Набежавший сбоку солдат ударил уroda прикладом автомата, но тот снова не обратил внимания на удар.

Повышен болевой порог, зафиксировал Янычар. Болевые приемы не работают. Нельзя

победить человека болевым приемом, если тот не чувствует боли. Еще удар прикладом, по голове.

Приклад скользнул, сдирая кусок скальпа, и снова урод даже не повернул головы – рвал и рвал шею офицера зубами. Второй солдат ударил штыком. В плечо. Ударил и замер, потрясенный содеянным. Он никогда не втыкал ни в кого штык-ножа.

Солдат был искренне уверен в том, что после такого удара любой человек должен заорать и рухнуть на землю.

– Человек, дурашка, – прошептал Янычар. – Необезумевший урод.

Офицер упал на мостовую лицом вниз. Руки беспомощно шарили по асфальту, пытаясь нащупать хоть какую-то опору, скользили в крови и разъезжались.

Солдат ударил штыком еще раз, теперь в спину.

Легкие, отметил Янычар. Правое легкое. Урод дернулся, но терзать офицера не прекратил. Еще удар штыком, Янычар решил, что в сердце, но потом подумал, что ошибся. Удар в сердце должен уложить человека на месте.

– Человека, дурашка, – прошептал Янычар уже себе. – Человека, а не уroda-мутанта-зомби...

Еще удар. Снова в сердце, и снова без видимого результата. Да, кровь текла, да, клочья летели, и сталь погружалась в тело, но безумец жил-жил-жил-жил, смерть никак его не могла остановить.

Набежавший солдат упал на колено, приставил дуло автомата к голове урода и выстрелил. Пуля пробила череп и ударилась в гранитный бордюр, с визгом отлетев куда-то в сторону.

Урод замер.

Еще выстрел, и снова пуля дала рикошет о гранит, вырвав из головы нападавшего осколки черепа и алые брызги.

Вот теперь он умер, сказал Янычар. Теперь он сдох. Выстрел в голову – единственно эффективное средство борьбы. Запиши себе, сказал Янычар, переводя дыхание.

Солдаты медленно отходили от убитого. Офицер все еще шевелился, но солдаты не спешили к нему на помощь. Они просто боялись к нему подойти. Слишком много крови. Слишком неожиданно все произошло. И безумец, рвущий человеческую плоть зубами. И не боящийся ударов штык-ножа в сердце.

Водитель, на которого урод напал первым, подполз к «мерсу» и медленно встал, опираясь на капот. Его лицо превратилось в кровавую маску, он смотрел на свои окровавленные руки, на лужи крови – его собственной крови.

– Ребята, – тихо позвал водитель. – Мне нужен врач, ребята...

Солдаты его словно не слышали, стояли и, не отрываясь, смотрели на убитого урода.

– Ребята! – громче позвал водитель. – Мне хреново... Хреново мне что-то...

Это тебе еще не хреново, сказал Янычар, опуская винтовку. Времени тебе двадцать пять минут. Это если на заражение уходит полчаса. Вы бы как-то быстрее соображали, ребята...

Янычар вошел в комнату, плотно закрыл за собой балконную дверь. Положил «винторез» на диван, медленно, словно во сне, прошел в ванную, зачем-то тщательно вымыл руки. Сходил в кабинет, достал из бара початую бутылку водки. Отвинтил пробку и отхлебнул прямо из горлышка.

«Как-то ты расклеился, приятель... С чего это? Зомби не видел? Мутанты давно при тебе людей не ели? Мальчишек жалко? Так их было семеро против одного. И все с оружием. И что? Не справились. Справились, но очень плохо. – Янычар сделал еще глоток из бутылки и поморщился. – Сейчас очередь первого водилы и офицера. Они ведь живы. Часики тикают... Тик-так, тик-так...»

Янычар вернулся в гостиную, сел на диван, поставил бутылку на пол возле ноги. Взял телевизионный пульт, быстренько проверил каналы. Все, кина не будет, сказал Янычар. Закончилось время всемогущего зомбоящика, сказал Янычар.

Да, он испугался. Лучше признать, что он испугался, чем понять, что он сам себе противен из-за того, что не выстрелил. Держал эту тварь на прицеле и не выстрелил. Вот в чем проблема, приятель, прошептал, усмехнувшись, Янычар. Пацанву жалко. Так их сейчас по всей Москве, а потом и по всей России убивать будут. Вот так же – зубами, голыми руками. Пятьдесят миллионов человек по всей стране в течение одного-двух дней погибнут, столько же превратятся в зомби, остальные...

Их-то ты не сможешь защитить. Не сможешь, это точно. Значит, даже и не пытайся. Защищай себя.

Янычар взял телефон, набрал номер.

Она не возьмет трубку, сказал Янычар. Она не возьмет трубку.

– Да, – сказала Наташа.

Голос у нее был испуганный и дрожал.

– Это я, – сказал Янычар.

– Тут что-то происходит, – сказала Наташа. – Кто-то кричит. Я видело в окно – люди умирают. Что это? Это та самая эпидемия? Что это?

– Все будет хорошо, – сказал Янычар. – Все будет хорошо...

– Мне страшно, – прошептала Наташа. – Кто-то ломится в дверь.

Янычар услышал, что в трубке что-то трещит, глухие удары, чей-то истошный вопль и хрип.

– Мне плохо, – сказала сдавленным голосом Наташа. – Мне плохо...

Она замолчала. Янычар слышал тяжелое дыхание девушки. Потом – хрип. У самого телефона – хрип.

– Наташа, – позвал Янычар неуверенно. – Наташа...

Она не ответила. Только хрип и стон. И хрип. Звук падения. Телефон ударился об пол. В дверь на той стороне ломились, трещали и хрустели доски. Крик прервался, осталось только громкое дыхание, похожее на крик.

– Наташа...

Стон, громкий, надсадный.

– Наташа! – крикнул Янычар в телефон. – Наташа!!!

Рухнула дверь. Шаги, хрип в несколько насытых глоток. Влажный звук рвущейся плоти. Чавканье.

Янычар отключил телефон, хотел швырнуть его в стену, но почему-то передумал и положил на диван, возле «винтореза».

– Вот и все, – сказал Янычар. – Если бы я вызвал ее сюда – ничего бы не изменилось. Она ведь заболела. Она – заболела. У нее не было иммунитета. А у меня – есть. Я выживу. А она погибла бы тут, в этой квартире.

– Рядом с тобой, – сказал кто-то за спиной Янычара.

Тот быстро оглянулся, но в комнате кроме него никого не было.

– Все, – сказал Янычар. – Мне некогда страдать ерундой. Мне нужно готовиться.

Янычар встал с дивана, огляделся. Он что-то забыл. Ему что-то нужно было сделать...

А, да. Он должен наблюдать. Он должен знать своего противника, чтобы выжить. Нужно наблюдать.

Янычар взял «винторез» и вышел на балкон.

Техники возились с подключением системы внешнего наблюдения слишком долго. К моменту подхода спецколонны они смогли запустить только жиденькую цепочку камер наблюдения первого пояса контроля. Шла только картинка, микрофоны к камерам подключены не были, да и изображение было черно-белым. При проектировании Узла-3 решили, что этого будет достаточно.

Одна камера на въезде в лес, вторая – на повороте лесной дороги. Съехать с дорожного покрытия не мог даже танк – деревья были мощные, лес считался заповедным еще при царе, охотиться здесь могли только лица, особо приближенные ко двору, а производить вырубку – вообще никто не имел права под угрозой тяжкого наказания.

Дубы имели возраст от трех столетий и старше, стволы в несколько обхватов, так что даже современную броневую технику держали куда надежнее, чем специальные противотанковые препятствия. Максимум, что смогли сделать бэтээры Утеса, это помять подлесок на краю дороги.

Вариантов для атаки было немного – либо в лоб бэтээрами по дороге к воротам, либо пехотой просочиться между деревьями, выйти к основному ограждению базы и штурмовать в стиле окопных чисток Первой мировой войны – через колючую проволоку под пулеметным огнем.

Основная линия контроля и наблюдения начиналась за проволочным заграждением, что, в общем, было правильным. Камеры были замаскированы, прицельный ослепляющий огонь по ним имел бы очень низкую эффективность, а если учесть, что заграждение прикрывалось сдвоенными пулеметными установками с дистанционным управлением, то планомерная работа снайперов, направленная на ослепление обороняющихся, была заранее обречена на провал.

Только вот не хотела включаться линия наблюдения и обороны у заграждения.

Полковник Иванченко не любил материться, но тут сделал исключение.

Техники метались, проверяли линию от пультов до выхода, один сгоряча даже сунулся к полковнику с предложением быстро выскочить наружу и глянуть, что за фигня там творится, был послан очень далеко со всей категоричностью и непреклонностью.

– Сбой где-то здесь, – уверенно сказал полковник. – Тут ищите.

Внешне Иванченко выглядел спокойным, но давалось ему эта внешняя невозмутимость очень непросто. Если и вправду была заложена в систему какая-то заковыка, которую можно было преодолеть или обойти, только зная специальный код или комбинацию команд – так, предохранитель на всякий случай, – покойный генерал эту информацию держал в голове, в бумагах и генеральской базе данных ничего подобного не было.

Да не может такого быть, в который раз сказал себе полковник Иванченко. Я бы знал. Все равно все шло через меня. Да, говорили о кодах активации систем, но все эти коды находились в засургученных пакетах из генеральского сейфа. И все их полковник ввел, тщательно сверяясь с записями.

Но долбаная система не заводилась, мать ее так!

За деревьями на дороге сейчас что-то происходило, что-то потенциально опасное, грозящее и бункеру, и людям, в нем укрывшимся. Не исключено, что солдаты уже подобрались к линии ограждений и режут проволоку. Нет, не режут, иначе бы сработала независимая система сигнализации, но готовятся, обкладывают бетонные столбы опор взрывчаткой, ставят детонаторы.

Господи, ведь вложили в систему обороны все мыслимые технические навороты – от дистанционно управляемых огневых точек и управляемых минных полей до сейсмических

датчиков вкупе с системами ночного видения и сверхчуткими микрофонами. При первоначальном тестировании все работало. До контрольного запуска систем было запланировано еще как минимум три испытания, в том числе с ведением огня, но все произошло до этого, все произошло слишком быстро. И необкатанная система просто не включилась.

Мать твою, мать твою, мать... Полковник выстукивал пальцами на поверхности пульта лихорадочную дробь. И ведь ничего он не мог сейчас реально сделать, даже если бы сорвался в крик и стал пинать техников, размахивая пистолетом и угрожая расстрелами – все равно ничего бы не изменилось. Ничего.

Прошло уже пятнадцать минут после окончания разговора с Утесом. Пятнадцать бесконечно долгих минут.

– Товарищ полковник! – Старший группы техников капитан Угрюмов даже откозырял и встал по стойке «смирно».

– Что тебе? – спросил полковник и напомнил себе, что за интонациями нужно следить. Техники тоже заинтересованы в нормальной работе всей аппаратуры. У них тут семьи.

– Мои все прозвонили и оттестировали.

– И...

– Какой-то программный сбой, – тихим голосом произнес капитан. – Что-то в машине.

– А резервную можно включить?

– А резервная согласно инструкции отключена и законсервирована, товарищ полковник, – виновато сказал капитан, будто это он сам придумал такую глупую инструкцию. – Уйдет не меньше трех часов на...

– Понятно, – кивнул полковник.

И вправду, что тут непонятного? Задница. Полная задница. Нет, возможно, все еще обойдется, но... Один-единственный боец с упаковкой пластиковой взрывчатки – и все, придется соглашаться на все условия Утеса. Он ведь никого щадить не станет. Такие, как этот чиновник, свое слово держат. Обещание награды или поощрения – от случая к случаю, но если даже сгоряча пообещал сделать какую-то пакость, то сделает. Обязательно.

– Что ты предлагаешь, Угрюмов?

– Перезагрузить, – тихо сказал капитан.

– Все перезагрузить? – уточнил полковник. – И даже то, что сейчас еще пока работает?

– И даже точки последней линии обороны, – кивнул Угрюмов. – Вырубаем, потом запускаем...

– И не включается вообще ничего, – закончил за него полковник. – Даже камеры наблюдения и пулеметы над входом, которые почему-то пока работают. Так?

– Не знаю, товарищ полковник. У меня есть резервная копия программы. И мне нужно десять минут.

– И полностью обезоруженный бункер... – Полковник посмотрел в глаза капитана. – Твоя семья ведь здесь, в бункере?

– Да, – кивнул капитан.

– Ты понимаешь?..

– Разрешите выполнять? – Угрюмов демонстративно посмотрел на часы. – Десять минут.

– Что у нас останется в рабочем состоянии? – спросил Иванченко.

– Системы жизнеобеспечения, узел связи, внутренние энергосети. Вся механика, ясное дело...

То есть замки на входных дверях уполовинятся. Электронные – вырубятся, система опознавания – вырубится. Только кремальеры и засовы. Это лучше, чем ничего. Монтажники, когда ставили ворота, гарантировали, что сооружение выдержит чуть ли не тактический ядерный

удар. Во всяком случае, взрывчатку, что обычную, что в кумулятивных зарядах, придется таскать тоннами.

– Время, товарищ полковник, – напомнил капитан.

– Ладно, приступай. Приступай. – Полковник Иванченко включил микрофон: – Внимание всем. Сейчас будет произведена плановая перезагрузка системы. Возможно временное отключение в некоторых секторах. Всем оставаться на своих местах и выполнять приказы дежурных офицеров и командиров подразделений.

Иванченко откинулся на спинку кресла. Снял с руки часы и положил на край пульта перед собой.

– Начали! – провозгласил капитан Угрюмов, и монитор перед полковником погас.

Десять минут, сказал Иванченко. Десять минут.

Внезапно подал голос зуммер входящей линии. Полковник посмотрел на мигающий индикатор, медленно протянул руку. Либо случайный сбой на линии, либо звонит некто, владеющий совершенно секретной информацией. Дозвониться в бункер по входящему городскому можно было только набрав длинный номер с несколькими добавочными кодами.

Полковник протянул руку к телефонной трубке.

– А я домой прибегаю, – сказал вдруг молодой лейтенант, сидевший у пульта управления огнем. – Прибегаю такой, а жены дома нет... Прикиньте.

Голос у летехи был тихий, растерянный, ни к кому особо он не обращался, просто не мог уже держать в себе эмоций. Нужно было выговориться, пусть так, в пространство. Сотрясти воздух.

– Жены дома нет, на столе – записка. Вот... – Лейтенант вытащил из кармана свернутый вчетверо лист бумаги, развернул, словно не помнил того, что было там написано. – «Извини, я тебя не люблю. Мы с Николаем уезжаем. Подай на развод сам». Прикиньте...

Иванченко положил руку на телефонную трубку. Зуммер и мигающий светодиод продолжали напоминать, что кто-то хочет поговорить с обитателями бункера.

– Бывает, – пробасил старлей от второго огневого пульта.

– Так ведь день бы потерпела – осталась бы жива, – сказал летеха. – День потерпеть. Что она – не могла?

– А не хрен ли с ней? – подал голос дублирующий стрелок, прапорщик Ивлев. – Мне бы такую и жалко не было...

– Так мы вместе всего полгода и прожили. – Летеха покрутил листок в руке и положил на пульт. – Вроде ведь и любила... Когда только успела разлюбить?..

– У них это быстро, – сказал старлей. – Только отвернулся, а она... Я, когда под Вологдой служил, у нас такая же история была, муж, значит, в командировку... Артем Феоктистов, если кто знает. Так вот, он в командировку, а она...

– Тишина, – сказал полковник, и люди в центральном посту замерли.

Листок с прощальной запиской слетел с пульта и с легким шорохом лег на пол. Лейтенант побледнел.

– Да, – сказал полковник, подняв трубку.

– Сергей Иванович?

– Полковник Иванченко, – сказал полковник. – Кто говорит?..

– Майор Петров.

– Здравствуй, майор. Ты немного не вовремя...

– Извините, но, боюсь, я не смогу перезвонить позже. Тут, кажется, началось. Сам я пока не видел ничего, но что-то взорвалось, врубили в городке сирену, и я слышал, как работает пулемет. Скорее всего – началось... У вас там как? Успели запечатать? – Да, включен режим изоляции. Ты

к своим добрался?

– Да. Сижу вот в палате. Тут и наша Лизка. Привет вам передает, спрашивает, как Марина.

– Все в порядке, – сказал полковник, почти совсем не замешкавшись. – Мы все здесь. И Марина, и Валерка. Все в порядке.

– Значит, держитесь, – сказал Петров.

– А ты как?

– Я справлюсь. Я вообще пробивной и талантливый человек. Кто там вместо меня будет работать?

– Мухаметшин.

– И это правильно, – засмеялся Петров. – Я и сам хотел вам посоветовать. Ладно, не буду отвлекать. Прощайте!

– Прощай, – сказал Иванченко и осторожно вложил телефонную трубку в зажим.

Пять минут. Еще пять минут. Время будто застыло. Превратилось в желе. И как жарко. Душно и жарко в центральном посту. А наверху сейчас хорошо! Прохладно. Полковник любил утренний лес сразу после восхода солнца. Было в нем что-то такое... непередаваемое. Иванченко как-то пытался сформулировать свои чувства по этому поводу, но не смог. Литература – это не его. И красивые слова.

Полковнику захотелось окликнуть Угрюмова, спросить – ну как, что-то уже понятно? Как же, понятно... Идет загрузка. Быстрее, чем через пять... через четыре с половиной минуты все равно не получится.

Выбросить все из головы. Ни о чем не думать. Отвлечься.

Как там сказал особист? Он вообще пробивной и талантливый человек? Наверное. Хорошо, что он успел к жене в больницу. В самый последний момент, получается, успел.

Я справлюсь, сказал майор Петров.

И я никогда не узнаю, подумал полковник, справился он или нет. И что задумал. Наверное, справится.

Справился.

...Майор Петров, в общем-то, ехал к жене даже не для того, чтобы спасти. Оба они знали, что жить ей осталось меньше месяца, врачи удивлялись, что она вообще так долго протянула. Их дочь дежурила у постели матери круглосуточно, ей позволили поставить раскладушку в палате. На одноместную палату, лекарства и оплату процедур уже ушли все сбережения, деньги от проданной квартиры и машины.

Вывезти дочь в безопасное место тоже не получалось, и майор даже подумать не мог, чтобы оставить жену умирать в одиночестве. Он будет с ней рядом в последнее мгновение. Любой ценой.

Майор угнал машину. Из-за него произошло несколько аварий на дороге, кажется, какая-то машина слетела в кювет, а какая-то повисла на столбе – Петров не запомнил этого, как не запомнил свой хриплый крик, пистолет, дергающийся в руке и бледные лица пэпээсников, попытавшихся проверить у него документы на МКАД.

Майор мог думать только об одном – успеть. Не сдохнуть по дороге от вируса, а войти в палату, вбежать или вползти, но оказаться рядом с женой и дочкой в самый страшный момент. Петров перезвонил из машины, приказал дочке никуда не выходить. Сидеть и ждать.

– Я скоро, – сказал майор. – Ты там меня дождись...

– Ты не беспокойся, папа, у мамы... у мамы все хорошо, – сказала дочь. – Я с ней, ты не волнуйся. Маме сделали укол, она спит.

– Я скоро, – повторил Петров. – Скоро все закончится.

На шоссе за Москвой его почему-то обстреляли полицейские. Может, им сообщили об угоне машины и нападении на патруль? Майор не знал. Он остановил машину, не очень даже и торопясь вышел наружу, вскинул два АКС-74 – все-таки забрал у патрульных, подумал майор и немного удивился.

Петров никогда не был особо хорошим стрелком, но тут, с двух рук, как в заграничном кино, расстрелял четырех полицейских, потом подошел к ним, собрал боеприпасы и оружие, сел в уцелевшую патрульную машину и уехал.

Он вынужденно свернул на проселок, что удлинило путь почти на два часа. Пришлось ехать в кромешной темноте, пока солнце не встало. С рассветом пошел дождь, проселок сразу развезло, но майору до шоссе оставалось всего с полкилометра, успел выскочить на асфальт, прежде чем земля превратилась в вязкую грязь. На шоссе патрульная машина встала – закончился бензин, Петров вышел на дорогу, тормознул первую же легковушку, сказал одуревшему от страха водителю, что по государственной надобности, перегрузил свои трофеи на заднее сиденье, прикрыл каким-то подвернувшимся пледом и уехал, пообещав прислать какой-нибудь транспорт.

Наверное, лучше было бы водителя просто убить, но майор Петров решил, что и так сойдет. Не станет он звонить в полицию, а если даже и позвонит, то этим утром официальные структуры работают не так эффективно.

На перекрестке перед городком стоял блокпост военных – две БМП-2, грузовик и с полусотни солдат, укладывавших возле развязки мешки с песком. Работа шла не слишком быстро, в ОЗК вообще ничего не получалось ни слишком быстро, ни слишком ловко.

Пока Петров показывал свой универсальный пропуск, видел, как солдаты время от времени пытались протереть стекла противоголозов. Запотевали, наверное, страшно. И жарко было ребятам.

Машину солдаты проверять не стали, иначе их наверняка смутили бы четыре автомата и два десятков магазинов к ним, пришлось бы снова прорываться, а это трата времени. Лишняя трата времени. Майора не смущало, что придется убивать, что противников много: он был уверен – ничто не сможет его остановить. Он прорвется. Он обязательно прорвется.

– Вы бы не ехали, – посоветовал начальник блокпоста, рослый старший лейтенант. Голос в противоголозе звучал глухо и неразборчиво, капли воды сползали по резиновой маске, будто даже противоголоз вспотел от влажной духоты. – Скоро мы все перекроем и даже ваша корочка не поможет.

– Ничего, я быстро, – засмеялся в ответ майор Петров. – Мне тут всего километров двадцать осталось. Ты бы связался с блокпостом на въезде, чтобы не компостировали мозги, а? У меня жена в больнице, нужно успеть. Ты понимаешь?

– Хорошо, – сказал старлей, – сделаю.

И сделал.

Заметив приближающуюся к блокпосту машину Петрова, солдат шагнул в сторону и сделал энергичный жест рукой – «проезжай!». Майор коротко нажал на клаксон и проехал мимо двух бэтээров в город.

Движение на улицах было оживленным, некоторые машины были нагружены сверх меры, на багажниках были уложены тюки и баулы, привязаны мешки и детские кровати. Но движения на выезд почти не было, блокпосты уже заблокировали дороги и развязки. Всем следовало оставаться в своих квартирах и ждать дальнейших указаний.

Несколько машин на центральной площади столкнулись, водители кричали друг на друга, кто-то уже сцепился в драке – Петрову на это было наплевать. Его волновал только один вопрос: когда все начнется? Наверное, зараза уже здесь. Или с минуты на минуту будет. Въезд на улицу, на которой располагалась клиника, оказался заблокирован двумя грузовиками, стоявшими поперек

проезжей части лоб в лоб.

Майор выпрыгнул из машины и побежал к клинике, держа в одной руке автомат, а в другой – два запасных магазина. На входе в клинику его даже не попытались остановить, собственно, и некому было останавливать. Новая смена на работу не вышла, а старая, с суток, торопилась домой. Им, почти всем, было наплевать на пациентов. Они хотели видеть своих родных.

Палата его жены находилась на третьем этаже. Майор взбежал по лестнице, остановился перед дверью в коридоре, переводя дыхание. Он же не бежал? Он просто приехал проведать жену. Так ведь?

– Привет, – шепотом сказал он, тихонько приоткрыв стеклянную дверь.

– Привет, – ответила Лизка.

– Мама спит?

– Мама проснулась. Ей пора делать укол, но медсестры нет. Я выходила – ни на посту, ни в манипуляционной.

– Я выйду гляну. – Майор вышел в коридор, быстрым шагом прошел к столу дежурной сестры. На полу валялись куски марли, рассыпанные таблетки, на пластиковом подносе – таблетки в стеклянных баночках. И шприц на листочке с фамилией его жены.

Петров схватил шприц и вернулся в палату.

– Куда колют, в вену? – спросил майор у дочери, опускаясь на колени перед кроватью.

– В вену, вот тут... – Лизка показала, куда именно.

Жена похудела. Очень сильно, вены проступили явственно, даже такой неопытный человек, как майор Петров, не ошибся.

Выпустить воздух, напомнил себе майор. Есть. Теперь... Чем-то протереть кожу, но... ладно, без этого.

Сколько осталось времени? Сколько осталось времени...

За окном пронзительно взвизгнули тормоза, раздались грохот и звон бьющегося стекла. Майор аккуратно вводил наркотик в вену жене, дочь подбежала к окну, отодвинула вертикальные жалюзи.

– Тут авария, – сказала Лизка. – Машины столкнулись. И какие-то люди дерутся. Папа, они убивают друг друга! Кровь! Они с ума сошли, что ли? Они едят друг друга...

– Сюда! – прошептал майор. – Мы же вместе. Все будет хорошо. Все будет очень хорошо...

Дочь подошла, села на край кровати. Мать открыла глаза, улыбнулась и накрыла ее руку своей ладонью. Второй рукой нашарила пальцы мужа, крепко сжала.

– Я быстро, я... – Майор подумал, что нужно предупредить Иванченко.

Время еще есть. Даже если заражение уже пошло, то время еще есть.

Майор набрал номер, пришлось ждать почти минуту, прежде чем полковник ответил.

Петров разговаривал с ним, а сам смотрел на жену и печально улыбался. Все могло быть по-другому. Они сейчас могли быть в бункере. Просто не повезло.

– Ладно, не буду отвлекать. Прощайте! – закончил разговор майор и не стал слушать, что там в ответ сказал Иванченко. Какая разница?

Петров отбросил телефон в сторону, достал из кармана куртки две гранаты РГД. Он все обдумал еще вчера. Он не смог бы застрелить жену и дочь, просто не решился бы, или вирус не дал бы ему этого сделать – нападает он неожиданно, майор видел это в Интернете. Как удар невидимым кулаком. Можно не успеть нажать на спуск.

То ли дело – гранаты.

Майор разогнул усики, сжал гранаты в обеих руках, зубами вытащил кольца.

– Что это, папа? – спросила испуганно Лизка.

– Это наш билет, – прошептал майор. – Чтобы... чтобы не мучиться. И чтобы остаться

людьми. Я тебе потом объясню... Потом. – Майор наклонился, прижался губами к руке жены. – Извини, – прошептал он. – Я знаю, что так плохо. Но я не могу придумать ничего другого. Я не хочу, чтобы ты... вы с Лизкой...

Жена что-то сказала, майор не разобрал что, хотел переспросить, но тут внезапная боль перехватила его горло, сдавила. Майор захрипел, дернулся, теряя равновесие и чувствуя, что заваливается на бок. Нет, нельзя так, нельзя падать, подумал Петров. Нужно разжать руки... Разжать...

Гранаты выкатились из его ладоней на простыню. Майор ничего не видел и не слышал, кроме боли, терзавшей его тело. Рядом с ним билась в агонии его жена, что-то кричала дочь, но майор этого не заметил. Он успел. Это главное – он успел...

Гранаты взорвались одновременно.

– Десять минут пятнадцать секунд, – сказал полковник Иванченко. – Угрюмов, ты...

– Есть! – радостно закричал капитан. – Есть, вывожу на центральный экран, подключаю стрелков!

– Первый огневой готов, код введен! Второй готов, код введен! Третий... четвертый...

– Подтверждаю коды, – сказал Иванченко, вставил ключ в отверстие на пульте и повернул на девяносто градусов, как предписывала инструкция. После щелчка – еще на девяносто по часовой стрелке.

На пульте загорелись индикаторы готовности огневых средств.

Засветился громадный, три на два метра, полиэкранный экран на стене перед пультами. Лес. Ограждение. Целые ограждения, неповрежденная проволока.

Яркие цвета, как на фирменном импортном телевизоре. Даже показалось, что потянуло от деревьев свежестью и сырым лесным воздухом.

– Первый сектор – чисто, – отрапортовал лейтенант, успевший подобрать с пола записку.

– Второй – чисто!

– Третий – чисто!

– Четвертый – чисто!

– Детекторы движения и сейсмодатчики – в пределах нормы.

– Хорошо, – прошептал полковник. – Хорошо! Проверить внутреннюю линию.

– В норме! Третья линия – функционирует. Система подрыва, минные поля готовы к активации.

– Отставить мины! – Иванченко потер переносицу. – Включить микрофоны первой линии. Приготовить беспилотник. Птичку-один.

– Есть! – Оператор беспилотника ввел код, попросил подтверждения и через минуту доложил, что птичка готова к старту.

– Что с микрофонами? – повысил голос полковник, но оператор вместо ответа включил звук. Ветер. Шорох листьев. Закричала какая-то птица.

– Что на дороге? – Иванченко взял с пульта часы, надел на руку. – У нас там ведь тоже есть микрофоны и камеры.

– Есть! – На полиэкране засветился квадрат.

Дорога. Камера установлена на дубе, направлена вдоль дороги в сторону шоссе. Автобусы.

Два бэтэра стоят борт о борт на дороге, повернутые в сторону ворот Узла-три. Люки открыты, водитель и командир курят. Облачка дыма быстро тают в насыщенном влагой лесном воздухе.

Солдаты стоят возле автобусов. В трех метрах друг от друга, лицом к деревьям. Один, оглянувшись, подошел к дереву, закинул автомат на плечо и расстегнул брюки.

А вот и Утес, прищурился Иванченко. Что-то энергично говорит в телефон. Стучит, сволочь, может, даже бригаду поддержки вызывает. Теперь уже все будет не так просто. Узел-три может защищаться, мысленно проговорил полковник.

– Микрофон! Включить микрофон! – потребовал Иванченко. – Я хочу слышать...

– Там слабенький стоит, – сказал техник. – Слова выделить не сможем, только общие шумы.

– Давай шумы...

Танковые двигатели они в любом случае засекут. Танк бесшумно не проедет. Да и вообще – дорога забита, это придется задним ходом отгонять автобусы к трассе – пять километров задним ходом. И только потом смогут войти танки. Нет, ребята, теперь уже все! Теперь уже ничего у вас не получится...

Утес что-то сказал своему помощнику, тот развел руками, потом что-то крикнул офицеру, стоявшему неподалеку, махнул рукой, подзывая, потом сам бросился к нему бегом.

Можно не суетиться, прошептал полковник. Минутой дольше, минутой быстрее – не суть важно. Иванченко сильно потер лицо ладонями.

Он даже на несколько минут забыл о своей дочери. Он был почти счастлив – все получилось, у него все получилось...

Выстрел. Даже слабый микрофон возле дороги четко его передал. Одиночный выстрел из автомата. Полковник вздрогнул, лицо окаменело.

Автоматная очередь – длинная, на весь магазин, не иначе. Стреляли где-то в конце колонны, Утес выбежал на обочину и попытался рассмотреть, что именно там происходит. Истошный человеческий крик.

Солдаты стали снимать автоматы с предохранителей, передергивать затворы. Некоторые встали за деревья, словно ожидая обстрела со стороны хвоста колонны.

– Что там у них, товарищ полковник? – спросил лейтенант с огневого пульта.

– Рот закрой, – посоветовал ему капитан Ермаков. – Сам не понимаешь?

Эпидемия? Тогда почему стрельба? Эпидемия – это когда болезнь, когда люди кашляют, теряют сознание, покрываются язвами. А стрельба? При чем здесь стрельба?

– Мы это пишем? – спросил полковник у техника.

– Да, согласно регламенту.

– Хорошо, – сказал Иванченко и поморщился – что тут хорошего? Там сейчас?

Тут полторы тысячи человек, из них почти тысяча – женщины и дети, сказал ему Утес. И все в центральном посту слышали, как он это говорил. Женщины и дети. Конечно, свои семьи важнее, но ведь можно было впустить кого-то из женщин и детей? Хотя бы только детей... Можно было бы?

Еще крики. И автоматные очереди. Длинные и короткие. Взрыв, кажется, граната. С кем они там ведут бой? Кто-то напал? Кто-то решил их потеснить и попытаться захватить бункера для себя.

Послышалась неразборчивая команда, солдаты медленно двинулись вдоль автобусов с двух сторон, держа автоматы наизготовку. От дерева к дереву, готовые в любой момент спрятаться за стволами вековых дубов. Пуля там не достанет. Ясно ведь – не достанет. Даже крупнокалиберный пулемет. Да что там пулемет, тридцатимиллиметровая пушка ни черта такому дереву не сделает.

Снова крик. И еще один. Теперь кричали несколько человек. Истошный женский вопль оборвался на самой высокой ноте, словно кто-то просто взял и заткнул женщине рот. Или перерубил горло.

Иванченко, не отрываясь, смотрел на экран. Желваки напряглись, на висках выступил пот. Он виновник всего происходящего? Или ему сейчас выпало увидеть, что случилось бы с ним и

его людьми. И то, что сейчас происходит с его дочерью. В рейсовом автобусе или электричке.

Солдаты у дороги вдруг стали падать. Роняли автоматы, опрокидывались на спину, падали на колени, а потом лицом вниз, катались с боку на бок и корчились, приняв позу зародыша. Кто-то несколько секунд еще стоял на ногах, озираясь недоуменно по сторонам, а потом, через две-три секунды, тоже валился наземь.

Микрофон ловил и передавал в командный пост крики, выстрелы, еще несколько взрывов и хрип. Многоголосый хрип задышающихся людей.

Утес и офицер остались на ногах. Офицер держал в руках автомат, что-то кричал, но его, похоже, не слышали или не обращали внимания. Выбежавший из-за автобусов солдат остановился, выпустил очередь назад, в какие-то тени, которые камера не позволила идентифицировать.

Подбежали еще несколько солдат, десятка полтора. Один или двое – в крови. Кровь на лице, на руке...

Офицер отдавал приказы, солдаты выстроились в плотную цепь, так, чтобы чувствовать локоть друг друга. Вскинули автоматы к плечу. Они ждали нападения. Люди в бункере не видели, кто атакует, не могли рассмотреть и опознать на слух. Автоматы в глубине леса смолкали один за другим.

– Может... – неуверенно начал оператор.

– Мы ничего не можем, – оборвал его полковник. – Можем только...

Солдаты у дороги перестали корчиться. Некоторые лежали в лужах крови, некоторые... некоторые начинали подниматься. Медленно, неуверенно. И было в их движениях что-то нечеловеческое.

Несколько поднимающихся держали в руках автоматы, но не как огнестрельное оружие, а будто дубины или копья.

– Черт... – вырвалось у кого-то из операторов. – Это что же такое за...

– Это эпидемия, – сказал полковник Иванченко. – Это было бы с нами, если бы...

Он не договорил, но все поняли. Они бы лежали в лужах крови, они бы стреляли наугад из автоматов, они бы медленно вставали, они бы...

Кто-то из солдат оглянулся, дернулся от неожиданности и что-то крикнул. Не что-то членораздельное, а просто громко выдохнул воздух. И словно это была команда атаковать, вставшие с земли бросились на солдат.

Удар прикладом – офицер упал на землю, оживший навалился на него сверху, потекла кровь.

– Они... они что?.. Они жрут?..

Солдат выстрелил из автомата, провел по нападающим пулями, как водой из шланга. Ожившие должны были валиться на землю, но вместо этого они бежали, прыгали, сшибали с ног солдат, впивались им в горло зубами, рвали на куски, выкрикивая что-то утробными голосами и хрипя, надсадно хрипя, словно не хватало им воздуха... Или будто воздух стал твердым и шершавым.

Трое солдат прижались спинами к автобусу и стреляли, не переставая; один наконец сообразил стрелять в головы, несколько оживших упали. Три автомата в упор – это много. Это смертельно даже для оживших, тем более что было их не очень много – двадцать или тридцать.

Наткнувшись на плотный огонь, ожившие бросились в стороны, под прикрытия деревьев, утащив с собой несколько трупов. Солдаты у автобуса перезарядили автоматы, не отводя стволов от леса, двое направо, один налево. И тут лобовое стекло автобуса разлетелось вдребезги, будто в него изнутри врезалось пушечное ядро.

Люди из автобуса сплошным потоком окровавленных тел обрушились на солдат сверху, смяв их и опрокинув.

Крики стихли, только хрип, безумный хрип задыхающейся толпы. Треск разрываемой одежды, хлюпанье, чавканье, неразборчивое бормотание... Женщины. Мужчин было совсем немного, солдат рвали в клочья женщины. Из леса появились ожившие солдаты, им мяса не хватило, они бросились на толпу, выхватили какую-то беснующуюся женщину, ударом штыка почти отрубили ей голову и начали рвать тело зубами.

Лейтенанта у огневого пульта стошнило. Он успел повернуться к стене и упасть на колени. Центральный пост заполнила рвотная вонь.

И тут ударили пулеметы. Два КПВТ с бронетранспортеров. Пули калибром четырнадцать с лишним миллиметров разрывали человека в клочья, разбрасывая кровавые ошметки по сторонам, развешивая кишки гирляндами на кусты вдоль дороги.

Вырубив всех, кто был на дороге, пулеметы обрушили свой гнев и испуг на металл автобуса, перемалывая все, что попадалось на пути: мертвые тела, кресла, поручни, стекло – в фарш, в сплошное месиво.

Люки у бэтэров были закрыты, машины медленно двигались между автобусами и деревьями, расстреливая все, что попадалось навстречу. Один бэтэр зацепил бортом дерево, застрял, сдал назад, второй, не заметив этого, продолжал медленно ехать, стреляя-стреляя-стреляя...

У офицеров, сидевших за пультами в центральном посту Узла-три, возникла иллюзия, что у бэтэров все получится... все получилось. Они смогли остановить резню, они уничтожили обезумевших людей. Все-таки броня всегда остается броней, а пулемет – пулеметом. Сейчас бронетранспортеры доползут до свободной дороги...

Полторы тысячи человек, напомнил себе полковник. Пусть треть – дети. Еще тысяча. Сколько-то умерло, но ведь многие превратились в кровожадных чудовищ. Полковник спохватился, одернул себя, чтобы не напрогнозировать, но было уже поздно – на бронетранспортеры обрушилась толпа. Мужчины и женщины, штатские и одетые в камуфляж, люди выбегали из леса, прыгали на броню, лезли, цепляясь за поручни к башне.

Бэтэр дернулся, развернул башню, ударил из пулемета, разрывая и отбрасывая нападающих, но они хватались за ствол КПВТ, словно не обращая внимания на его раскаленный металл, били прикладами и палками по оптике, по смотровым щелям, по прицелам.

Бронированная машина дернулась. Она была неуязвима для безоружных людей, они не могли пробить ее стенок, проломить крышу или днище. Но они могли БТР ослепить. И водитель, укрытый под броней, запаниковал. Рванул машину вперед, давя тех, кто не выскочил из-под колес, врезался бортом в автобус, оторвал длинную полосу обшивки, принял вправо и, не рассчитав или уже не видя ничего через разбитые и залитые кровью триплексы, вломился в лес.

Удар – БТР врезался в дерево, полетели куски коры, ветки. Разлетелось на две части тело одного из оживших, оказавшееся между корпусом бронетранспортера и дерева. Машина дала задний ход, колеса швыряли грязь и прошлогодние листья, кровь и ошметки тел. Еще удар – на этот раз бортом. Разворот – водитель не видел ничего, он пытался двигаться на ощупь, но бронетранспортер все больше углублялся в лес, увязая в кустах и молодых деревцах.

Неудачный поворот, машина уперлась в дерево, колеса чуть повернулись, задний ход – снова удар в дерево, теперь уже кормой. Вперед – удар, назад – удар. Вперед...

Двигатель бэтэра взревел и заглох.

Потом распахнулся верхний люк, кто-то попытался выбраться наружу, но лишь взмахнул руками и снова исчез в утробе машины. Через несколько минут на крышу бэтэра выбрался человек, вытащил за собой окровавленное тело и принялся объедать его, сидя возле башни.

Второй бэтэр выбрался из ловушки, расцепился с автобусом, смел длинной очередью десяток оживших с асфальта, развернулся, словно решил прорываться к объекту.

– Приготовить ворота? – спросил техник.

– А? Что? – дернулся полковник Иванченко, приходя в себя. – Нет, ни в коем случае. Огонь на поражение сразу же, на подходе. Он же с собой этих... зомби приведет. Хочешь, чтобы они здесь хозяйничали? И вытрите кто-нибудь блевотину, в конце концов.

Бэтээр стрелял из пулемета. Несколько автоматов ударило из бортовых бойниц, тела оживших... зомби, как назвал их полковник, лежали на асфальте, колеса давили их, дробили кости, расплескивали лужи крови. Шел дождь, вода смешивалась с кровью, и казалось, что вся дорога, вся-вся, до последнего метра была залита глянцевой красной краской.

До поворота оставалось несколько метров, оператор огневого пульта взялся за джойстик управления, пожил палец на спуск.

– Как только выедет из-за деревьев, – сказал полковник. – Как только...

Бэтээр вздрогнул, крыша его корпуса вспучилась, верхние люки разом распахнулись, и наружу вырвался черный дым и яркие языки пламени.

– Твою... – вырвалось у капитана Ермакова. – Что это?

– Себя подорвали, – сказал кто-то. – Или случайно гранату расчеховали. Такое бывает, если в суете. В Чечне как-то, помню, парни...

В бэтээре снова рвануло. Из открытого люка полетели вверх трассеры, вертясь, словно петарды на новый год. Рвались патроны в боеукладке. Потом снова гранаты, несколько штук одновременно, башня с пулеметом подпрыгнула и съехала в сторону. Бронетранспортер медленно скатился с дороги и уперся в дерево.

– А пожара не будет? – спросил Угрюмов.

– Лес мокрый, не загорится, – ответил капитан Ермаков.

– Движение в третьем секторе! – Голос оператора сорвался на крик. – Движение...

– На экран! – приказал полковник. – Больше охват.

Изображение на главном экране сменилось, камера будто отъехала назад, чтобы охватить большее пространство.

– Выведи индикатор на экран. – Иванченко облизал губы, очень хотелось пить, а он не сообразил взять с собой термос. Не гонять же человека за водой. Нехорошо это – заставлять других исправлять твои собственные ошибки. Потом напьется. Когда все закончится... Как только закончится, так...

Красный маркер двигался по экрану, указывая, откуда доносились шум и вибрация. И выдавал приблизительно расстояние до цели. Хорошую технику поставили на объекте, подумал полковник. Самую современную...

Двадцать метров.

Стрелять бессмысленно – деревья не пропустят пули. Да и непонятно, кто это идет – зомби недоделанный или выживший человек. Или...

Десять метров.

Не торопясь идет, не бежит, может, даже прячется. А если это выживший? Наверняка эта мысль в голове у каждого из офицеров, глядящих на экран. Если это не людоед, а обычный человек, которому повезло больше других? Что будем делать? Мы уже убили почти полторы тысячи человек, наверняка понимают все, кто сейчас находится в центральном посту. Еще одного грохнем?

– Оператор-четыре, – негромко приказал Иванченко, и на картинке появился красный крест прицела. Лег на метку маркера.

Пять метров.

Четыре.

Три.

Два.

Из-за дерева вышел человек, опираясь на автомат, как на дубину. Остановился перед расчищенной полосой земли. Принюхался. Оператор дал увеличение, лицо человека заполнило весь экран.

Налитые кровью глаза, тяжелое частое дыхание. Испачканный кровью рот, алые потеки на зубах.

Не человек. Это – не человек.

Оператор снова изменил ракурс, фигура уменьшилась. Снова стала похожа на человеческую.

– Огонь! – скомандовал полковник.

Пуля вылетела из ствола пулемета, ударила зомби в грудь. Он упал. Пошарил вокруг себя руками и поднялся на ноги. Взмахнул автоматом и что-то закричал.

– В голову! – приказал полковник. Пулемет снова выстрелил, голова зомби разлетелась в клочья, тело некоторое время стояло неподвижно, потому упало навзничь.

– Еще один выстрел не в голову – и пойдешь сортиры чистить, – сказал Иванченко. – Неужели не видел, что их только выстрелом в голову достанешь?!

– Множественные цели, приближаются. – Голос оператора чуть дрогнул, словно он боялся, что чудовища смогут прорваться сквозь ограждение и пулеметный огонь и добраться до него.

С другой стороны, экипажи бронетранспортеров тоже были уверены в своей неуязвимости.

– Не меньше двадцати целей. Больше. До полусотни.

– Оператор три и два – переключитесь на пулеметы четвертого сектора, – приказал Иванченко.

Так, значит так.

Все равно нельзя оставлять возле объекта этих... они ведь еще и носители инфекции. Может, если их уничтожить, то и зараза погибнет.

Из леса выбежали люди... существа, которые раньше были людьми. Были несколько женщин с лицами, испачканными кровью.

Это что-то меняло? Женщины менее опасны? Чушь.

Три прицела скользили по экрану, словно выбирая жертву.

Что-то крикнув, мужчина бросился к обезглавленному трупу, упал перед ним на колени и впился зубами в мясо. Остальные присоединились к нему, отталкивая друг друга. Не выдержав, один мужчина вдруг напал на другого, повалил его на землю, вырвал руку из сустава, одним движением. Рванул зубами горло. Еще несколько зомби присоединились к нему.

– А им все равно, кого жрать, – сказал Ермаков. – Видели? Своего, чужого... Живого или мертвого. Жрут и жрут...

– Не стрелять, – сказал полковник. – Отслеживать, но не стрелять. Картинку с дороги – на мой пульт. Всем разойтись по номерам. Не кучковаться здесь, не проходной двор. И вытрите блевотину, дышать невозможно.

Через десять минут зомби доели мертвых у заграждения и пошли назад.

– Почему мы не стреляли, товарищ полковник? – спросил Угрюмов.

– А сам не сообразишь? – поинтересовался Иванченко.

– Чтобы не привлекать внимания? – предположил капитан.

– У нас установки автономные, так? – Иванченко расстегнул верхнюю пуговицу на куртке.

– Так.

– Наводятся дистанционно, отсюда, из бункера. Так?

– Так точно!

– И патроны у них там, на установках. Три сотни на ствол. Так?

– Да...

– А как ты их перезаряжать будешь? Не боишься заразу подцепить? Или с собой сюда принести? Я не собираюсь выходить из бункера, пока не прижмет. И никого не выпущу. Поэтому патроны расходовать только в крайнем случае. В самом крайнем случае...

Полковник хотел еще что-то добавить, но тут на его пульте снова загорелся индикатор вызова. Лицо обдало жаром, по спине словно кто-то провел холодной рукой. Линия номер один. Центр.

Иванченко пригладил волосы рукой, смотрел на пульсирующий огонек светодиода и мучительно пытался представить себе, кто там, на той стороне и что сейчас произойдет. Бессмысленный разговор. Какие-то угрозы? Это сейчас словно послание с Марса. Попробуй добраться сюда из Москвы. А бригада прикрытия... Что бригада прикрытия и гарнизон базы хранения? Там сейчас или уже произошло, или как раз происходит то, что он, полковник Иванченко, видел на экране. Кровь, смерть, безумие.

Полковник надел гарнитуру, протянул руку к выключателю. Пальцы чуть подрагивали.

– Всем выйти из центра! – сказал он громко. – Всем немедленно выйти из центра!

Люди не сразу поняли, прошло минуты три, прежде чем последний из них вышел и прикрыл за собой толстую бронированную дверь.

– Да, – сказал полковник в микрофон, нажав на кнопку переключателя.

– Утеса на связь, – сказал уверенный голос.

Человек с таким голосом имеет большой опыт командования, управления людьми. Сталь, завернутая в бархат. За такими идут, в таких верят, таких не предают. А они, обладатели подобных интонаций, могут и обмануть, и предать... Видел Иванченко таких в своей жизни.

– Утес недоступен, – сказал полковник, снова облизав губы.

Очень хотелось пить.

– Лешего тогда. – Человек на той стороне сверхдорогого кабеля был спокоен, будто и не пришлось ему только что более трех минут ждать ответа на его вызов.

– Я не знаю, кто такой Леший, – сказал Иванченко.

– Генерал Федоров...

– Так это он Леший? – Иванченко вспомнил лощеного генерала и усмехнулся – позывной ему совершенно не подходил. И умер как полное ничтожество, какой там Леший...

– Да, Леший – это генерал Федоров.

– Генерал Федоров тоже не может выйти на связь. – Да какого черта, в конце концов, – выругался про себя Иванченко, – что он мне сделает, в ухо крикнет? И генерал, и Утес – мертвы. Генерал еще с вечера, Утес – с полчаса.

– Так, – сказал человек на той стороне. Немного растерянно сказал. – С кем я говорю?

– Это так важно? – спросил полковник Иванченко. – Я же не спрашиваю, кто мне сейчас позвонил и задает вопросы. И мне это не мешает жить...

На экране один из зомби вернулся к ограждению, осторожно подошел к проволочному забору, потрогал режущую кромку. Понюхал воздух. И что-то было такое в его движениях и взгляде, что полковник понял: не уйдет эта тварь отсюда, будет бродить вокруг, разыскивая лазейку, пытаясь раз за разом проникнуть внутрь. Нужно было потратить еще один патрон, но не садиться же самому за пульт управления огнем, прерывая такой интересный разговор.

– Меня зовут Лидер, – сказал человек с уверенным голосом прирожденного руководителя.

– Я – полковник Иванченко, комендант Узла-три. – Полковник не отрываясь смотрел на экран, зомби все стоял и принимался.

– Минуту...

– Да хоть десять.

Зомби прошел вдоль ограждения, снова протянул руку, на этот раз не очень удачно – лезвие

рассекло кожу на его ладони. Капли часто закапали на землю. Зомби поднял руку над головой, раскрыв ладонь, подставив ее под дождь. Кровь через несколько секунд перестала капать, зомби лизнул ладонь, что-то выкрикнул хрипло и ушел за деревья.

Получается, что на них раны зарастают почти сразу. Это нужно иметь в виду.

– Сергей Иванович? – сказал Лидер.

– Да, Сергей Иванович, а что?

– Вы должны были покинуть объект еще вчера...

– И не покинул. Что дальше? Меня не устроил список, который вы прислали генералу. Ведь вы же прислали, правда?

– В общем, если отбросить подробности – я, – подтвердил Лидер. – Но у вас был приказ.

– Я ему не подчинился. Я не считаю, что моя семья и семьи моих людей меньше, чем дети и жены чиновников, заслуживают спасения. И я больше не буду этого объяснять, мне хватило разговора с ныне покойными Лешим и Утесом. Избавьте меня от этого, хорошо? Я ведь могу и связь отключить.

– Можете, – не стал спорить Лидер. – И полагаете, что это вам сойдет с рук?

– Когда все закончится и вирус будет уничтожен? Согласен даже на расстрел. Остальные только выполняли мои приказы. Вашу спецколонну мы не тронули...

– А что с колонной? – напрягшимся голосом спросил Лидер.

– Нет колонны. Те, кто не умер, сожрали тех, кто не заразился...

– Сколько у вас людей в бункере?

– Наручники будете готовить?

– Перепись населения провожу, – спокойно ответил на вызов Лидер. – Нам нужно знать, сколько человек уцелело. Москву и Питер уже накрыло. Информация из пригородов и областей недостаточная и путаная. Сколько у вас человек?

– Полторы тысячи.

– Полторы тысячи, – отдельно повторил Лидер, словно записывал. А может, и вправду помечал золоченым карандашиком на листе льняной бумаги – Узел-3, полторы тысячи человек. И прикидывал, что и как можно получить с этих людей, мятежом захвативших бункер. Налоги? Или что-то еще?

– Значит так, – сказал Лидер. – По этой линии ты будешь докладывать мне обо всем происходящем на объекте каждый день. Скажем, в 18–00.

– И почему?

– Потому что я так сказал. И потому, что иначе ты не будешь получать информацию, которая будет появляться у меня и в других хранилищах. И когда появится сыворотка против вируса, то... Ты меня понял, полковник? Если хочешь, кстати, могу тебе присвоить звание генерала. Ты как?

– Обойдусь.

– Как знаешь. Но имей в виду: будешь заниматься ерундой – я найду способ с тобой разобраться. А вдруг у тебя в бункере заложена взрывчатка?

– Не стоит на меня так давить. – Иванченко невесело усмехнулся. – Я строил этот бункер, все шло через меня. Нет здесь закладок, не нужно меня напрасно пугать...

– Хочешь в это верить? Верь. И я пока не склонен к решительным и необратимым действиям. Но лучше не рискуй, полковник. Я доступно объясняю?

– Более чем.

– Вот и хорошо. И чтобы два раза не звонить: твой позывной теперь... Ты хочешь Утес или Леший?

– Меня устраивает Сергей Иванович.

– Значит, Леший. Вот и договорились. Служи, Леший! Ты еще пригодишься.

Полковник Иванченко хотел послать неизвестного ему далекого Лидера как можно дальше и с наиболее изощренным вывертом, но не успел – тот отключил связь.

Вот ты и побыл мятежником, сказал себе полковник. Вот ты и почувствовал вкус свободы, Леший.

Даже сюда дотянулись... Наверняка врал же о заложенной мине. Но ведь мог и правду сказать. Не проверишь. И хватит двухсот граммов пластида, чтобы нарушить герметичность бункера.

А еще вакцина... А если правда? Если и в самом деле это получится?

Сволочи, сказал полковник Иванченко. Как же я вас ненавижу!

Потом взял карандаш и написал прямо на пульте возле телефонной трубки: «Каждый вечер в 18–00».

Он перестал обращать внимание на то, какой именно сейчас день недели, какое именно число и месяц. Не видел в этом смысла. Он просто считал прожитые после катастрофы дни. Ставил отметки на стене возле двери на кухню.

В первый день после начала эпидемии в городе отключилось электричество. Погасли свет в кабинете и монитор компьютера. Янычар остался сидеть в кресле, мысленно считая секунды. На пятьдесят восьмой свет снова зажегся – не соврали, дизель в подвале включился автоматически, дал электричество дому. Говорили, что дизеля без заправки хватит на три дня.

Три дня, отметил для себя Янычар. К тому моменту, когда вырубится дизель в подвале – вряд ли кто-то станет подливать горюче в бак, нужно будет подготовить тот генератор, что стоит на балконе. Если его использовать не круглосуточно, а по нескольку часов в день, то горючего хватит еще дней на пять. Итого – восемь дней цивилизации.

Только окна стоит задернуть шторами, чтобы не привлекать излишнего внимания.

С другой стороны, где-то в доме наверняка остались включенными лампы, и в темной ночной Москве окна будут светиться, как маяки. И кто только не прилетит на их свет. Наверное, правильно было бы пройтись по дому, вырубая осветительные приборы и отстреливая уродов.

Только вот оставался вопрос: он уже получил свою долю заразы и просто оказался к ней невосприимчивым, или то, что он сидит на десятом этаже в закрытой квартире, предохраняет его пока от заражения?

Можно было, конечно, проверить, выйти на улицу или зайти в какую-нибудь из разгромленных квартир подъезда. Там наверняка есть мертвые. И выжившие твари тоже есть.

Янычар слышал крики в доме. Дверь была надежной, перекрывала все звуки, доносящиеся изнутри дома, а вот балкон он оставил открытым. Кричала женщина. Кричал мужчина. Несколько раз грохнуло ружье. Со звоном разлетелось оконное стекло, и кто-то с криком вылетел из окна. Раздался глухой удар тела об асфальт, и крик прервался.

Несколько уродов, слонявшихся возле дома и подъедавших тела погибших, быстро оказались рядом с упавшим и приступили к трапезе. Они были настолько увлечены едой, что даже не заметили, как мимо них, скользя вдоль стены дома напротив, проскочили трое или четверо людей.

Янычар наблюдал за всем этим с балкона, сидя в кресле и баюкая «винторез» на коленях.

Он наблюдал, не вмешиваясь, отмечая для себя важные особенности нового мира.

Уроды перемещаются очень быстро. Это не зомби из фильмов ужаса, действуют они вполне ловко и даже согласованно. Стараются держаться стаей. Поэтому если на улице наткнутся на такую тварь, то нужно иметь в виду: неподалеку обязательно есть еще несколько.

Бегство по прямой – не самая удачная стратегия.

Молодой парень попытался убежать от группы уродов. Рванул по дороге, рассчитывая то ли скрыться в переулке, то ли спрятаться в одном из домов. Наверное, он уже не первый час метался по обезумевшему городу, вымотался, но, увидев зараженных, попытался сделать ставку на скорость.

Его догнали.

Самый прыткий из каннибалов зацепил парня за плечо, рванул, парень потерял равновесие, сделал еще несколько шагов, пытаясь устоять на ногах, но в спину ему ударил набежавший монстр. Дубиной ударил, уроды не совсем превратились в животных, пользовались примитивным оружием. У этого была массивная ножка от деревянного стола.

Удар в спину швырнул парня на асфальт, второй пришелся по голове. И третий. И

четвертый. Потом настало время еды.

Янычар встал с кресла и ушел на кухню. Поскольку электричества хватит всего на неделю, нужно как-то разобраться с продуктами. В первую очередь следует есть скоропортящиеся, отложив на потом еду в вакуумной упаковке и консервы. Макароны, крупы, овощи тоже могут подождать.

Хорошо, что водопровод в доме был спланирован по западным образцам – вода вначале подавалась в здоровенный бак на крыше здания, а потом самотеком шла в квартиры. И в общем, было неплохо, что болезнь и людоеды существенно подсократили численность обитателей дома. Вода вообще не была пока проблемой.

Янычар принимал душ каждый день, даже горячий, включая бойлер.

Живем лишь раз, пояснил Янычар своему отражению в зеркале. Отражение смотрело осуждающе и даже с какой-то брезгливостью. И черт с тобой, подумал Янычар. Не очень и нужно мне твое одобрение.

В городе первые дни шли бои.

Первые четыре дня. Работали пулеметы, автоматические пушки с БМП, танковые орудия. Ночью было хорошо видно, как полыхает что-то на востоке, как отражаются вспышки взрывов на низко висящих облаках.

Мимо брошенных на улице грузовиков в первый день проскочило несколько бэтээров, Янычар даже считать не стал. После двух часов наблюдения он зашел в квартиру – дождь усилился, и даже плащ не очень от него спасал. Слышал только, как ревели двигатели тяжелых машин на улице.

Схватки в доме закончились часа через полтора после начала. Янычар подошел к открытой балконной двери, постоял некоторое время, прислушиваясь, потом дверь закрыл. В доме больше не кричали, не стреляли, не били окна. Значит, наступило временное равновесие. То ли монстры сожрали всех выживших, то ли выжившие сумели перебить монстров, то ли просто закрылись в квартирах и сидят тихо, чтобы не привлекать внимания.

Вечером первого дня Янычар решил напиться. До свинского состояния. На душе было хреново, все никак не мог забыть разговора с Наташей. Даже несколько раз ударился головой о стену, матеря себя самыми последними словами.

Он себя ругал не за то, что не спас Наташу, не вызвал ее сюда. Она бы все равно умерла. Ведь умерла бы, вирус ее доконал, Янычар сам слышал по телефону. Тут себя ругать, по факту, не за что. А вот то, что он не сдержался и все-таки позвонил тогда... Он ненавидел себя за этот телефонный звонок. Значит, все-таки слабак. Значит – расквасился все-таки Янычар в гражданской жизни.

Янычар принес пару бутылок водки, бутылку коньяка, что-то мясное и пару банок икры. Гулять так гулять. Он даже налил первый стакан – массивный, с толстым дном, миллилитров на триста, – поднес к губам, торопливо пробормотав нечто вроде «царство небесное», сделал первый глоток, потом отшвырнул стакан прочь. Влепил им изо всей силы в стену.

Стакан разлетелся на тысячу осколков.

– И чтобы такого больше не было, – строго сказал Янычар. – Ты подохнешь не сегодня и не завтра. Ты умрешь только тогда, когда не будет другого выхода. Ты будешь драться с этими уродами, рвать глотки, отрывать руки и ноги... Ты будешь страшнее их, Янычар!

Утром он разместился на балконе с «винторезом» и биноклем, взял туристическую карту Москвы и целый день наблюдал за городом, делая пометки на карте. Если в каком-то районе слышится стрельба – значит, там окопались военные, значит, держатся. Значит, если что, туда можно будет двигаться.

Еще был Кремль, под которым наверняка было убежище, но идти в ту сторону было

совершенно бессмысленно – не пустят. Не для него строилось, да и открывать сейчас ворота для кого бы то ни было – глупо. Опасно и глупо.

Нет, не исключено, что ученые уже что-то нащупали, пусть не лекарство, но хотя бы средства безопасности, научили пусть не лечить, но хотя бы не допускать заражения.

В первый и второй день по улице перед домом пробегали и проходили довольно много нормальных людей, но потом поток иссяк. Монстры активно охотились, добывая еду. Время от времени появлялись люди, но было их мало и... кстати, обратил внимание Янычар, чаще всего люди проходят в сухую солнечную погоду.

Уроды вроде как не любят солнца. Или наоборот – любят дождь. Нужно это как-то проверить, но на всякий случай отметим – уходить нужно по сухой погоде.

На четвертый день Янычар задействовал генератор на балконе. Тарахтел он не сильно, внимания снизу привлечь не мог. Да и, похоже, охрана дома успела перекрыть вход и окна первого этажа.

Несколько раз выжившие люди пытались войти, стучали, даже хотели выломать дверь, но ничего у них не получилось. Янычар даже собрался им крикнуть, чтобы уходили, но потом подумал, что бедняги станут проситься внутрь, ныть и плакать, пока не появятся каннибалы.

Поэтому Янычар промолчал. Нельзя, чтобы дверь открыли и в дом смогли входить все кому не лень. Сейчас дом изолирован, есть реальный шанс почистить его от пораженных вирусом уродов. Если правильно за это взяться, да еще подключить других выживших... Хотя вот это Янычару совершенно не нужно. Он – сам за себя. И не собирается играть в объединителей и спасителей.

Достаточно того, что на пятый день катастрофы он расположился на балконе и занялся практическими упражнениями и экспериментами.

Моросил мелкий дождь, уроды вели себя активно. Время от времени появлялась очередная группа, проходила мимо дома от угла к перекрестку. За перекрестком была станция метро, возможно, туда они и двигались.

Уроды не устраивали засад, не организовывали облав – максимум коллективизма у них проявлялся в одновременной атаке на забредших сюда людей.

Причем ночью они действовали так же эффективно, как и днем. Вряд ли они видели в кромешной темноте, скорее всего ориентироваться и обнаруживать жертвы им помогал нюх. Пара выживших попыталась спрятаться в брошенном армейском «Урале». Заскочили в кузов и затаились. Эти двое уже, по-видимому, заметили связь между дождем и появлением уродов, поэтому, когда снова заморосил дождь, быстро спрятались в кузов.

Их обнаружили ровно через пять минут.

Каннибалы, двигавшиеся мимо грузовиков, вдруг замерли одновременно, повернули головы к машине, словно приняв их. Они даже хрипеть перестали на несколько секунд. Потом, не обменявшись даже звуком или жестом друг с другом, стали запрыгивать в кузов. Наверное, мужчина пытался защитить свою спутницу, с полминуты слышались ее истошный крик и надсадные выкрики мужчины. Потом мужчина закричал от боли и стих. Визг женщины взлетел и резко прервался.

Уроды выволокли окровавленные тела и потащили их в сторону метро.

Значит, прятаться от них бессмысленно, понял Янычар. Нужно укрытие – надежное и для них недоступное. Надеяться отбиться можно, только если удастся создать высокую плотность огня. И лучше огня из чего-нибудь крупнокалиберного. Автоматы калибром пять сорок пять тут вряд ли помогут. Трудно попасть в голову стремительно несущемуся уроду. И в прыжке перехватить его выстрелом нереально.

Никакого героического сопротивления. Бежать и бежать. От убежища к убежищу.

Еще можно отстреливать их одного за другим, оставляя поживу для остальных.

Это свое предположение Янычар проверил немедленно.

Уродов было немного – пятнадцать особей. Двигались они по улице не слишком быстро, не имея цели. Взаимодействия в группе Янычар не заметил – просто брели вместе, надсадно хрипя. Это хрип, кстати, сопровождал уродов везде, они не могли дышать иначе – только хрип, хрип и хрип. Это их могло выдать, если внимательно слушать. Еще один шанс, крохотный, но тем не менее...

Янычар поймал переднего урода в прицел. Высокий, остатки дорого костюма и модельных туфель. В той, довирусной жизни, урод не очень часто передвигался на своих двоих. Ездил в машине, и, скорее всего, не за рулем. Такие туфельки портятся от взаимодействия с педалями. Берутся морщинами.

А теперь бредет, тащит за собой палку. Они все, те из уродов, кто вооружился, волокут за собой примитивное оружие, не догадываясь взвалить его на плечо и дополняя свое хриплое дыхание шорохом и скрежетом по асфальту дубин, клюшек для гольфа и бейсбольных бит.

В голову, напомнил себе Янычар. В голову...

Выстрел, цель исчезла из оптического прицела, Янычар тут же убрал винтовку. Урод упал, рухнул как подкошенный. Значит, голова – правильная цель. Нужно только правильно целиться, чтобы не вскользь.

Стая замерла, растерянно глядя на убитого. Один из уродов, молодой парень лет двадцати, оглянулся, словно понимая, что где-то должен быть снайпер. Остальные сгрудились, окружая мертвеца. Кровь из головы растекалась по асфальту, легкий дождик стучал по поверхности темно-красной лужи, размывая ее с краев.

Уроды бросились почти одновременно, упали на колени, впиваясь зубами в тело. Парень, с подозрением осматривавший дома, оказался вне круга жрущих, места ему явно не хватало. Безрезультатно сунувшись пару раз в свалку, он что-то рывкнул, замахнулся бейсбольной битой, ударил женщину, оказавшуюся к нему ближе всего. Удар вышел сильным, череп лопнул сразу, разбрасывая в сторону кровавые ошметки. Парень схватил еще дергающееся тело, выдернул его из свалки и стал зубами вырывать куски плоти убитой.

К нему присоединились двое или трое уродов, парень не возражал.

Значит, жрут они и своих. Если есть живое мясо – охотятся. Если мяса не попало, употребляют таких же уродов, как сами.

Ели каннибалы жадно, толкаясь, не переставая хрипеть, но пока еда не закончилась, никто никого больше не пытался убивать.

Когда я ем, сказал Янычар, я глух и нем. Он снова прицелился, можно было сейчас аккуратно перестрелять всех членов стаи, но нужно беречь патроны. Уродов на двадцать голов больше или на двадцать голов меньше – соотношения сил это не изменит, а патроны могут закончиться.

Если бы гранату...

Придурковатый Молодой хозяин. Пулемет, значит, есть, а гранат – нету. Не приготовил. Хотя зачем ему держать гранаты в квартире, когда можно хранить их в загородном доме, в поселке с кокетливым названием Застава? Богатырская, надо полагать.

Хозяин любил ездить туда, за сто пятьдесят километров от Москвы, в дебри заповедного леса, где чудом и волей его отца был построен небольшой поселок всего на полтора десятка домов. Хозяин даже свою супругу туда с собой не брал, ездил в чисто мужской компании и предавался воинским потехам и развлечениям на лоне природы в заказнике министерства обороны.

Богатыри земли Русской: Фрейдин, Сулейманов, Галимов, Райзман, Етоев, Бахтияров, Хорст

– молодые представители этих славных российских фамилий любили порассуждать в баньке о славном былинном прошлом, о возрождении духа и даже на полном серьезе прикидывали количество крепостных, которых каждый из них мог бы себе прикупить.

Таскали эти братья-славяне на свою Заставу всякую ерунду, оружейная комната Молодого хозяина по сравнению с тамошними коллекциями выглядела как призыв ко всеобщему миру. Но сто пятьдесят километров – это сто пятьдесят километров. По нынешним временам – как до Луны.

Уроды доели и ушли, оставив на дороге кости и лужи крови. И только после этого Янычар сообразил, что можно было бы попробовать коктейль Молотова. Бензин, конечно, был дефицитом, запасов в генераторе оставалось в лучшем случае на трое суток экономного использования, но проверить, как уроды отреагируют на огонь, было просто необходимо.

В конце концов, в доме должно быть полно бензина. Запас для генератора, машины в подземном гараже – баки и запасные канистры. Во внедорожнике Молодого хозяина точно имеются две двадцатилитровые канистры бензина.

Янычар взял початую бутылку водки, недрогнувшей рукой вылил жидкость в унитаз. Спустил воду. Бутылку сполоснул.

Взял с полки кусок мыла, сходил на балкон, отлил из бачка бензин в бутылку. Лучше бы, конечно, все это сделать на балконе, но дождь снова усилился, лупил в окна и влетал в открытую балконную дверь. Паркет перед балконом намок и потемнел. Какая жалость, подумал Янычар. Как же я теперь буду перед хозяевами оправдываться? Жутко эксклюзивный паркет из страшно дорогой древесины. Интересно, как гореть будет, если придется готовить на костре?

Бензин в гараже рано или поздно закончится, все равно придется принимать решение. Хорошо, что супружница Молодого хозяина презирала мебель из всякой там древесоплиты. Только натуральная древесина. А это, как ни крути, дрова.

Янычар сел на диван, поставил бутылку с бензином перед собой и стал медленно и аккуратно стружить кусок мыла на журнальный столик тонкими полупрозрачными лепестками. Потом аккуратно опускал лепестки в бутылку, встряхивал, дожидаясь, пока мыло растворится. И снова опускал.

Конечно, можно было соорудить что-то более ядреное, но для испытания хватит. Теперь – фитиль. Янычар огляделся по сторонам. Можно было бы сходить в спальню и отрезать кусок простыни, но было... Все равно ему было. Еще не сознавая этого, он ненавидел квартиру, каждой тряпкой, каждым цветочным горшком напоминавшую о ее мертвых хозяевах.

Янычар оторвал кусок шторы, отрезал тонкую полоску материи прямо на столе ножом, не обращая внимания на глубокие царапины, которые оставил клинок на полированной поверхности. Вылил немного бензина на тряпку, заправил ее в горлышко бутылки.

Неплохо было бы, если б сейчас на улице бродили уроды. Как раз дождь, сложнее будет зажечь фитиль, но зато уроды не отсиживаются в каких-нибудь подвалах или в метро.

Каннибалов было штуки четыре. Называть их людьми у Янычара не поворачивался язык. Четыре особи сидели на бордюре возле «Урала». Шум дождя и ветер мешали расслышать их хриплое дыхание, но возгласы, которые они время от времени издавали, доносились на десятый этаж.

Лучше бы они, конечно, были поближе. Так придется бросать бутылку метров на двадцать, причем сверху вниз, что осложняет расчет расстояния. И попасть нужно точно, совсем рядом с уродами.

Давно Янычар не занимался метанием бутылок с зажигательной смесью. Пожалуй, лет десять, с тех пор как пришлось работать в Африке по какой-то международной миссии от имени местных повстанцев. Но руки должны помнить. Янычара в свое время гоняли, превращая

тренировки в навыки, а навыки в рефлексy. А рефлексy не пропьешь и не прогуляешь.

Янычар щелкнул зажигалкой, которую держал в левой руке, осторожно поднес огонек к фитилю. Тот полыхнул. Шаг вперед, к балконным перилам, взмах – бутылка полетела по дуге, оставляя за собой темный дымный след.

Рефлексy и вправду не пропьешь – бутылка ударилась об асфальт точно возле уродов, бензин выплеснулся, вспыхивая, горящая жидкость облила двух из них.

Уроды вскочили, бросаясь в разные стороны, загоревшиеся тоже пытались бежать, но пламя полыхало на их телах, почти мгновенно сгорели остатки одежды, кожа и плоть пылали, выбрасывая черный дым.

Вспыхнувшие монстры ревели что-то нечленораздельное, однако даже не пытались кататься по лужам, сбивая с себя пламя. Кожа на лицах сморщилась, потекли глаза, но горящие уроды только выли, а остальные стояли вокруг них и даже не пытались прийти на помощь. «Еще бы пару бутылок», – подумал Янычар.

Совершенно точно нужно заготовить несколько штук. Работает неплохо.

Дождь постепенно сбивал огонь с уродов, пламя уменьшалось, стекая к ногам и на мостовую. Обгорелые тела, обугленные пальцы, сгоревшие волосы...

Огонь погас, но черные фигуры продолжали стоять до тех пор, пока остальные уроды не сбили их на асфальт. Каннибалы, оказывается, жрали и жареное мясо.

Сладковатый запах горелой плоти долетел и до десятого этажа. Янычар сплюнул с балкона вниз, вошел в квартиру, плотно прикрыл за собой дверь.

Нужно было поесть. Уже давно время обеда, услуги, к сожалению, нет, придется самому что-то готовить. И не из консервов.

Янычар достал из морозильника кусок мяса, запакowanego в пластик. Прикинул – хватит ли на порцию. К горлу почему-то подкатился комок, рот наполнился вязкой слюной.

Ладно, пусть пока полежит, Янычар сунул мясо обратно в морозильник. Вот, можно лосося. И не на печке, а в микроволновке, чтобы быстрее... И чтобы горелой человечины не воняло.

Пообедав, Янычар прошелся по комнате, прикидывая план дальнейших действий. Если он собирается отсиживаться здесь, ему понадобится бензин для генератора. Искать запасы горючего в других квартирах – бессмысленно, так же контуженных, как Молодой хозяин, в доме больше не было. Значит, нужно спуститься в подземный гараж.

И это значило, что нужно будет пройти мимо как минимум восемнадцати квартир. С первого по девятый этажи квартиры были одноуровневые, только с десятого и по шестнадцатый – двухэтажные. Восемнадцать квартир плюс квартира на этой лестничной клетке.

Многие выехали из дома в ночь перед катастрофой. Подошли, наверное, где-то на улицах Москвы или в ближайшем Подмосковье. Некоторые, возможно, не умерли, а бродят сейчас по переулкам в поисках кого бы сожрать. Все, в общем, логично. Обитатели этого элитного дома и в обычной жизни с удовольствием рвали тех, кто послабее. Причем не всегда в переносном смысле.

Янычар сам видел, как выносили из квартиры на втором этаже в кровь избитую проститутку. Не сдержались парни на мальчишнике, погорячились. Чем эта история закончилась для шлюхи, Янычар так и не узнал. Для парней – ничем. Абсолютно ничем. Да и за что их наказывать? За кого?

Так что ничего необычного в жизни обитателей дома не произошло. Как рвали глотку ближнему своему, так и рвут. Или напоролись на того, кто оказался сильнее, и глотку порвали уже им.

Янычар задумчиво посмотрел на арсенал, выставленный несколько дней назад в гостиную. Пулемет – сразу нет. На короткой дистанции он не спасет – а какую еще дистанцию ты найдешь

на лестничных клетках и лестничных пролетах дома? Метра два-три. Пули будут проходить сквозь тела уродов, не отбрасывая их. И если стрелять из ПК с рук, то попадание в голову никак не гарантировано.

А потом придется тащить на себе и пулемет с патронами, и канистру с бензином в двадцать литров. А если урод атакует уже на обратном пути?

Так, извини, братан, сказал пулемету Янычар, не в этот раз. Значит, пусть поработает юаровец.

Янычар взял в руки «Протекту» – ружье в четыре с половиной килограмма веса. Барабан на двенадцать патронов двенадцатого калибра. На коротких дистанциях – то что нужно. Сколько тут может быть уродов? Десяток? Два?

Алгоритм прохождения: тщательная зачистка открытых квартир на этажах. Закрытые – пусть стоят, двери во всех бронированные, излишней доверчивостью обитатели дома не страдали. Если какой-то житель квартиры стал монстром, то наружу он не выберется, судя по всему, дверной замок открыть не сможет.

Две квартиры на этаже... Проверить на всякий случай квартиры до шестнадцатого этажа? Подняться наверх, отстреливая тех, кто подвернется, а потом уже двинуть вниз, зачищая этаж за этажом?

Янычар проверил работу механизмов ружья, достал из коробки патроны, глянул на маркировку – пули и картечь. Так называемая волчья картечь. Сразу лучше зарядить ее, а патроны с пулями – в карманы куртки. И «стечкина» на ремне через плечо. Запасные магазины – за ремень. Один нож на пояс, второй – в высокий ботинок. Можно было бы еще и меч захватить, но Янычар вдруг подумал, что будет выглядеть с этой катаной совсем уж по-идиотски.

Конечно, наплевать на то, что подумает какой-нибудь урод, увидев Янычара с мечом за спиной, но все-таки... Ну его, этот меч, пусть у двери постоит, в подставке для зонтиков.

Янычар подошел к двери, взялся за замок.

Вот не хотелось ему идти. Вот совершенно не хотелось. Если бы кто его сейчас спросил, а стоит ли выходить из квартиры, то Янычар уверенно сказал бы, что нет, и привел бы дюжину причин, по которым этого делать не стоит.

Но спросить было некому, а перед собой Янычар всегда старался держать марку. Ну что там может случиться? Десяток уродов? Проверим, что может тупой подвижный ублюдок против огнестрельного оружия в умелых руках?

Ни хрена он не сможет, кроме как подохнуть. Это главный закон войны, побеждает тот, кто может быстрее выстрелить. И точнее, ясное дело.

Выходим.

Выходим, повторил Янычар уже с раздражением. Оказывается, он слишком привык к квартире, к ее относительной безопасности. Не ожидал от себя такой быстрой деградации, никак не ожидал. Как посмеялся бы над ним Старый хозяин, парни из его группы, да и сам Янычар лет пять назад. Умереть – это было для него раньше даже не профессиональным риском, так, частью профессии, обязательной частью. Как у самураев долбанных...

Янычар глянул в глазок – на лестничной клетке пусто.

И все-таки ты пойдешь, дружище, сказал Янычар. Вначале – наверх, потом – вниз. И вычистишь в этом подъезде все. А потом – в подземном гараже. Это как в компьютерной игре. Так себе локация, между прочим, без особых наворотов. Помнишь, как в молодости проходил Дум? Вот почти то же самое, только режим бога не включишь. Да и летающих голов, плюющихся ракетами, здесь точно не будет. Вперед!

Дверь открылась бесшумно.

Янычар сделал шаг через порог, замер, прислушиваясь. Тихо. Лифт закрыт, ясное дело.

Воняет, правда, на площадке мерзостно. Кто-то помер либо в лифте, либо на соседнем этаже.

Дверь квартиры за собой Янычар закрыл, положил ключ в набедренный карман. Повел стволом «Протекты» от двери квартиры напротив до пожарного выхода. Сначала – квартира.

Янычар, продолжая держать под прицелом пожарный выход, прошел через площадку, потянул за дверную ручку. Дверь даже не шелохнулась. И слава богу, сказал Янычар. Теперь – на лестницу.

Дверь открывалась наружу, Янычар нажал на ручку и толкнул. Быстрый шаг вперед, осмотр лестницы вверх и вниз. Ничего нет. Ничего, и что более важно – никого. Но лежалой мертвечиной воняет здесь гораздо сильнее, чем возле квартир. Не отвлекаться.

Шесть этажей вверх, но площадок с квартирами всего три. Это хорошо, хотя на осмотр двухуровневых квартир времени уйдет до фига. Ботинки покойный Молодой хозяин заготовил правильные, с мягкой подошвой, без всяких там стальных набоек и титановых подошв. Шаги получаются бесшумными, предупреждать о своем появлении Янычар никого не собирался.

Кстати... Янычар поднялся на два пролета и остановился перед аварийной дверью. А если там сидит какой-нибудь красавец с ружьем? И собирается стрелять в любого, кто сунется на его этаж? Он ведь не будет кричать «Стой, стрелять буду!», он просто шарахнет картечью – и все. И времени убедить его в своей неопасности – не будет. И разбираться, кто перед тобой – мирный обыватель или кровожадный урод, у Янычара не будет. Вывод?

Простой вывод. Нет в этой операции гражданских, нейтралов и тем более союзников. Все, кто шевелится, издает звуки и движется – разрешенная цель. Приоритетная, я бы сказал, усмехнулся Янычар. В общем, кто не спрятался, я не виноват.

Янычар приоткрыл дверь, окинул взглядом площадку – пусто. Вошел, держа ружье двумя руками. Эта юаровская зараза требовала, чтобы ее держали двумя руками, иначе ее было не перезарядить. Дверь пришлось придерживать ногой.

На площадке – пусто. Обе двери закрыты. Янычар достал из кармана пачку стикеров, захваченную из кабинета. Наклеил как контрольку на двери обеих квартир. Если кто-то будет выходить в его отсутствие, вряд ли обратит внимание на желтую бумажку.

Квартиры следующего уровня были закрыты. Янычар облегченно вздохнул, мелькнула даже мысль, что и до самой крыши вот так. И почти угадал, квартиры были запечатаны наглухо, но вот дверь, ведущая в пентхауз, оказалась распахнутой.

Собственно, даже сквозняк не мог ее закрыть – кость застряла под дверью. Человеческая кость, даже кисть с остатками сгнившей плоти сохранилась. А это значило, что тут не просто кто-то умер, а и то, что кто-то его ел. И встреча с этим едоком ничего хорошего не сулила.

Янычар осторожно вошел в квартиру. Ковровое покрытие в прихожей покрыто бурыми пятнами. Запаха мертвечины почти не было, сквозняк за шесть дней проветрил помещения.

Мебель в гостиной была разгромлена, диван располосован, стекла двери и окон, выходящих на крышу, были разбиты. В экране телевизора зияли два пулевых отверстия, окруженные белыми снежинками расколотого стекла. Янычар присел, осмотрелся – на полу лежала гильза от девятимиллиметрового патрона.

Кто-то стрелял, защищался. Не очень, похоже, удачно, но...

Если в пентхаузе были два человека, один из них превратился в зомби, а второй попытался его за это убить, то выиграл зомби. Почти начисто объединенная рука у входа ясно указывала на это. Но мог ли урод прожить столько времени здесь, питаясь только одним трупом? Хрен его знает, честно ответил себе Янычар. Может, и хватило.

Янычар так и не выяснил, как происходит заражение. Воздушно-капельным, и он уже вдохнул свою дозу, оказался невосприимчивым и дальше может не бояться, или через кровь, от укуса, и это значило, что малейшая царапина в схватке с уродом может обернуться либо смертью,

либо превращением в такого же каннибала.

Эта неопределенность дико раздражала. Янычар привык точно понимать – жив он или мертв. А так...

Янычар прислушался – никто нигде не сипел. Не было этого характерного хрипа, издаваемого уродами постоянно. Значит, поблизости его нет. Или он спрятался в дальней комнате. Или ждет на крыше, в зоне пентхауза. Все равно нужно проверить.

Дверь в следующую комнату была закрыта. Янычар толкнул, она не поддавалась. Янычар толкнул снова – не могла межкомнатная дверь быть особо прочной, это не входная. И замки обычно на таких дверях стояли хлипкие. Янычар ударил ногой, не сильно, для пробы. Дверь осталась неподвижной. Что-то с той стороны ее поддерживало. Кто-то забаррикадировался.

Янычар прислушался – за дверью что-то происходило. Это был не звук шагов и не голос, кто-то перемещался, осторожно переступая, кто-то дышал, кто-то... Янычар шагнул в сторону от двери, под прикрытие стены.

Выстрел, пуля пробила дверь с той стороны и ударила в зеркало напротив, которое с грохотом и звоном обрушилось на пол. Еще выстрел сквозь дверь. Тишина.

– Я не зомби, – сказал Янычар и рефлекторно ушел в сторону бесшумным движением.

Пуля пробила стену почти там, где он только что стоял. И еще раз – чуть левее. И еще левее, стрелок пытался нащупать Янычара, того, кто только что ясно сказал, что не зомби.

– Так, значит... – пробормотал Янычар. – Значит, война...

Он выстрелил из «Протекты» трижды – гильзы с легким стуком упали на пол, за дверью кто-то тяжело рухнул, зацепив что-то стеклянное. Большое и стеклянное.

– Такие дела, – сказал Янычар, прислушиваясь и держа дверь под прицелом. Три картечных выстрела искромсали дверь в щепки. Янычар ударил несколько раз плечом, сдвигая мебель, сложенную за дверью. Протиснулся в образовавшуюся щель.

Судя по всему, в цель попали только две картечины из трех патронов – одна пробила грудь, вторая лицо под правым глазом. Насмерть. Девчонка лет двадцати не мучилась, умерла сразу. Сейчас она сидела на диване, пистолет лежал на полу. «Беретта» на двадцать патронов, мощная штука, хрупкой девушке никак не подходящая.

Стреляла, наверное, с двух рук, как в кино, а когда картечь ударила ей в грудь и голову, пистолет выронила.

Не повезло тебе, девонька. Не повезло...

Янычар дозарядил барабан ружья картечными патронами, прошел в глубь квартиры. Под ногами крошилось и шелестело стекло – девушка, падая, опрокинула стеклянную этажерку с какими-то стеклянными же игрушками. Янычар в последний момент заметил, что вот-вот наступит на крохотного стеклянного лебедя, и шагнул дальше, на свободное пространство.

За комнатой были спальня и проход в ванную.

Янычар, прежде чем двинуться дальше, внимательно осмотрел комнату, в которой лежала убитая девушка. Что-то тут было не так. Что-то было неправильно в этой комнате.

Пустые банки и бутылки в углу. Пустые коробки из-под сухих завтраков. Из-под каких-то экологических смесей. Все пусто, все съедено. Девушке, наверное, не повезло – до катастрофы она предпочитала здоровое питание, в фитнес-клуб ходила, следила за фигурой, тщательно подсчитывая калории, а когда грянуло, оказалось, что еды в доме, считай, нет. Пришлось питаться всухую. Еще и электричество отрубилось, даже травяного экологического чайку не вскипятишь.

Янычар присел, глянул под кровать в спальне – пусто.

Можно было входить туда, глянуть, что там, в ванной. А что там в ванной – ванна, душевая кабинка, унитаз, биде. Еще может вместо ванны быть джакузи. Тут жил певец, вечеринки

устраивал постоянно, все время какие-то девки, веселье, дым коромыслом.

Только вот дверь в ванную почему-то была подперта стулом и тумбочкой.

– Там есть кто-нибудь? – спросил Янычар, легонько стукнув стволом ружья в стену.

Кто-то там точно был, что-то глухо стукнуло, и вроде бы послышался голос. Как будто стон или плач.

– Я вхожу! – предупредил Янычар. – Не нужно бояться.

Ну не могла же девица с «береттой» засадить туда уroda. Монстр вынес бы дверь с одного удара, стул и тумбочка его бы не остановили. Они бы даже Янычара не остановили.

Янычар ногой сдвинул баррикаду в сторону, открыл дверь и вошел.

Запах свежей крови. Густой, насыщенный, будто на скотобойне. Или как в комнате с заложниками шесть лет назад, куда группа Янычара все-таки вошла, но опоздала. Минут на тридцать опоздала, всех членов миссии Красного Креста одуревшие от наркоты и безнаказанности боевики Абдуллы-Хана успели не просто зарезать, но даже выпотрошить.

Янычар достал из кармана налобный фонарик, надел на голову, включил.

Было джакузи. Вначале Янычару даже удалось себя убедить, что ванная была покрыта алым лаком. Потом понял, что это была кровь. И женское тело, разрубленное на части. На краю ванной лежали куски мяса без костей. Выскобленные кости валялись на полу. Там же лежала женская голова. Длинные светлые волосы, пропитанные кровью.

– Мать твою... – пробормотал Янычар и резко обернулся на шорох, донесшийся из угла ванной.

Луч света от фонаря скользнул по стене, через полотенца, халаты, полочки с какими-то баночками, флаконами и пластиковыми бутылками. Остановился на человеке, сидевшем в углу.

Девушка, не сразу сообразил Янычар. Руки подняты вверх, прикованы наручниками к трубе. Рот завязан, глаза широко распахнуты, в них отражается свет фонаря.

– Спокойно, – сказал Янычар, опуская ствол ружья. – Я помогу...

Девушка, не отрываясь, смотрела на фонарь и подвывала что-то ритмичное, словно пыталась вспомнить мотив песни.

– Где ключ? – спросил Янычар. – Где ключ от наручников?

Спохватившись он сорвал повязку со рта девушки.

– Где ключ? – повторил Янычар.

Девушка продолжала петь. Губы ее шевелились, словно она тщательно проговаривала слова, но слышно было лишь постанывание. Болезненное постанывание.

Черт! Ключ, наверное, у той, убитой. Нужно пойти и обыскать ее. Можно, конечно, перерубить цепочку наручников пулей из пистолета, но черт его знает, как полетят осколки плитки, не даст ли сама пуля рикошета.

Придется обшаривать залитое кровью тело.

– Ты прикинь... – сказала вдруг прикованная девушка. – Прикинь...

Голос у нее был хриплым, слова из горла выходили с трудом, губа треснула, и по подбородку потекла кровь.

– Я быстро... – сказал Янычар и шагнул к двери.

– Да пошел ты в жопу! – прохрипела девушка. – Весь дерьмовый мир пусть идет в жопу... Ты прикинь, как я лоханулась... Ведь Дашка была дура дурой, у нее мозгов никогда не было, а тут... тут первая сообразила... прикинь...

– Что сообразила?

– Что? А то, что одной ей двух тушек хватит надолго! Одной Лизаветы на двоих не хватит. Сколько там мяса было в той вешалке... Мы Лизку вдвоем выпотрошили... Нет, терпели, сколько могли, а потом решили, что ну ее, дуру... Она никогда нам не нравилась. Вот и... Вот и

застрелили мы ее. Я застрелила, между прочим, пистолет Игната у меня был... Они с Ильясом сцепились, того вроде как шица пробила, вначале пеной истекал, а потом стал бросаться на... Алехину убил, прикинь... Его Игнат пристрелил, даром что друг... Он говорил, что у него есть ствол, но я не верила... Оказалось – есть. Вот он Ильяса и пристрелил. Потом с крыши его сбросил... его и Алехину, чтобы заразу не распространяли... Придурок... Крези абсолютный... Это же мясо... еда... Прикинь – качка Ильяса и толстую Алехину! Пятый размер бюста, прикинь? А ведь тогда еще холодильник работал, можно было приготовить хавчика... Хотя тогда, наверное, мы бы еще не стали мясо есть... еще не проголодались... А я подумала – Игнат же с Ильясом сцепились, тот Игнату даже плечо прокусил. Значит, заразил, ведь так? Значит, его мясо все равно нельзя будет есть... ну, как во время коровьего бешенства? Так ведь? Значит... Мы повели Игната на крышу, типа на Москву глянуть, как горит круто. Я такая – глянь, «скорая помощь»... Прикинь – «скорая помощь»! – Девушка засмеялась, потом закашлялась. – Он повелся, наклонился, ну мы его втроем и толкнули...

Янычар прислонился спиной к стене.

Там, снаружи, бродят пораженные вирусом люди. Они стали каннибалами, потому что вирус не оставил им выбора. А эти... Мясо? Запастись на будущее?

– Лизку я пристрелила, когда хлопья и сухие завтраки кончились. Пристрелила, потому что она – сучка. Давно нужно было ее... только тогда было нельзя, а сейчас – можно. Я сама пристрелила, потом мы с Дашкой ее в ванную притащили, чтобы кровь можно было смыть. Я деревенская, я видела, как свиней забивали... И крови этой... Тоже насмотрелась. И жрать-то нужно? Нужно?.. А надо было сразу и Дашку там же уложить... А я решила – вначале выпотрошим Лизку, а потом уж... И не усмотрела, прикинь. Она мне по голове чем-то... я даже не поняла... очнулась – в наручниках. И рот, сука заткнула, чтобы я ей не мешала... Прикинь... Сука... А ты кто такой? Ты кто такой, я тебя спрашиваю? Какого хрена по чужим квартирам шляешься? На мяско потянуло? Это мое... Мое это, понял? Это мое...

Янычар выстрелил из «стечкина», быстро, почти не целясь и не заботясь об осколках и рикошете. В лоб. Девушка повисла на трубе, голова опустилась, открывая забрызганный кровью кафель и дыру в нем.

Пол под ногами Янычара качнулся.

Твари, пробормотал он. Какие твари...

Янычар вышел на крышу, подошел к ограждению. Несколько раз глубоко вздохнул. Вот так, значит. Мясо, значит. Там уроды, а тут – нормальные люди. Просто им хотелось кушать. Просто им нужны были калории.

Москва горела.

Столбы дыма вставали по всему городу, насколько мог видеть Янычар. Высотные дома новой постройки, сталинские высотки – дымили, дымили, дымили... Горело возле Останкинской башни, сильно дымило возле Университета.

Не могло случайно возникнуть столько пожаров. Наверное, жгут специально. Те, кто еще не умер и не превратился в зомби, так отгоняют уродов, держат их на расстоянии. Это их дело. А он... Он должен вычистить этот конкретный дом. У него есть задача...

Янычар снова глубоко вдохнул западный ветер, пахнувший гарью и смертью.

Уходя из пентхауза, Янычар выбил ногой кость и захлопнул дверь.

Пусть будет так.

Он вчера и позавчера выбирал, ЧТО съесть в первую очередь, а девицы прикидывали, КОГО съесть.

Это проклятое место, подумал Янычар. Не может быть столько грязи, крови и подлости в обычном доме в центре Москвы. Этот дом прокляли своими мыслями и делами те, кто в нем жил.

И если Янычар останется здесь надолго, то... То и его коснется проклятие.

Он ведь ненамного лучше этой девки, что умерла в ванной, и той, что он пристрелил через дверь. Его учили драться за жизнь и быть готовым есть что угодно, даже человечину, а девушки... милые отзывчивые модельки или актрисочки все поняли сами. Сообразили.

На седьмом этаже из распахнутой двери квартиры на Янычара бросились два уroda, мужчина и женщина. Янычар выстрелил дважды, оба раза попал в лицо. Тела упали, а ноги и руки все еще двигались. И глотки издавали тот самый ненавистный хрип.

На третьем этаже в открытой квартире лежало четыре трупа, все погибли, ни один не превратился в уroda. Повезло, почему-то сказал Янычар. Нужно будет потом, когда он доставит бензин наверх, убрать трупы. Хотя бы выбросить их в окно.

В пультавой один дежурный охранник лежал лицом вниз, застигнутый смертью, а второй – то, что от него осталось за прошедшую неделю, – остался сидеть в кресле, свесив руку, словно пытался дотянуться до выпавшего пистолета. У него не выдержали нервы. Застрелился. Не самый плохой выход.

Янычар дозарядил патроны в магазин «Протекты», спустился на четыре пролета, остановился перед дверью в подземный гараж.

Вот теперь могли начаться настоящие развлечения.

Дверь распахнута – Янычар вошел в гараж.

Он не выключал фонарь – уроды, если они здесь, все равно учуют его по запаху. У них будет преимущество. А так... Так у него есть хоть какой-то шанс.

Машин в гараже было немного, всего штук шесть.

Янычар обшарил лучом фонаря стены и пол – ни крови, ни следов – пусто. Это хорошо. Это просто здорово.

Внедорожник Молодого хозяина стоял на месте, такой же ухоженный, похожий на задремавшего монстра. Янычар снял его с сигнализации, открыл дверцу. Не удержался, заглянул в багажник – две канистры бензина. Хорошо.

Сел за руль, подогнал машину к двери, поставил задом, включил фары на капоте и прожектора на крыше, освещая гараж. Пусто. Здесь уроды не появились и снаружи не ворвались.

Янычар перенес канистры через порог, вернулся к машине. Он не собирался использовать внедорожник, но лучше, чтобы тот был в готовности – планы могли поменяться в любую секунду.

Дверь Янычар закрыл на ключ, позаимствованный со связки охранника, спрятал в карман. На всякий случай. Лучше все держать под контролем.

В принципе опасаться было нечего – этажи он проверил. Поэтому, закинув ружье за спину, Янычар взял двадцатилитровые канистры в обе руки. Десятый этаж – ерунда. Он может и на шестнадцатый подняться, если понадобится.

Вот сейчас он играючи преодолеет десять этажей, потом закроет дверь в квартиру, станет под душ и смоет с себя все это дерьмо. Смоет с себя все, что налипло за время путешествия по этажам. А потом таки напьется. Потому что и мозги тоже нужно промыть. Вымыть к чертям собачьим всю эту гадость, которую он увидел и услышал...

Снова почувствовать себя человеком...

Удар обрушился на его голову, когда он проходил мимо третьего этажа. Янычар заметил летящую в лицо бейсбольную биту в самый последний момент – расслабился, никак не мог прийти в себя после того, что увидел в пентхаузе. Смог только чуть отклонить голову, и дубина скользнула по виску. Удар получился скользящий, но сильный, Янычар упал, выронив канистры. Хорошо еще, что нападение произошло, когда он уже поднялся со ступенек на площадку.

Еще удар, на этот раз Янычару удалось подставить под биту левое плечо. Ослепительная

боль, крик, вырвавшийся из горла, следующий удар, летящий в голову... Янычар рванулся, рывком перекатился через спину и встал на ноги. Ушел от очередного удара, попытался перехватить дубину левой рукой и с ужасом понял, что та ему не подчиняется.

Он просто не успевал выхватить пистолет... и ружье со спины передвинуть он тоже не успевал. Удар удалось увести в сторону правой рукой. И еще раз.

– Да что ты возишься! – закричал кто-то. – Мочи его!

Кричала девчонка, отметил про себя Янычар. Лет пятнадцать... Удар, уклониться, отвести в сторону... потянуться к пистолету, и снова нет времени – уклониться, присесть. Теперь били в две дубины, и уклоняться стало еще сложнее. На лестничной клетке было темно, метался только луч налобного фонаря Янычара, выхватывая время от времени из темноты занесенную битую... искаженное яростью лицо... взмах руки...

Несмолкающий крик – убей-убей-убей-убей!..

Дыхание уже не то. В груди горит огонь, в легких что-то рвется... Уклониться, отвести, уклониться... Левая рука не шевелится – почти не шевелится... Почти? Не шевелится, говорил инструктор, если кость перебита и мышцы порваны вместе с сухожилиями, а так – трещина или ушиб – ерунда. Можно работать. Можно...

Янычар, заорав от боли, вскинул левую руку под летящую битую, не блокировал, а зацепил и повел в сторону, потащил бившего к себе. Нож вошел в мягкое, в левое подреберье. Противник замер, всхлипнул и стал оседать. Янычар рванул нож в сторону, распарывая брюшину, и отступил в сторону, закрываясь от очередного удара противником... мертвым противником. Толчком швырнул мертвое тело под ноги нападавшего, ударил ножом, крест-накрест. Зацепил, услышал визг, шагнул вперед и ткнул ножом снизу вверх, целясь в живот. Потом резко повернулся и широким взмахом достал третьего. Убей-убей-убей-убей разом стихло. Янычар замер, пытаясь восстановить дыхание и водя лучом фонаря вокруг себя.

Черт... Черт-черт-черт-черт... Дети. Один из них, крепкий мальчишка лет шестнадцати, уже был мертв, второй, его ровесник, с пробитой грудью, лежал на ступеньках и медленно истекал черной густой кровью из дыры между ключиц. Девчонка хрипела в стороне, пытаясь зажать рассеченное горло. Соседка по лестничной клетке. Они с приятелями почему-то решили, что смогут его убить и забрать оружие. И ключи от квартиры – у них, наверное, заканчивались продукты, а тут был шанс.

Нужно было только убить человека. Только убить человека.

Это так просто – убить.

Янычар наклонился и одним движением ножа добил девчонку. Потом – умирающего пацана. Зачем им мучиться, они ведь не хотели ничего плохого, только выжить. Просто они очень хотели жить.

Левая рука не работала, пришлось дважды подняться на десятый этаж, перенося канистры по одной. Потом он снова спустился вниз, дотащил тела до открытой квартиры на третьем этаже, выбросил их с балкона, отправил туда же тела хозяев квартир.

Закрыв балконную дверь, снова поднялся на десятый этаж.

Поголял. За все время вынужденной отсидки поголял.

Янычар, морщась и вскрикивая от боли, стащил с себя обувь и одежду вместе с бельем.

На улице бушевала гроза, дождь был по стеклу и по балконной двери.

Какая, на хрен, разница?

Янычар вышел на балкон, встал под удары дождя – сильные, резкие, холодные.

Молния полыхнула совсем рядом, гром ударил почти мгновенно за вспышкой, задрезжали стекла.

Промазали, с разочарованием подумал Янычар. Лучше бы в него. Лучше бы сразу, одной

вспышкой.

Тело под ледяным дождем потеряло чувствительность, словно превратилось в кусок льда. И боль куда-то ушла. Янычар попытался пошевелить левой рукой – и она подчинилась, без возражений и без боли.

Янычар тронул рукой висок, место, куда ударила бейсбольная бита первый раз. И снова не почувствовал боли, не нащупал ни шишки, ни ссадины.

– Вот только чудес не хватало, – сказал Янычар и вошел с балкона в квартиру.

Прошел на кухню и сделал еще одну отметину на стене возле двери.

Прошло восемь дней с начала катастрофы. И он еще жив.

В бункере воняло. Техники и пост контроля утверждали, что все нормально, что содержание посторонней ерунды в воздухе не превышает нормы, что фильтры работают в штатном режиме, а рециркуляция воды и воздуха происходит согласно инструкции и предписаниям, но полковник Иванченко не мог избавиться от ощущения вони.

Разило чем-то гнусным, отвратительным и тошнотворным. Безнадегой воняло, а эту субстанцию ни один фильтр отловить не мог. Мерзко, тошно, страшно.

Да, страшно.

Иванченко никогда не признался бы никому из своих подчиненных, членам своей семьи, священнику на исповеди в том, что ему страшно. Он и себе не сразу признался в этом, долго делал вид, что, в общем, все идет нормально, даже удалось перестать быть бунтовщиком. Он честно связывался с Лидером по спецлинии, продиктовал список обитателей Узла-три и каждый вечер докладывал о том, что в бункере ничего эдакого не произошло.

Ему в ответ сообщили, что средства борьбы с вирусом пока не нашли, но обнадежили, что защита работает и если не выходить наружу, то можно не бояться заразы. Держись, полковник, сказал Лидер, имей в виду, что главная для тебя опасность не снаружи, а внутри. В тебе самом, в первую очередь.

– Ты же гуманист у нас, – сказал Лидер. – Ты же ради спасения семьи... Ради спасения жизней своих подчиненных на присягу наплевал и на приказы высшего командования положил с прибором. И я подозреваю, что там у себя в лесу ты занимаешься демократией, полковник. Занимаешься, признайся.

Полковник не ответил.

– Красноречиво молчишь, – засмеялся Лидер. – Ну так имей в виду: человек – тварь неблагодарная, а человек праздный – еще и смертельно опасная тварь. Мне знакомый дрессировщик рассказывал – рано или поздно тигры и львы станут дрессировщика проверять. На мелочи поначалу – на тумбу не захочет садиться, сквозь обруч прыгнуть. Поначалу. И если дрессировщик им это спустит – то сожрут они его. Во всяком случае – попытаются. И придется тигров-львов убивать в количестве, а не ограничиться показательной поркой одного из них. Улавливаешь намеки?

– У меня больше нет новостей, – сказал холодно полковник. – Я могу прервать связь?

– Ты даже генерала устранил без разрешения, что тебе сеанс связи, – снова засмеялся Лидер. – Что касается новостей... То, что вы там еще живы – хорошая новость уже сама по себе. Для тебя и немного даже для меня. И то, что вы уже почти две недели там живете и не перегрызлись – просто чудо. Я тебе по секрету скажу: даже у нас тут небольшие эксцессы имели место. Представляешь? Даже у нас. Мы проблему решили, и ты имей в виду. Усек?

– Усек, – кивнул полковник, будто собеседник его мог видеть.

– Тогда – до связи.

– До связи, – сказал Иванченко и отключил линию.

Советовать он будет! Советчик нашелся... Как будто полковник и сам не понимает. Если солдат получает прорву свободного времени, то начинает всякой ерундой заниматься. Тут тебе и дедовщина, и падение дисциплины, и поиск идиотских развлечений.

В бункере почти пятьсот женщин. Говорят, что две хозяйки на кухне – уже скандал, а тут... Жена Иванченко жаловалась, что бабы шептаться начали. Переговариваются о чем-то с недовольными лицами, а когда она заходит в помещение – тут же замолкают с испуганно-недовольным видом.

Две недели. Всего две вонючих недели, а уже имеем три драки среди солдат, десяток скандалов между женами офицеров и прапорщиков. Бабы устраивали склоки за очередь на стирку, при получении продуктов, на занятие в спортзале.

Пока все удавалось прекратить вмешательством мужей. Офицеры растаскивали своих супругов, некоторые возвращались из кубриков, выделенных под жилье семейных, с царапинами на лице, но, в общем, особых проблем не было.

Но проклятый Лидер словно в воду глядел. Часа через два после телефонного разговора – полыхнуло.

По внутренней связи позвонил Мухаметшин и сказал, что у них серьезные проблемы. Нужно вмешательство полковника.

Взбунтовались женщины. Собственно, не все пятьсот представительниц прекрасной половины, активно кричали и гремели посудой всего десятка три, но остальные наблюдали за всем происходящим со стороны, и было понятно, что их дальнейшие действия будут полностью зависеть от развития событий.

– Какого хрена нас этой баландой кормят? – кричала жена капитана Петруненко, размахивая пластиковой миской. – Это что – еда? Для детей еда? Да у хорошей хозяйки свинья такого есть не станет... Правильно я говорю, бабы?

– Правильно! – подхватили двое или трое молодых лейтенантских жен, остальные ограничились неопределенным гудением.

– Да что вы мнетесь, как целки? – Петруненко замахнулась и швырнула миску в полковника, тот уклонился, миска ударила в стену и отлетела в сторону, оставив на ней белесую вязкую массу. – Сам-то небось...

– Да... конечно... свою семью небось кормит!.. – подхватила активная часть женской толпы. – Сволочь...

Это было нечестно и несправедливо, семья полковника питалась с остальными из одного котла, но объяснять это сейчас было бессмысленно – получилось бы, что он оправдывается. У него потребуют доказательств, и даже если он покажет на этот ужин тарелки своей семьи, ему все равно заявят, что это он прикидывается, что у него в люксе есть своя кладовая, из которой он и сам питается, и жену свою с сыном подкармливает.

И самое обидное заключалось в том, что кладовая и вправду была. Генерал-майор Федоров планировал провести время в изоляции со вкусом и без особых лишений. В объемистой комнате за кабинетом находились стеллажи с выпивкой и ящики с консервами, мясными, рыбными, фруктовыми. Там даже запасы французской минеральной воды.

Если бы кто-то из этих взбесившихся баб увидел запасы, убедить их в том, что сам полковник и его семья не вкушают от сих изысков, было бы невозможно. Логика, как обычно, была простая и понятная – если бы у нее, у Таисии Петруненко, была такая возможность, то она ни на секунду не задумалась бы. Ей всегда было очень легко выбирать линию поведения, весь мир для нее делился на Таисию Петруненко с дочкой и весь остальной мир, состоявший из лохов и сволочей.

– Что, нечего сказать? – взвизгнула Петруненко. – Видите, нечего ему сказать! Язык проглотил...

– Таисия, – попытался образумить супругу капитан Петруненко, но та лишь пренебрежительно отмахнулась:

– Это ты его бойся, мудила, это он для тебя начальник, а для меня... Он же меня похитил, между прочим. Он преступник! Кто он такой вообще?

Петруненко толкнула в плечо стоявшую рядом жену лейтенанта из группы техников, та неуверенно кивнула.

– Вот, и остальные согласны. Ты чего здесь раскомандовался, полкан? Ты бабой своей команду, в своем люксе. Еще нужно разобраться, чего это тебе такие хоромы достались. Сколько там у вас на троих комнат? Четыре? Пять? А мы с Березкиными вшестером в одном кубрике. Это справедливо? Я вас всех спрашиваю – справедливо? Кто вообще решил, что он имеет право на такое жилье?

– Таисия... – повторил капитан Петруненко, но в голосе его не было ни уверенности, ни твердости. Похоже, что внутренне он был согласен со своей женой. Пусть не готов был высказать свое недовольство вслух, но сцены, которые жена устраивала ему каждый день, плюс сцены, разыгранные ночью, когда шепотом она язвила, называла супруга тряпкой, мелким засранцем и прочими обидными прозвищами...

Капитан продолжал считать, что полковник Иванченко имеет право приказывать, но вот о еде и жилье... Постепенно капитан стал подозревать правоту своей супруги, пусть не на все сто процентов, но все-таки... В кубрике было тесно, ребенок Березкиных по ночам плакал, требуя своего щенка-таксу, которого в бункер не взяли, дочка Маша тоже начинала хныкать, издерганная постоянными истериками матери, – все это нужно было как-то решать. Ведь должен быть какой-то выход из этой ситуации. Справедливый, но позволяющий решить проблему с жильем для семьи Петруненко как минимум.

– А пойдемте, глянем, как полкан со своей бабой устроился! – провозгласила Таисия. – Кофеек небось пьет, в сигаретке себе не отказывает, не то что мы, убогие... Пойдемте, бабы!

Петруненко шагнула к выходу из столовой, несколько женщин шагнули за ней следом. Офицеры, стоявшие перед дверью, неуверенно попятились. Остался стоять полковник Иванченко и капитан Ермаков.

– Что стоишь, не хочешь пускать? – крикнула Петруненко. – Все видели – боится, не хочет... Что ты там прячешь? А? Кто тебя королем тут поставил? Свои звездочки можешь в сральник выбросить, ничего они тут не значат, так я говорю, бабы?

– Та-ак... – прозвучало гораздо громче и явственнее, чем минуту назад.

– Что ты тут за фашистскую диктатуру установил, урод? – распаляясь еще больше, кричала Петруненко. – У нас демократия! Демократия у нас! Так я говорю?

– Та-ак! – теперь уже и несколько мужских голосов присоединились к воплю. – Та-ак!!!

– А выборы устроить! Выборы! – Петруненко уже кричала изо всех сил, надсаживаясь. Ее лицо покраснело, шея напряглась. Во все горло: – Выборы покажут! Выборы! Чтобы по справедливости! Не хотим жрать из общего котла эту мутотень... Не хотим же?..

– Нет, не хотим!..

– Пусть все запасы поделят. По-честному поделят, поровну. И каждая хозяйка пусть сама готовит на свою семью что захочет. Так?

– Так!!!

– И курить чтобы не запрещали! Моду взяли – запрещать! Долой! Выборы! Выборы!

– Вы-бо-ры! Вы-бо-ры! Вы-бо-ры! – подхватили уже несколько десятков женщин и несколько мужчин, как показалось полковнику Иванченко.

– Пусть полкан сразу выбирается из хором, пусть поселится в кубрик, как все. Или даже в казарму к солдатам, ничего, потерпит его шалава, вон уже две недели в люксе живет... Пусть теперь отвыкают! – Петруненко кричала, размахивая руками, словно дирижировала толпой, и толпа начинала вести себя, словно единый организм, словно животное, которому указали жертву. Еще немного, и эта тварь бросится вперед, сметая все на своем пути, устанавливая справедливость и порядок.

– Уйди с дороги, ублюдок! – крикнула Петруненко полковнику Иванченко. – Ты не можешь стоять на пути всего общества, не имеешь права! Ты никто – сучок с погонами, и все! Я не служу

в армии, и армии уже нет. Значит, нужно все решать голосованием. Справедливо и честно!

– Честно-честно-честно... – рычала толпа.

Контрактники, рядовые и сержанты, пока держались в стороне, им пока было непонятно, как можно такое кричать в лицо полковнику – самому полковнику, коменданту базы. Им и в голову такое не могло прийти, дисциплина, вбитая в голову, понятия субординации, угроза наказания делали невозможным неповиновение Иванченко, но постепенно в их головы пролезет мыслишка – а ведь правда, ведь теперь за полковником не стоит вся армия и все государство. Теперь ничто не угрожает любому, кто пошлет Иванченко подальше.

Он просто человек, поймут солдаты. И просто человек, который может не больше, чем любой из них. Пока эта мысль еще не пришла, но в любой момент... В любой момент, подумал с тоской полковник Иванченко.

Даже если бы он сошел с ума и согласился с требованиями демократии и всеобщих выборов... Какого черта! Он ведь прекрасно знает, что это приведет обитателей бункера к неминуемой гибели. Они просто не выживут. И даже запланированные шесть месяцев они не протянут, все рухнет через неделю максимум. Неделя – и люди начнут сбиваться в группки, в банды, драться за запасы пищи, осознав, что справедливость, конечно, хороша, но много еды – гораздо лучше. Да и что может быть справедливее, чем выжить самому. Спасись самому и спасти свою семью.

Они все – и полковник, и обезумевшая жена Петруненко, и те, кто сейчас ее поддерживает, и те, что пока не решился, – все они остановились у самой черты. Еще один шаг, одно неловкое движение, и толпа бросится вперед, снося все на своем пути, убивая и калеча.

– Я прошу... – начал полковник.

– У бабы своей проси, мудака! – заорала Петруненко. – Она тебе небось не дает... Ты хорошо ее попроси, а к нам не лезь. Уйди с дороги.

Таисия шагнула к полковнику и толкнула его в грудь. Не сильно, только демонстрируя удар.

– Я требую, – полковник прищурился, глядя в лицо Петруненко, – я требую немедленно прекратить...

– Ага! Сейчас! – Петруненко оглядела толпу с ухмылкой, словно приглашая всех в свидетели или даже соучастники. – Уйди с дороги!

Теперь она ударила полковника в лицо. Наотмашь, ладонью. Так она частенько ставила на место своего мужа в семейных ссорах. Удар получался не болезненный, но оскорбительный. И очень звонкий – именно то, что требовалось для развлечения толпы.

Удар – полковник перехватил руку и отбросил ее прочь.

– Ты что творишь, подонок! – взвизгнула Таисия, отлетая к своим союзницам и повиснув у них на руках. – Вы видели, что он творит? Он на меня руку поднял! Ты, сука, на женщину руку поднял! Тварь! Ты еще выстрели в меня, выстрели!.. Вы же видели – оне меня ударил! Ударил!..

Толпа замерла.

Вот сейчас... Вот в это мгновение все могло произойти. Передние ряды прекрасно видели, кто именно пытался ударить, остальные только слышали крик Петруненко. Полковник и вправду ударил женщину? Только за то, что она хотела для всех справедливости? Разве так можно? Она ведь ничего плохого не делала, только хотела, чтобы каждый сам решал свою дальнейшую судьбу.

Секунда. Вторая. Третья.

Невообразимо долгая пауза. Тишина в столовой, только ребенок в дальнем углу спрашивал у матери, почему тетя кричит, а та что-то отвечала неразборчиво.

– Да я же тебя, суку... – Петруненко ощерилась. – Я же тебя и твою бабу... и щенка... Мы все... Все мы... Мы...

В закрытом помещении выстрел из ПМ грохнул оглушительно, пуля ударила Таисии Петруненко в бедро, швырнула женщину на пол.

– Справедливости хочешь? – спросил полковник и поднял пистолет, направив его дулом на замершую толпу. – Все вы хотите справедливости?

Петруненко истошно кричала, схватившись за ногу, кровь текла на пол, растекалась лужей.

– Все поделить? Сигаретку после кофе? Пятьсот хозяек на кухне?.. – Полковник усмехнулся, рассматривая женщин поверх ствола пистолета. – Демократия?

У него в пистолете осталось семь патронов. Если сейчас толпа на него бросится, то он не успеет выпустить даже эти семь патронов. Его порвут в клочья, а потом... потом разнесут здесь все, кто-то доберется до оружейного склада и станет наводить порядок... И даже, может, наведет. Ценой нескольких сотен жизней. Или всего нескольких десятков.

– Вы что, не понимаете? – спросил Иванченко, опуская оружие. – Вы не понимаете, что ничего еще не кончилось, что это... – он обвел левой рукой помещение столовой, – что это – не вечное убежище, что запасов здесь не бесконечное количество, а всего... всего на полгода. На шесть месяцев. А потом... Потом мы или придумаем, как жить дальше, или передохнем все в этом бункере. Превратимся...

Петруненко кричала, мешая говорить, сбивая с мысли, отвлекая толпу. Ее муж бросился к жене, чтобы зажать рану, перевязать, полковник оттолкнул его, а когда тот снова попытался – ударил ногой в лицо. Сильно, без жалости. Вскрик, хруст ломающейся кости.

– Она спросила, почему я отдаю приказы и почему вы должны их выполнять? Так? Вы ведь тоже хотите это знать... – Полковник снова поднял пистолет, указал на одну из лейтенантских жен, замершую в первом ряду. – Ты кричала? Ты хочешь справедливости? Ты знаешь, что воздух, которым ты дышишь, может закончиться? Осознаешь это? В любой момент. Выйдет из строя какая-то система, и все...

Полковник перевел оружие на другую женщину, жену прапорщика из продовольственной службы.

– Ты хочешь перебраться в апартаменты начальника базы? Хочешь свободы в этом бункере? Свободы делать что вам заблагорассудится? Так?

Кричала Петруненко, глухо стонал ее муж, пытаясь ладонью остановить кровь, текущую из сломанного носа, ребенок спрашивал у матери, что это выстрелило, а мать не отвечала...

– Я не позволю вам подохнуть, – сказал Иванченко. – Я не позволю вам убить друг друга... Не для того я взял грех на душу...

Полковник вспомнил, как умирали люди на лесной дороге, как он отказался принять в бункер хотя бы детей из спецколонны. Как дергалось тело генерал-майора Федорова, когда кавказский кинжал, отделанный серебром, все-таки протиснулся между его ребрами и достал до сердца.

– Потом, когда все это закончится... – сказал полковник громко, чтобы перекрыть вопли Петруненко. – Когда это закончится – я отвечу за все. И перед каждым из вас, а пока...

Иванченко опустил пистолет и выстрелил. Пуля попала в грудь Таисии Петруненко. Крик прервался, женщина захрипела, ее тело выгнулось. Еще выстрел, и снова не в сердце, стрелять навскидку полковник никогда не умел, а наклоняться, чтобы приставить дуло ко лбу... Полковник шагнул вперед, толпа попятилась, пистолет оказался точно над лицом Петруненко. Выстрел – пуля наконец ударила в голову. Вертикально. Врезалась в бетон пола и рикошетом вернулась назад, раздробив кости черепа в мелкие осколки.

– Вот так, – сказал Иванченко. – И только так. Кто-то еще хочет?

Справа от него лязгнул затвор пистолета – капитан Ермаков дослал патрон в патронник своего «макарова» и стал рядом с полковником.

– Все назад! – Слева от Иванченко встал с пистолетом лейтенант, дежурный по части, и два прапорщика из дежурной смены. – Назад! Отойти!

Мужья наконец бросились к толпе, стали выхватывать своих жен, оттаскивать их прочь, гнать в дальний угол столовой, безжалостно заломив руки или схватив за волосы. И все это в полной тишине. Даже капитан Петруненко замолчал, перестал стонать. Он подполз к мертвой жене и сел возле нее, прямо в кровавую лужу. Сидел и гладил ее по щеке. Сидел и гладил.

В столовую стали вбегать солдаты с автоматами. Первым – старший лейтенант Мухаметшин.

– Все нормально, старлей, все нормально, – сказал полковник Иванченко, надеясь, что голос не дрожит. – Что там, в жилом секторе?

– Порядок, – сказал Мухаметшин. – Лестницу я на всякий случай перекрыл, лифты отключил, отдал приказ стрелять на поражение в случае чего. При всех отдал, вслух. Но там, в принципе, все и было спокойно, товарищ полковник.

– Зачем? – простонал капитан Петруненко. – Она же только хотела как лучше... Как лучше... Сволочь ты, полковник! Какая ты сволочь! Да я же тебя...

Иванченко хотел что-то сказать, возразить, успокоить, но не мог с ходу подобрать нужные слова. Что можно сказать человеку, жену которого ты только что убил? Как успокоить? Пусть она была шалавой, пусть склочницей, но ведь он ее любил. Он сейчас не понимал, что говорит, что делает... Он...

Старший лейтенант Мухаметшин выстрелил из пистолета. Один раз. Точно в сердце капитану Петруненко. Кто-то вскрикнул от неожиданности.

– Еще кто-то хочет оспорить действия начальника базы? – осведомился Мухаметшин.

Мертвый капитан Петруненко дернул ногой и замер.

– Я слушаю! – сказал Мухаметшин, повысив голос. – Кто-то действительно полагает, что у нас здесь кто-то сможет не выполнять приказы полковника Иванченко? Есть такие?

Люди молчали, даже ребенок.

– Каждый человек в бункере, – откашлявшись, произнес полковник, но голос все равно звучал хрипло, – мужчина или женщина... выполняют приказы... мои и старших офицеров. Женщины объявляются мобилизованными до окончания...

Полковник замолчал. До окончания чего? Эпидемии? Запасов в бункере? Жизни?

– Командирам подразделений прибыть в комнату для совещаний через пятнадцать минут. Остальным – продолжить прием пищи. Еще вторая и третья смены ждут своей очереди. Все жалобы и вопросы передать командирам подразделений. Женщины – командирам подразделений своих мужей. – Иванченко удивленно посмотрел на пистолет в своей руке, поставил его на предохранитель и спрятал в боковой карман куртки. Заложил руки за спину. – Есть вопросы сейчас?

Тишина.

– Тогда... – Полковник хотел разрешить всем разойтись, но старший лейтенант Мухаметшин тихо попросил у него слова. – Да, конечно.

Мухаметшин несколько секунд смотрел на замерших людей. Спрятал пистолет в кобуру.

– Нехорошо получилось. Совсем нехорошо... – тихо сказал старший лейтенант. – Одна склочница чуть не убила полторы тысячи человек. Одна тварь...

Люди молчали.

– Одна? – спросил Мухаметшин. – А что же вы все?! Не поняли, к чему она ведет? Вы же рядом с ней были... Вы кричали вместе с ней, вместе с ней готовы были напасть на полковника Иванченко... Вы не отворачивайтесь, красавицы... Мараева, Кононова, Евминова, Эрдели... Не отворачивайтесь, не прячьтесь за спины мужей! Вы разве не в курсе, что во всех помещениях

бункера установлены камеры наблюдения? Все зафиксировано. И все зафиксированы. И если еще раз...

Кононова всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

– И чтобы зафиксировать в ваших мозгах происходящее, вы сами уберете здесь все – тела, кровь, мозги. Вымыть здесь все. Времени вам на все – полчаса. Тела отнести к морозильнику. И если здесь после назначенного времени останется хоть капля, хоть пятнышко... – Он замолчал, давая наказанным самим представить себе то, что с ними сотворит старший лейтенант Мухаметшин по приказу полковника Иванченко.

– Разойтись, – приказал полковник, резко повернулся и вышел из столовой.

Его трясло. Когда он отвечал на приветствие встречающих солдат и офицеров, то сжимал пальцы правой руки как можно крепче, чтобы никто не заметил, как они трясутся.

Полковник не воспользовался лифтом, сбежал по металлическим решетчатым пролетам лестницы до своего жилья, набрал код на замке и вошел внутрь.

Золотистые обои, тяжелые бархатные шторы у имитации окон – покойный генерал был склонен к тяжелому имперскому стилю. В гостиной стоял тяжелый диван, покрытый медвежьей шкурой и массивные кресла, на стене висели головы дикого кабана, оленя и медведя. На полу – толстый ковер.

Не нужно было соглашаться селиться в этот кошмар, достаточно было четырехместного кубрика на троих, жена тоже не возражала, но Ермаков, Мухаметшин и остальные офицеры настояли: это правильно. Он – начальник. Ему позволено больше, чем остальным, именно потому, что у него и ответственность больше. Потому, что он спас всем жизнь. Каждому из живущих в бункере.

Он согласился... и получилось то, что получилось. И умерли два человека. Те, кому он пытался спасти жизни. Полковник сел на диван, сдавил виски руками.

Он снова убил. И снова ради высших соображений. Это ведь просто – сравнить цену одного... двух мертвецов и полутора тысяч. Выстрелил в Петруненко Мухаметшин, а должен был стрелять полковник Иванченко. Не нужно было перекладывать ответственность на другого человека.

В баре стояло несколько бутылок выпивки. Хорошей крепкой выпивки. Сейчас бы дернуть стаканчик. Никто не обвинит его в излишествах, каждый поймет, что именно сейчас на душе у Иванченко. Полковник даже встал с дивана, но потом снова сел.

Нельзя.

Никак нельзя расслабляться. Сегодня – только первый случай. Первый звонок. А потом... Впереди еще много всего.

В дверь позвонили. Второй звонок? Полковник хмыкнул – шутка несмешная.

Не наболтались еще. Полковник встал и подошел к двери.

– Что? – спросил он у переговорного устройства.

– Старший лейтенант Мухаметшин.

– Я как-то не особо настроен беседовать... – сказал полковник.

– Пять минут.

– Пять минут... Ладно. – Иванченко открыл дверь. – Входи, если на пять минут. Садись вот в кресло.

– Нет, – спокойно отрезал Мухаметшин. – Я постою.

– Ну как знаешь. – Полковник вернулся на диван. – Меня что-то ноги плохо держат. Что у тебя?

– Вы знали, что я работаю на органы? – спросил Мухаметшин, глядя в стену над головой полковника.

– А ты как думаешь? – поинтересовался тот.

– Откуда?

– Майор Петров поделился информацией. Сдал тебя и остальных стукачей. – Полковник скрестил руки на груди.

– И вы все-таки оставили меня в живых? Я ведь мог...

– У тебя четверо детей. Полагаешь, этого недостаточно, чтобы тебе поверить? И что-то мне подсказывает, что твоя большая семья делает тебя моим очень надежным союзником. Нет?

– Делает, – кивнул старший лейтенант. – Но я не об этом хотел поговорить. А о том, что я профессионал в некоторых вопросах, которые для вас все еще являются пустой болтовней и досужими выдумками военных типа ученых.

– Ты о том, чтобы вычислять недовольных и расстреливать их? – поинтересовался Иванченко, но сразу же сообразил, что не стоит так с человеком, который только что стоял с ним рядом перед толпой, которая как раз решала – наброситься или разойтись, распасться на клочки и кусочки. – Извини, я не хотел тебя обидеть. Нервы.

– Ничего, – еле заметно улыбнулся Мухаметшин. – Я понимаю. И я понимаю, что нужно принять меры...

– По какому поводу?

– Мы все знаем, что у нас над головой бушует эпидемия.

– Да, и что?

– И нам кажется, что все в этом бункере об этом знают.

– А разве это не так?

– Не так. Мы никому не показывали запись того, что произошло с колонной. Только те, кто тогда был в центральном посту, все видели. Некоторые рассказали своим женам и друзьям. Но им, скорее всего, не поверили. Или поверили не до конца. – Мухаметшин говорил спокойно, каждая фраза его была выверена и взвешена, видно, что он готовился к этому разговору давно. Только ждал подходящего случая.

– Да, – кивнул полковник. – Тут ты прав, пожалуй, не показывали.

– И людям может показаться, что на свежий воздух их не выпускаете только вы. Не вирус, а вы, комендант Узла-три. Пусть люди себе не отдают в этом отчет, пусть все это у них в головах на уровне подсознания, но... Лучше их переубедить. Чтобы не мечтали выйти на свежий воздух, а прятались поглубже, настраивались на жизнь кротов. Вы согласны со мной?

– Да. Подготовь записи происходившего на дороге... И возьми ноутбук Петрова, он там много всякого из Сети скачал. Как это теперь называется? Раньше лекцией, а сейчас...

– Презентация, – сказал Мухаметшин.

– Вот-вот, озаботься презентацией о том, какой офигительный песец ждет нас наверху – всех и каждого. Каждого и всех.

– Есть! – четко ответил Мухаметшин, откозырял и, повернувшись налево кругом, пошел к двери. Остановился и снова повернулся к полковнику:

– Еще одно...

– Валяй, – кивнул Иванченко.

– Пожалуйста, больше никого не убивайте лично, – сказал Мухаметшин.

– Тебя звать? – Иванченко попытался усмехнуться, но у него не получилось.

– Скажите мне, – серьезно ответил Мухаметшин. – Нужно играть в президента и вице-президента. Президент – то есть вы – делает только хорошее. Хватит, поощряет, благодарит за хорошую работу и выдает премии. А плохой вице-президент увольняет, наказывает, кричит...

– Убивает, – добавил полковник.

– Да, убивает, – кивнул Мухаметшин. – И так – правильно.

– Хорошо. Пусть будет правильно.

Старший лейтенант вышел из комнаты, бесшумно прикрыв за собой дверь. Тихо щелкнул замок.

Вот такая вот у тебя теперь жизнь, сказал полковник. Такая жизнь. Жена, медик по образованию, сейчас возится в медпункте, проводит ревизию запасов. У нее даже есть пациент – при переноске запасов один из солдат поскользнулся на лестнице и сломал ногу.

А еще, как оказалось, минимум четыре женщины беременны, у одной девочки диабет, у прапорщика из зенитного дивизиона грыжа... Жене некогда ныть, у нее есть работа, и будет этой работы все больше и больше.

Интересно, ей уже сообщили, что он убил человека? Женщину. И что теперь скажет жена?

Все что угодно, сказал полковник. Все что угодно, лишь бы не о дочери. Полковник хотел раздеться и лечь, но вспомнил, что скоро явятся командиры подразделений с писульками о жалобах и предложениях.

Что-то действительно нужно решать с едой, повара не справляются, готовят какую-то ерунду, которая за две недели надоела всем. И нужно понять, стоит ли экономить. Если ресурс системы регенерации исчерпается раньше, чем запасы продуктов, то кому, на хрен, эти продукты понадобятся. Ответ – никому.

Полковник встал с дивана, одернул куртку и вышел из комнаты в коридор. Еще нужно было переговорить с профессором. Тот вроде собирался провести серию экспериментов, чтобы разобраться вирусом. Хотя бы с тем, как обеззараживать защитные костюмы после выхода наружу.

В бункере было нечто вроде шлюза – громадная камера с герметичными воротами, устройствами для продувания и облучения. Только вот сможет ли все это обеспечить полную безопасность? Профессор просил пока наружу не выходить, были у него подозрения...

Полковник вошел в узел связи, дежурный подал команду, Иванченко подал команду «вольно», сел у пульта, включил компьютер и ввел пароль. С лабораторией бункер был связан в сетку через кабель.

– Нам выйти? – спросил дежурный.

– А? Да, – спохватился полковник. – Я тут пока в «паука» поиграю в одиночестве.

Люди вышли.

Полковник подождал, пока комп включится и запустится программа. Несколько раз вводил добавочные коды, отвечал на контрольные вопросы и разрешал антивирусам проверить систему.

Профессор был на связи. Иванченко послал видеовывод.

– Здравствуйте, – сказал профессор, ответив на вызов через несколько секунд. – Давненько не виделись.

– И вам здоровья. – Полковник потер виски. – Все нормально?

– А что у нас может измениться? Живем по расписанию, кушаем по расписанию, работаем все остальное время. – Профессор был одет в белый халат и выглядел очень по-научному.

Даже как-то излишне, подумал Иванченко. Будто играет ученого в каком-то фильме.

– Чем-то порадуете? – спросил Ивченко. – Что-то за две недели выяснили?

– Ну... Это как посмотреть, – задумчиво произнес профессор. – У меня нет зараженного объекта, так что... Сами понимаете.

– Я не могу вам доставить больного. – Полковник осторожно разжал кулаки, которые держал на пульте вне видимости веб-камеры. – Придется выходить, а это...

– А это я вам не рекомендую, – закончил за него профессор. – Знаю я ваше дегазационное и обеззараживающее оборудование, сам участвовал в проектировании, но пока не стоит на него возлагать слишком большие надежды... Я тут получил видеоматериал из Европы. Из

лаборатории во Франции. Спутники все еще крутятся над Землей, даже без контроля. Могу сбросить файл, чтобы вы посмотрели... Была у меня договоренность с руководителем той лаборатории, чтобы видеосъемки в случае... ну, вы понимаете... ушли ко мне, а мои к нему. Что-то мне подсказывает, что Жан-Пьер рассчитывал получить материал от меня, но так получилось, что в этой лотерее пока выигрываю я.

– Поздравляю!

– Что? А... Спасибо. Надо бы радоваться, но... В общем, они успели заблокировать лабораторию, персонал прибыл вовремя... И сразу же отправились добывать образцы. В общем, вернулись быстро и с трофеем. Как вы понимаете, подобрать инфицированный труп в Европе особой проблемы не составляло. Они не стали тащить все тело, ограничились пробами. Изолировали, насколько это вообще возможно. После возвращения группы в лабораторию было проведено около десяти разных методов очистки. Вплоть до облучения.

Профессор сделал паузу, потер пальцами переносицу, и сразу стало понятно, что он дико хочет спать, что устал безмерно и ведет этот разговор только на силе воли.

– И что? – спросил полковник.

– И все, – сказал профессор печально. – Не сработала очистка. Через полчаса по коридорам лаборатории мутанты гонялись за выжившими. В общих чертах вы себе это уже представляете. И вот вам, собственно, файл.

Полковник принял файл, антивирус не возражал, проверил и ничего опасного не обнаружил. Если бы так с настоящими вирусами, подумал Иванченко.

– Вы смотрите, смотрите, я не тороплюсь. – Профессор снова потер переносицу. – Я уже наслаждался зрелищем. Теперь ваша очередь...

Экран был разбит на четыре части. Изолированная лаборатория, где, как понял полковник, должны были проводить исследования образцов, комната, из которой осуществлялся контроль и управление работами, коридор в жилом отсеке и в конференц-зал.

Четверо ученых разместились перед пультом, остальные сидели в конференц-зале. Было их десятка полтора, полковник не стал пересчитывать.

Один человек в оранжевом скафандре биологической защиты находился в лаборатории, устанавливал образцы в приборы, что-то настраивал, что-то передвигал.

В углу кадра был индикатор, отсчитывавший все с точностью до десятых долей секунды. Двенадцать пятнадцать. По местному времени, подумал полковник.

Человек в скафандре отходит от приборов, располагается на табурете в углу лаборатории. Ученый в комнате управления берется за рукоять джойстика, очень похожего на те, которые установлены на пультах управления огнем Узла-три.

Двенадцать двадцать, манипуляторы в лаборатории зашевелились, ученый за пультом управлял джойстиком. Звук у записи не было, но и так все было понятно – идет работа, зрители в конференц-зале что-то обсуждают. Жестикулируют, спорят – оно и понятно, за стенами лаборатории сейчас умирают миллионы людей. Это как-то возбуждает, полковник знал по себе.

Двенадцать тридцать семь, один из ученых в конференц-зале вдруг встает с кресла, вскидывает руки и валится навзничь. Тело бьется в судороге, идет пена изо рта. Еще несколько человек падают, остальные бросились к выходу из зала. Давка, драка. Кто-то отлетел в сторону и сполз на пол спиной по стене.

А быстро ученые сообразили, что пришел гаплык, подумал полковник. Что значит – профессионалы. Никто даже не попытался оказывать помощь, делать искусственное дыхание. Правда, никому это не помогло.

Люди выбежали в коридор. Их всего человек пять. Остальные остались в зале, так или иначе. Тот, который приложился затылком к стене, пытается встать, но один из тех, кто пускал

пену, пришел в себя чуть быстрее. Бросок к бедняге, удар, зубы впиваются в шею, кровь широким мазком ложится на белую стену.

Бегущий по коридору хватается за горло, спотыкается и падает. Остальные перепрыгивают через него. Куда бежать, если вся лаборатория заражена?

Двое у пульта бьются в агонии, двое медленно пятятся к выходу, но, похоже, двери уже перекрыты автоматической системой безопасности.

Из конференц-зала выбегают трое, лица и одежда заляпаны кровью, один остается возле умирающего. Падает на колени и рвет из его тела полосы кожи и мяса.

Четверо, убежавших, бьются в коридорную дверь, похожую, скорее, на дверь банковского сейфа. Лампа над дверью мигает красным, система безопасности включена. Падает человек в красном скафандре, то ли вирус спокойно прошел сквозь его защиту, то ли человек подхватил заразу немного раньше.

У пульта один зараженный замирает в луже кровавой пены, второй начинает медленно подниматься. Его коллега, наблюдавший за этим со стороны, хватается за стул и наносит удар. Стул металлический, тяжелый, но зараженный, не обращая внимания на удары, встает. Бросок – кровь брызгами летит на пульт, медленно течет по стеклу яркими ручейками...

Полковник выключил видео.

– Что, не понравилось? – поинтересовался профессор.

– А я должен был прийти в восхищение?

– Не знаю. Врага нужно знать в лицо...

– Когда люди возле меня начнут падать и биться в судорогах, я пойму, что они заражены. – Полковник поморщился. – Но вы сказали, что в лаборатории приняли все возможные меры для обеззараживания? Что пошло не так?

– Ну... Вирус на вирус не похож, уж вы мне поверьте, я в этой области специалист. Мы даже нашли нашего мерзавца в пробах воздуха и пыли. У нас есть возможность проводить исследования, не нарушая герметичности помещений лаборатории. Так вот, эта тварь – везде. В каплях воды, в пыли, в воздухе – везде... Я всякого ожидал, но такого... Выдерживает нагревание до ста пятидесяти градусов. Потом, правда, кажется, погибает. Сто пятьдесят, мы с вами понимаем, что человека на столько не нагреть? – Профессор вздохнул. – Попробовали кипятить – сорок минут, лучше час. Понимаете? Почти час в кипятке и только тогда погибает. Как вам это?

– Никак. Можно придумать какую-нибудь фигню, чтобы сделать прививки? Чтобы – раз, и... Профессор пожал плечами.

– То есть мы ничего не можем сделать? Мы можем только сидеть в бункерах и ждать, когда закончится электричество? Так?

– Не совсем... Есть и хорошая новость, знаете ли... – Профессор покрутил пуговицу на халате. – Если вы не сможете больше очищать воздух и встанет вопрос о... ну вы поняли... то здесь можно выкрутиться. Можно. Главное, решить проблему нагрева воздуха до ста пятидесяти градусов. В объемах, достаточных для дыхания всем вашим людям. С водой – тоже все можно решить. Кипятить в течение часа, лучше двух и можно совершенно безбоязненно пить. В принципе, можно даже овощи наверху разводить, только нагревать и кипятить. Кипятить и нагревать... Даже охотиться сможем, если что. Если отказаться от бифштексов с кровью и кушать хорошо прожаренное мясо. Работать снаружи нужно будет только в защитной одежде, фильтры обычных противогазов вирус держат. Правда здорово?

– Меня это должно радовать? Мне нужно петь и веселиться? – раздраженно поинтересовался полковник.

– Конечно! У вас... У нас появился шанс выжить. Мы будем продолжать работать, а вы... Вы сможете выжить. И даже плодиться и размножаться... – Профессор дернул рукой и уставился

на оторванную с мясом пуговицу. – Вот так вот... Это, в конце концов, главная задача людей. Плодиться и размножаться.

– Пошел ты... – от всей души произнес Иванченко. – У меня здесь... У меня здесь люди начинают с ума сходить. Мне пришлось...

– И многих? – быстро спросил профессор, сразу уловив суть дела.

– Двоих.

– Ерунда, не обращайтесь внимания. Люди втянутся, привыкнут. Человек – животное выносливое. Если ему поставить задачу, пусть даже не достижимую, но соблазнительную, он горы свернет.

– А еще он – тварь неблагодарная, а праздный человек – еще и смертельно опасная тварь. – Полковник вспомнил разговор с Лидером, и настроение испортилось совершенно.

– Стоп-стоп-стоп. – Профессор поднял руку и хлопнул ладонью по столу. – Это цитата из кого?

– Какая?

– Про смертельно опасную тварь.

– Есть тут один товарищ. Звонит каждый вечер, если я забываю ему звякнуть...

– Позывной Лидер?

– Да, а что?

Профессор вздохнул и задумался.

– Что-то не так?

– Да нет, ничего такого особенного. – Профессор поморщился, и гримаса эта должна была изображать улыбку. – Обо мне справлялся?

– Нет, только обо мне и моих людях.

– Можно небольшую просьбу. – Профессор теперь держал руку, как прилежный первоклассник, который хотел, чтобы его вызвали к доске. – Совсем небольшую просьбу.

– Да, конечно, – кивнул полковник.

– Если он вдруг спросит обо мне и лаборатории... Пусть я умер, хорошо? У вас нет со мной связи с самого момента заражения. Вы пытались со мной связаться, но все без толку... Хорошо?

– Ладно... – неуверенно протянул полковник. – Но... Ладно, как скажете.

– Просто нет никакой информации. – Профессор сложил руки крест-накрест. – Нету.

– Да ладно, я понял.

– Вот и хорошо. Значит, мы с вами выяснили – нагревание до ста пятидесяти градусов, кипячение не менее часа. Если все-таки будете выпускать человека, имейте в виду: на нем при возвращении не должно быть пыли и влаги. Ваши ОЗК и противогазы выдержат температуру в сто пятьдесят градусов?

– Я проверю, – пообещал полковник. – Завтра же начнем проверять.

– Не смею больше задерживать. – Профессор отключил связь.

Полковник снял гарнитуру, встал из-за пульта, открыл дверь – дежурная смена стояла в конце коридора, так, чтобы даже случайно не услышать переговоры полковника.

А это хорошо, что люди знают про телефонные звонки и про связь через комп. Пусть знают, что мы не одни, пусть верят в то, что таких убежищ, как наше, уцелело много и рано или поздно...

– Товарищ полковник! – по ступеням с нижнего уровня взлетел лейтенант Угрюмов.

– Что такое?

– За периметром – бой. По звуку – бэтээр. Ведет огонь из пулемета и автоматов. Приближается к нам.

– Твою мать. – День все не заканчивался и не заканчивался. – Только стрельбы еще не

хватало! Стрелков вызвали?

– Да, обе смены. Уже на местах.

– Хорошо.

Полковник спустился к центральному посту, быстрым шагом прошел на свое место.

На дворе – ночь. Центральный экран светится белым и зеленым, включены камеры ночного видения.

– Что на дороге? – спросил полковник.

– Там плохая камера.

– Значит, ничего не видно?

– Нет, камера у въезда на дорогу дала картинку... Вроде бы бронетранспортер. Рассмотреть не удалось толком, к тому же там автобусы, грузовики... – Угрюмов отвечал с виноватым видом, будто это он сам завалил дорогу всяким металлоломом. – Камера от поворота пока дает только дальний свет и сполохи выстрела. Микрофон фиксирует стрельбу и звук мотора.

– А что микрофоны и сейсмодатчики периметра?

– То же самое плюс множественные сигналы разных объектов...

– Зараженных?

– Наверное, их. Вряд ли здесь будет носиться стадо оленей или стая волков...

– Понятно. Картинку с камеры у поворота на главный экран.

Картинка вздрогнула, стала темнее.

– На этой камере нет ночного режима, – объяснил Угрюмов. – Имеем то, что имеем.

В глубине экрана появился отблеск, пятно рассеянного света. Наверху опять идет дождь, огни фар дают ореол, словно гало в морозный зимний день. Видны только отблески, туши автобусов заслоняют.

По краям дороги у разгромленной колонны – свободно. Бэтээры Утеса ушли с обочин, один стоит в глубине леса, второй – почти у самого поворота, возле деревьев. Если у неизвестного бэтээра все нормально, если нервы не сдадут, то он сможет пройти до самого периметра.

– Что у нас с пулеметами у ворот? – спросил полковник.

– В готовности. – Экран снова мигнул, теперь на нем была картинка дороги перед воротами. И два красных прицела плавали на инее в ожидании цели.

– Без команды не стрелять. И выведите картинку с дороги на мой монитор. – Полковник расстегнул куртку, становилось жарко.

Кто это мог быть?

Если бы кто-то от Лидера, он бы предупредил. О существовании Узла-три знают не так много людей.

Свет фар стал ярче. При стрельбе из башенного пулемета был четко виден столб ярко-оранжевого огня. Стрелок чистил дорогу справа от машины, потом слева, потом снова справа.

Автоматы, стреляя через бортовые бойницы, окружали бэтээр огненным ореолом. На фоне этих огней все время мелькали тени. Зараженные никуда не ушли, они были здесь, возле дороги.

Бэтээр проскочил мимо головного автобуса, прибавил скорость.

– Внимание, – сказал полковник. – Открываем ворота по моей команде. Трупоедов отсекаем.

Свет фар скользнул по деревьям, уперся в ворота.

– Открыть! – приказал полковник.

Ворота поползли в сторону. Стальные балки с проволокой поверху были тяжелыми, двигатели, не торопясь, тянули их в сторону по стальным рельсам.

– Прожектора!

Экран вспыхнул, техники торопливо переключили его на обычный диапазон. Прожектора за ограждением дали ослепительно белый свет, отразившийся в миллионах капель, висевших на

ветках, листьях, траве. Словно гигантская иллюминация по поводу прибытия гостя.

– Это из бригады прикрытия! – крикнул кто-то из стрелков. – Оповещатель на борту.

Точно, из бригады. Наконец-то дождались. Полковник еле удержался, чтобы не дать команды закрыть ворота и открыть огонь по бэтэру. Сейчас такой приказ могли и не выполнить.

Бронетранспортер развернул башню назад, длинными очередями прометал дорогу за собой, отшвыривая и перерубая темные тени, выныривающие из леса.

Открыли огонь стрелки с пультов.

Одиночными, накрывая прицелами красные маркеры, выдаваемые сейсмодатчиками и микрофонами. Правда, бэтэр ревом двигателя и стрельбой создавал помехи, но стрелки справлялись, еще никто не смог подобраться к ограждению, воротам и бронетранспортеру.

Машина проскочила направляющие рельсы ворот, вкатилась за линию периметра.

Ворота поехали обратно, закрывая проход, без команды полковника.

С бэтэра продолжали стрелять до тех пор, пока ворота не закрылись.

Несколько фигур попытались преодолеть освещенное пространство перед ограждением, но стрелки отреагировали безукоризненно, полковник даже не успевал рассмотреть тех, кто падал, сраженный пулей возле проволоки. Фигуры, поначалу похожие на человеческие, превращались в бесформенные мешки одним-двумя росчерками трассирующих пуль.

В голову, как и было приказано.

Бэтэр заглушил двигатель. Открылся бортовой люк, из него вышел рослый подтянутый солдат. Без костюма химзащиты. Значит, и без особых иллюзий.

Полковник включил динамик.

– Привет, – сказал он в микрофон. – С чем пожаловали?

Солдат оглянулся в поисках камеры, потом просто поднял руку к шлемофону и отрапортовал:

– Командир взвода разведки лейтенант Князев. Прибыл с пакетом к коменданту объекта.

– Ты в курсе о вирусе, сынок? – спросил полковник.

– Да, – сказал лейтенант Князев. – В бункер мы проситься не будем. Текст пакета уполномочен прочитать вслух.

Ничего личного. Во взгляде сержанта явственно читалось это самое «ничего личного». Спокойно, деловито и даже с некоторой усталостью. Если поначалу в глазах были настороженность и недоверие, то через пятнадцать минут знакомства – только «ничего личного».

А охранник элитного дома сам виноват, если вдуматься. Какого рожна он не прятался? Если повезло уцелеть, если выпала удача выжить в доме, битком набитом продуктами, то зачем было маяться фигней – зажигать свет в окнах, курить на балконе, отправляя щелчком окурки вниз, на мостовую?

Был бы охранник с головой – никто бы не заметил огней в окнах дома, не сообщил бы начальству. Странно ведь – в городе нет уже почти три недели электричества, а вон в той высотке по вечерам мигает фонарь. Маяк, типа? Или какой-то лох пытается привлечь к себе внимание и просит о помощи?

В любом случае – стоит выяснить, решило начальство и отправило группу, благо дом находился не очень далеко от временного лагеря. Немного дальше – или фонаря не заметили бы, или не стали бы рисковать боевой машиной пехоты и семью контрактниками во главе с сержантом. А так...

Еще и погода целых два дня была сухой, дождь наконец стих, и в прорехах между облаками ночью можно было рассмотреть звезды. А днем – солнце.

Командир приказал разобраться, не рисковать, в завалы не лезть, от машины не отходить, короче – вернуться живыми. Это входило также в планы сержанта и его людей. Редкий случай совпадения желаний начальства и подчиненных.

БМП оставили в пятидесяти метрах от дома, за углом, возле разгромленного продовольственного магазина. Мельком заглянули в торговый зал – разрушение и пустота. Мутанты подъели все, что не было запаковано в пластик, а остальное прибрали, видимо, люди. Похоже, кто-то в этих местах все еще был жив... Или прожил достаточно долго, чтобы затовариться в магазине.

Снизу света фонаря видно не было, дом выглядел мертвым, как и остальные дома на улице. Хотя нет, поправил себя в тот момент сержант. Дома в округе стояли либо с выбитыми стеклами и сломанными дверями, либо обгорелые. Этот был целым. Массивная бронированная дверь была закрыта, окна первого этажа наглухо перекрыты стальными жалюзи.

Можно было попытаться расстрелять из «тридцатимиллиметровки» либо дверь, либо окно, а потом проникнуть внутрь, сержант даже успел обсудить варианты с мужиками из группы, но тут сверху, из сумрака, прилетел окуроч. Ударился об асфальт у самых ног сержанта и разлетелся огненными искрами.

Твою мать, пробормотал Петруха, поднял окуроч и жадно обнюхал. Они не курили уже больше недели, а тут был неплохой окуроч от сигары. Еще на пару-тройку затяжек. Петруха погасил его и спрятал в карман. Он был самым бережливым и небрезгливым бойцом группы. Он как-то даже высказался в том смысле, что раз мутанты уже и не люди, типа, то их можно и это... в смысле, на вертел и... Мясо оно и есть мясо...

Тогда Петрухе чуть не набили рожу, вмешались ребята из группы, отмазали, он болтать ерунду перестал, но что творилось в его голове... Был Петруха, правда, классным пулеметчиком, что с точки зрения его группы с лихвой окупало все остальные недостатки.

– Это ж какая-то сука на балкончике стоит, покуривает... Слышь, Егорыч, ты бы вот так мог сидеть на балконе и курить? – Петруха толкнул локтем приятеля. – Вот скажи – нормальный человек?

Егорыч молча пожал плечами и посмотрел на сержанта. Тому решать, что делать дальше.

– Брысь и Анюта держат фланги, – подумав секунду, приказал сержант. – Петруха и Егорыч – со мной.

– А наш танк? – спросил Петруха хриплым шепотом.

Он упорно именовал БМП-2 танком, нравилось ему это короткое увесистое слово, а аббревиатуру он не любил. И предпочитал далеко от своего танка не отходить. И был совершенно прав.

– Так, тогда быстро к машине, Петруха и Егорыч, пусть подгребает сюда. – Сержант запрокинул голову, пытаясь рассмотреть балкон, с которого прилетел «бычок». – Быстро!

Петруха с приятелем скользнули вдоль дома за угол.

Что-то шевельнулось на балконе третьего этажа. Или показалось, не поверил себе поначалу сержант, потом кивнул – нет, все-таки кто-то там топчется.

– Эй! – негромко окликнул сержант, приложив руки рупором ко рту. – Там, наверху!

– Да? – так же тихо ответил голос сверху. – Кто здесь?

– Святой Варфоломей, – беззвучно засмеялся Анюта, вскинув автомат.

Уже почти полностью стемнело, но темный силуэт на светлом фоне был различим. Какой-то идиот на балконе даже не пытался прятаться, лег брюхом на перила и свесился вниз, пытаясь рассмотреть, кто с ним говорит. Можно было снять одной пулей.

– Разведгруппа сводной мотострелковой бригады, – сказал сержант. – А ты кто?

Взревел двигатель, освещая себе дорогу единственной уцелевшей фарой, к дому подъехала БМП. Петруха и Егорыч спрыгнули с брони.

– Вы с ума сошли! – возмущенно крикнул сверху обитатель дома. – Тут же полно уродов вокруг, сейчас сбегутся...

– Сухо на дворе, не полезут, – в полный голос сообщил Петруха. – У тебя там еще курево есть? Скинь пару штук...

– Есть, но...

– А ты без «но», – посоветовал Петруха. – Вот просто сбрось сейчас, а потом мы поговорим...

– Открой дверь! – Сержант оглянулся по сторонам, зябко передернул плечами и снова посмотрел на балкон. – Спустись и открой дверь...

– Понимаете...

– Это ты понимай! – крикнул Петруха. – Мы же можем просто дверь танком сломать. Ты это понимай. Трах-бах, и мы въедем к тебе прямо в квартиру. Или снаряд пришлем. Прямо отсюда – бац!

БМП снова рывкнула двигателем и подъехала к самому крыльцу, развернулась кормой к ступенькам. Пушка пристально смотрела в ночную темноту. Толку, правда, с этого было немного, мутанты, если соберутся нападать, преодолеют расстояние до машины в считанные секунды, пушка выстрелит несколько раз – и все. И уцелеют из всей группы только водитель Крымов и оператор Исламов, благо они уже под броней.

– Открывай, – сказал сержант. – Не гневи Бога...

– Да я что, да я со всем удовольствием... – прозвучало с балкона, и силуэт исчез.

Через пару минут лязгнули замки, дверь бесшумно открылась.

– Входите, – сказал голос изнутри.

Группа посмотрела на сержанта.

– Входим, – приказал тот. – Первыми – Петруха и Егорыч...

– Ну ясное дело, кто же еще? – пробурчал Петруха и взбежал на крыльцо. Егорыч уже был там, справа от двери.

– Слышь, ты, от двери отойди, – приказал Петруха. – Во-от туда отойди к стене... А ты Егорыч, входи. Аккуратненько, чтобы не получилось, как вчера... Ни хрена себе!

– Что там? – насторожился сержант.

– А тут жратва, блин, – ответил Петруха. – Склад у него тут, мать его... Это ж где он столько взял?

Жратвы и вправду было много. Консервные банки, овощные, фруктовые, мясные и рыбные, бутылки с питьевой водой, пакеты с крупами стояли у стены и бросались в глаза сразу.

Люки БМП закрыли, и вся группа вошла в дом.

Максимум, что могли сделать мутанты машине, – добить на ней фонарь и оптику. На всякий случай сержант приказал Петрухе поставить пулемет на втором этаже, чтобы отогнать особо настойчивых мутантов.

– Ну понятно – Петруха. Во всякую дырку – Петруха... – занял пулеметчик, но, взяв у местного обитателя ключи от квартиры на втором этаже, быстренько взбежал по ступенькам. Егорыч, как всегда, молча проследовал за ним.

Сержант прекрасно знал, что у пулемета будет, скорее всего, Егорыч, а Петруха устроит квартире ревизию, потянет золото и камешки, если найдет. Зачем ему сейчас это могло понадобиться – непонятно, но он даже пачку долларов, найденную в машине, прихватил и таскал с собой в кармане.

Единственный обитатель дома оказался охранником. Ничего особенного – ветеран какой-то силовой структуры, вышедший на пенсию и по благу получивший теплое место. По его рассказу – уцелел чудом. Только несколько обитателей дома стали мутантами, с ними удалось справиться, потом обшарил квартиры, собрал еду и немного оружия. Но стало одиноко, поэтому решил сигнализировать, чтобы вызвать подкрепление или помощь...

– Вот мы и приехали, – засмеялся водитель Крымов. – Что дальше?

– Так это... – Охранник тоже попытался засмеяться, но вышло у него это неубедительно.

Разговор проходил в вестибюле. Большой аккумуляторный фонарь давал довольно много света. В углах царил сумрак, по стенам прыгали черные тени, но освещения вполне хватало, чтобы рассмотреть выражение лиц.

Исламов вскрыл банку с рыбными консервами и быстро съел ее содержимое.

Крымов ходил по вестибюлю, время от времени поглядывая на склад продуктов. Анюта и Брысь сидели на полу возле входа и о чем-то тихо переговаривались. Охранник говорил громко и торопливо. Было такое чувство, что он очень хочет понравиться пришельцам. И очень хочет понять, что теперь будет, куда поведут его эти угрюмые, давно не мытые мужики.

От самого охранника пахло дорогим шампунем, руки и лицо были чистыми, одежда – целая и даже, кажется, глаженная. Неплохо ему жилось здесь – это было понятно с первого взгляда.

– Тут еще есть еда, – сказал охранник. – И выпивка. Море выпивки. И еда... Еще даже вода есть в трубах, можно даже душ принять... или ванную...

Если охранник хотел понравиться, то выбрал он не совсем правильный тон. Или просто ему не повезло. Не вовремя он встретился с сержантом и его людьми. Было у охранника всего слишком много, и никак не получалось ему сохранить по этому поводу жизнь. В своих людях сержант был уверен, не сдадут. Они уже довольно давно проговаривали между собой, что вся эта затея со сводной мотострелковой бригадой и боевыми действиями в центре Москвы – чушь полнейшая, что нужно уходить как можно быстрее, пока еще не начались обложные ливни, но начальство за каким-то дьяволом выполняет приказы какого-то там штаба, направило броню и людей к Кремлю то ли для защиты, то ли для нападения – хрен разберешь.

Они бы давно ушли, но еда... Продукты выдавались только на сутки вперед, выдавали их в обрез – сэкономить и накопить никак не получалось. Начальство держало людей на привязи, ведь

прекрасно было понятно, что без еды, хоть на танке, хоть на БМП, в городе долго не продержишься и за его пределы не выберешься. А шанс выжить есть только за МКАД. Там концентрация мутантов значительно меньше.

То есть сейчас группе немыслимо повезло. Словно в лотерею выиграли. Можно было загрузить продукты прямо сейчас и рвануть из города. А можно – припрятать еду в этом доме, вернуться к комбату, доложить, что ничего здесь такого не было, запастись боеприпасами и горючим, а потом...

При любом из этих раскладов охранник был не нужен. И не потому, что сержанту он не понравился. Ничего личного. Группа будет молчать о находке, а охранник попытается выслужиться, будет трепаться... Ничего личного, мужик. Ничего личного.

Сержант уже почти решил пристрелить охранника, даже кобуру незаметно расстегнул, но тут в вестибюль спустился раскрасневшийся Петруха. Несло от него каким-то вином... неплохим вином. И карманы топорщились. А в глазах – счастье.

– А вы еще стол не накрыли! – возмутился Петруха. – Слышь, хозяин, а ты как-то так... жмот, что ли? Выставляйся, к тебе помощь прибыла... Печка у тебя есть?

– Да, вот, – спохватился охранник, встал со стула, на котором все это время сидел. – Походная печка с газовыми баллонами... Портативная... Что-то сварить?

– Да ладно! – махнул рукой Петруха. – Мы в сухомятку банкет устроим, чего там с кашей возиться... У нас тут вот... и ананасы, и рыбка... Ты, Исламов, всегда был шкурником и сейчас не подкачал... все жрешь и жрешь... Ветчина вот... Давай накрывай...

– Я тебе где сказал находиться? – тихо спросил сержант.

– Так там Егорыч, – искренне удивился странному вопросу Петруха. – И никого там больше нет. Мутанты по сухому не ходят, ты же в курсе. И на пустую машину им наплевать... Егорыча вполне можно сюда звать. Зуб даю, сержант!

Сержант задумался.

Было, конечно, все это вопиющим нарушением дисциплины, но с другой стороны, то, что он собирался сделать, – тоже слабо вписывалось в дисциплинарный устав. Пора потихоньку привыкать к новым отношениям. Не воинское подразделение, а ватага. Бригада дезертиров.

– Ладно, – сказал сержант. – Зови. Исламов и Крымов – займитесь столом. Особо не шикайте. Вы меня поняли?

– Поняли они, поняли! – засмеялся Петруха, подошел к лестнице, высунул голову в дверной проем и заорал: – Егорыч! Егорыч! Давай сюда. Амнистия вышла!

Сержант, прищурившись, посмотрел Петрухе в затылок. Придется с ним что-то делать. Иначе он совсем развалит группу. И остальным будет неплохой пример дисциплины нового типа.

Парни быстро расставили на столе охраны вскрытые консервные банки, выпивку сержант раскупоривать запретил. Не хватало, чтобы кто-то учуял благоухание, когда группа вернется. А возвращаться придется – хоть на день, хоть на два.

Пришли Петруха с Егорычем, Брысь и Анюта перенесли к столу стулья из подсобки.

Сержант хотел вывести охранника из вестибюля еще до еды, но потом решил, что ладно, пусть поест напоследок. Тем более что он сказал о припасах, которые есть еще где-то в доме. Лучше уж пусть он все сам покажет, чем заново обыскивать квартиру за квартирой.

– А я хотел уже сам уходить, – сказал вдруг охранник.

– Ага, – кивнул Петруха, – пешком. Самое то.

– Почему пешком? На машине. В гараже стоит внедорожник, баки полные. Если поискать, то можно горючку в других машинах найти. – Охранник как-то странно улыбнулся. – Только на колесах сейчас далеко не уедешь. Вы «Уралы» перед домом выдели? Резины на колесах вообще не осталось, все крысы сожрали. Ладно люди с ума от вируса сходят, со зверьем что творится?

Птицы меня чуть не заклевали, мыши летучие... Я боялся, что крысы прямо сюда ворвутся... Нет, на колесах далеко не уйдешь. Вот на гусеницах. Как на вашем БМП.

– Это да, наш танк – это классная тачка! – кивнул Петруха, подцепив ножом кусок ветчины в банке. – Как это называется, Анюта?

– Трендовая, – подсказал Анюта.

– Во-во, трендовая. – Петруха прожевал ветчину и полез за следующим куском. – Мы на ней можем... Да куда угодно можем. Она, тварь, горючки жрет до хранища, зато...

– Вот и я так подумал. – Охранник к еде не притронулся, стоял чуть в стороне от стола, скрестив руки на груди. – И прикинул, что если мои сигналы заметят, то пришлют что-нибудь на гусеницах. Вы пришли к Кремлю позавчера?

– Угу. – Петруха вытер руку о штаны. – Позавчера днем, а что? Ты с балкона заметил?

Сержант внимательно посмотрел на охранника – что-то в нем изменилось. Ушла угодливость, желание понравиться, услужить. И тон изменился, стал спокойным, словно не вооруженные парни здесь все контролируют, а этот высокий крепкий мужик в форме охранника. Движения – точные и рациональные, голос... голос не мог принадлежать какому-то охраннику. Голос человека привыкшего, что с его мнением считаются.

– Значит, пришлют сюда что-то гусеничное. Скорее всего – БМП или БМД, так? Могли еще какую-нибудь спецмашину, но это вряд ли. Вероятность небольшая, – спокойно продолжил охранник. – И машина будет одна – незачем для разведки отправлять несколько.

– Целый эскорт для тебя...

– Сколько может быть человек в БМП? Не больше восьми. А в нынешних условиях – наверняка меньше. А если даже и восемь – это будут спецназовцы? Вряд ли, сейчас не до жиру. Вы же все заражены, ведь так? – Охранник усмехнулся, обводя взглядом сидевших вокруг стола. – Каждый из вас подцепил заразу...

Петруха выругался и отодвинул консервную банку.

– Пасть закрой, – посоветовал Анюта. – Что ты про это вообще знаешь?

– А что тут знать? Все, кто не спрятался, заразились. Кого сразу выкосило, кого в уродов превратило...

– В мутантов, – сказал Крымов.

– Что?

– Велено именовать мутантами, так правильнее.

– Хорошо, мутантами. Вот где-то треть народу стало мутантами. И продолжает становиться. У вас как этот вопрос решили?

– Никак. Следим друг за другом... если началось, то...

– Пулю в голову – для лучшего друга, – кивнул с пониманием охранник. – Это очень спланирует боевой коллектив. Смешно, наверное, когда все это в машине происходит, на ходу. Сидишь, а приятель вдруг биться начинает, пену пускать... А ты прикидываешь, как его грохнуть... Красота!..

– Я тебе сейчас... – начал заводиться Брысь.

Судя по наколкам на руках, в армию он затесался уже после катастрофы. Приткнулся, чтобы выжить в компании. И ему совершенно не нравилось, что какой-то фраер говорит ему прямо в лицо подобные вещи. Заткнуть, чтобы...

– Не мешай ему, – сказал сержант. – Пусть говорит.

– Значит, восемь вооруженных парней, – как бы в задумчивости произнес охранник. – Уверенных в своем превосходстве. А тут им навстречу – туповатый мужичок, не понимающий, какое сокровище по нынешним временам имеет. Кто-то станет ожидать от него подвоха?

– А нужно? – спросил молчавший до этого Егорыч.

– А что, можно как-то иначе? – в тот ему ответил охранник. – Меня же ваш командир приговорил почти с ходу. Убрать, чтобы не путался под ногами. Не так, сержант?

Сержант не ответил.

Автомат стоял у стола, кобура была расстегнута, а пистолет снят с предохранителя – все под рукой, все можно использовать через секунду, но как-то это перестало успокаивать. Совершенно не вызывало чувство уверенности.

И похоже, нечто подобное испытывали остальные ребята.

Петруха нож не выпускает из руки, рука Анюты легла на автомат...

– Значит, меня вы убьете, какие проблемы? Совсем никаких. Продукты повезете своему начальству? – Охранник покачал головой. – Нет, не повезете. Себе оставите. А потом... Бежать потом, ясное дело. Что вы в этой армии забыли? Бежать. Только вы не знаете куда. Вы этого не решили. Подальше от Москвы? В деревню, в глушь, в Саратов? Вы – не решили, а я... Я знаю точно, куда нужно прорываться.

– И куда это? – спросил Брысь.

– Тут недалеко. На северо-восток. А потом – дальше.

– Куда дальше? – В голосе Петрухи прозвучала искренняя заинтересованность. – Точно знаешь – куда?

– А иначе зачем бы я затевался со всем этим? Продукты кому попало скармливал? Мне нужна гусеничная машина. В идеале – две машины, но тут выбирать не приходится. Мне нужны люди – в одиночку я, пожалуй, не справлюсь... – Охранник сделал паузу, и в вестибюле зависла тишина, липкая и студеная, тонкими паутинками легла на лица людей, на руки, сковала движения.

Все ждали, что этот странный охранник скажет еще. Ждали, будто от его слов зависела жизнь каждого из них. А может, так оно и было.

– С вами можно было бы договориться... – задумчиво произнес охранник. – Не со всеми – с сержантом, например, нельзя. Он уже принял решение, наметил какой-то план... Я не знаю, насколько этот план хорош, но что-то мне подсказывает, что мой – лучше. Для меня, во всяком случае.

Можно выхватить пистолет и выстрелить, подумал сержант. Только вот выглядеть это будет нелепо – вдруг запаниковать и пристрелить безоружного. Особенно после того, как он четко отделил сержанта от его людей. С ними договориться можно, а вот с сержантом... Кричать, чтобы он заткнулся? Так ведь и самому интересно услышать подробности его плана.

– И я бы договорился со всеми... – Охранник дернул щекой, как от боли. – Времени нет. И нет необходимости... Меня учили, что говорить правду – не всегда лучшая политика. Но вам я скажу – мне не нужна вся ваша группа. Я смогу вывести с собой только двоих. Скажем, вот его... Петруха, да?

– Петруха... – кивнул пулеметчик.

– И, возможно, Егорыча. Вы же в паре работаете? Хотя вот уголовник мне бы подошел больше.

– А остальных что? – хриплым голосом спросил Анюта.

– В расход, – спокойно ответил охранник. – Вы же меня грохнули бы не раздумывая, ведь так? Так что – ничего личного...

Сержант вздрогнул.

Ничего личного. Вот фраза к нему и вернулась.

– Бодливой корове бог рогов не дает, – пробасил Крымов. – Ты так здорово все расписал, только...

– Что – только?

– Вначале нужно считать научиться. Нас – семеро.

– И?

Крымов не успел ничего сказать – охранник вдруг оказался возле него и ударил в горло. Крымов захрипел и стал сползать со стула.

– Шестеро, – сказал охранник, продолжая движение вдоль стола. – Пятеро...

Исламов упал лицом на стол, задергался, разбрасывая банки. Его собственный нож торчал у него из шеи. Кровь потекла на стол.

Сержант рванул из кобуры пистолет, вскинул его, но резкая боль обожгла руку, пистолет выпал, ударился о мраморный пол.

– Не нужно, сержант, не нужно... – Охранник зацепил командира группы за воротник и швырнул прочь от стола. – Четыре...

Нож, непонятно откуда вдруг оказавшийся в руке охранника, описал полукруг, рассекая горло Аняте, который схватил, наконец, автомат, но выстрелить не успел.

– Спать! – приказал охранник. – Остальным я делаю предложение. Мне нужно два человека... Два.

Выстрел. Еще один.

Охранник замер – стреляли не в него, стреляли в Петруху. Брысь сообразил, что вариантов у него немного. Брысь всегда быстро соображал, только вот двигался не очень быстро. Ему бы ножом ударить, как он умел делать раньше, еще в той жизни, до катастрофы. А он решил стрелять. И промахнулся. Два раза промахнулся, хотя до Петрухи было всего метра полтора.

Петруха прыгнул в сторону, пригибаясь, поскользнулся в крови, упал, перекатился, пытаясь дотянуться до пистолета сержанта, но не успевал, не успевал... Брысь что-то закричал, взревел, словно зверь, почувствовавший кровь...

Автоматная очередь пробила его насквозь, пули, прошив живот, разбили несколько декоративных плит на стене вестибюля.

Егорыч так и не встал со стула, стрелял сидя, держа автомат чуть ли не на коленях. Брысь замер, потрясенно глядя на своего убийцу.

– Мы с Петрухой давно в паре, – сказал Егорыч. – Ты уж извини...

Брысь выронил автомат. Потом упал.

– Сука, – сказал Петруха, попытался встать, но поскользнулся в крови снова и приложился лицом о мрамор пола. – Твою мать.

Охранник рывком за ворот поднял его, поставил на ноги.

– Тебе двое были нужны? – задыхаясь, спросил Петруха. – Вот, мы двое...

– Двое, – кивнул охранник. – И еще один.

Сержант пытался зажать рану на руке, но кровь текла между пальцев.

– И еще один... – протянул Петруха.

Егорыч навел автомат на сержанта, но охранник отвел оружие в сторону:

– Пусть Петруха.

Сержант опустился на колени – голова кружилась, ноги не держали.

– Петруха, Петруха... – протянул Петруха, поднимая автомат к плечу. – Почему чуть что – Петруха?..

Пуля пробила сержанту голову, тело упало.

– Двое, – сказал Петруха. – Как и договаривались...

– Двое, – согласился охранник.

Дернулся и затих Исламов, сполз со стола.

– Покойников нужно выбросить на улицу, – сказал охранник. – Только аккуратнее открывайте дверь – чтобы на уродов... на мутантов не напороться. Вопросы есть?

– Нету вопросов, – ответил Петруха. – Все понятно. И кто начальник – тоже понятно. Звать-то тебя как?

– Янычар.

Кремлевские звезды уже давно не горели. Днем, когда солнце их освещало, при желании еще можно было себе представить, что они светятся, но ночью их либо не было видно вообще, либо просто чернели силуэты на фоне звездного неба.

А потом по Кремлю стали стрелять.

Янычар вначале даже не поверил своим глазам, когда первое дымное облако поднялось над башнями и куполами. Понимал, что это взрыв, но как-то механически продолжал верить в незыблемость и вечность зубчатых стен. Потом докатился звук взрыва.

Вначале – выстрел из пушки, потом – грохот разрыва. Били почти в упор, если судить по разнице по времени между взрывом и выстрелом. Прямой наводной, прикинул Янычар.

Странненько, сказал Янычар.

Кто-то снаружи ломится в Кремль, чтобы... А для чего, собственно, кому-то могло понадобиться пробить себе дорогу за стены? Единственный на сегодняшний день важный объект на территории Кремля – правительственный бункер. Внутри все равно никого не пустят, а просто так разрушать...

Нет, месь, конечно, дело святое, но не настолько, чтобы ради нее лезть в самый центр кишащей уродами Москвы, вместо того чтобы вырваться наружу, прочь из отравленного мегаполиса.

Кажется, били танки. Еще были пушки калибром не меньше ста пятидесяти двух миллиметров, скорее всего, самоходки. В упор, в упор!

Ночью над Кремлем сверкали трассеры, небо было подсвечено багровым огнем пожара. Даже привычные уже горящие дома по всей Москве как-то терялись на фоне горящего Кремля. Или это была иллюзия и особую яркость этому пожару придавала мысль о том, что именно горит.

Янычар прикинул варианты, которые новое обстоятельство создавало для него, и вдруг понял, что ему нужно быть там, возле Красной площади. Не то чтобы он всю жизнь мечтал пострелять по Спасской башне или разнести вдребезги Боровицкую. Оттуда, от Кремля, начинается дорога к выходу из Москвы. Для Янычара, естественно.

Он уже давно понял, что дом стал для него не только и не столько убежищем, сколько комфортабельной ловушкой. Янычар по инерции продолжал... нет, не обживать шестнадцатизэтажку, а оборудовать ее, совершенствовать оборону.

Квартиры были очищены от трупов, их Янычар без лишней сентиментальности просто выбрасывал с балконов, предоставляя уродам возможность самим подчистить улицы. В ходе чистки выяснилось, что в двух квартирах все еще обитали уроды, в одной двое – Янычар удивился, почему они не сожрали друг друга, а во второй квартире урод был один, бывший охранник владельца сети продовольственных магазинов.

Его Янычар расстреливать не стал.

Показалось интересным выяснить, можно ли в рукопашную завалить неутомимую и малоуязвимую тварь. В конце концов, патроны могут закончиться или ружье заклинит. Лучше бы заранее знать, какие шансы есть выжить в драке, или лучше сразу пускаться наутек.

Оказалось, победить можно.

При жизни телохранитель с многозначительной кличкой Кость, возможно, и владел какими-то приемами рукопашного боя, но на своем новом этапе существования он все больше стремился вцепиться в противника, повалить на пол или дотянуться зубами до его тела.

Сломанная рука драку не остановила, урод просто не обратил внимания на то, что может драться только одной конечностью. А Янычар порадовался, что особой прочности кости уroda в

результате воздействия вируса не обрели. Главное было не рассчитывать на то, что урод замешкается хоть на мгновение, получив увечье.

Кость, например, не остановился, дернулся в сторону, доламывая треснувшие кости правой руки, и ударил наотмашь Янычара по лицу. Промаяхнулся на какие-то миллиметры, ударил снова, рванулся в сторону, высвобождая сломанную руку, и прыгнул, метя зубами в лицо.

Янычар шагнул в сторону и всадил нож Кости в голову, под нижнюю челюсть. Почувствовал, как лезвие пробило небо урода и уперлось в крышку черепной коробки. Даже показалось, что послышался скрежет стали по кости. Урод дернулся, словно не хотел умирать, замер, удерживая равновесие, и Янычар вдруг подумал, что это сейчас вирусы, заполонившие тело бывшего телохранителя, вцепились друг в друга, выстроились цепочками, чтобы удержать, не дать своему новому обиталищу упасть и погибнуть.

Янычар выдернул клинок и ударил снова, в затылок.

Урод рухнул как подкошенный.

Такие дела, сказал Янычар, переводя дыхание.

Одного урода, пожалуй, можно уработать даже без огнестрела, а вот если их будет хотя бы два... Бой заранее обречен на поражение. Не подходит.

Это значило, что в одиночку да пешком из города будет не выбраться. Москва большая... И несколько миллионов хрипящих тварей, подвижных, малоуязвимых, не понимающих, что такое страх.

Можно было попытаться идти от убежища к убежищу. Небольшими рывками преодолевать расстояние от дома к дому, прячась там от уродов, но это был очень длинный и слишком долгий маршрут. Рано или поздно закончится еда. И тогда... Тогда шансы выжить упадут до нуля.

Янычар как раз сидел на крыше возле пентхауза, пил теплое пиво и смотрел на Кремль, когда там прогремело в первый раз.

Там были военные. И было этих военных много, раз уж они смогли пробиться от окраин в самое сердце Москвы. И это значило... Это много чего значило.

Например, сейчас по городу проложена дорога, свободная от легковушек и городского транспорта. Военная техника все это разгребла, раздавила, смяла и отбросила к обочинам, иначе просто не пробилась бы к Кремлю.

И если понять, откуда техника шла, то можно попытаться выбраться на эту дорогу и рвануть по ней на хозяйском внедорожнике. Наверное, не очень далеко. Скорее всего, воинская часть оставляла блокпосты на мостах, на путепроводах, на дорожных развязках и перекрестках. Удержать коммуникации и пути отхода – это азбука. Никто не станет бросаться в пекло очертя голову. Значит...

Янычар попытался припомнить еще один стишок из детства, тот, в котором вся советская земля начинается с Кремля, но не смог. Вылетел стишок из головы. И бог с ним. Понятно, что нужно добраться туда, к этой странной воинской части, штурмующей красные зубчатые стены. Нужна броня, нужно мясо. По возможности – живое, вооруженное, умеющее стрелять.

В одиночку к Кремлю не попасть. Значит, нужно вызвать кого-нибудь сюда. Вариант первый – световые сигналы. Сейчас мало кто станет размахивать фонарем в ночи, это может привлечь внимание и вызвать разведгруппу. Если не сработает это, можно было начать постреливать из пулемета в сторону Спасской башни. У Молодого хозяина в оружейной комнате были патроны с трассирующими пулями, две полные ленты.

Как крайний вариант – сгодится, но лучше, чтобы прибывшие к дому застали в нем не мужика с пулеметом, а туповатого охранника, горящего желанием угодить и понравиться.

Должно сработать, сказал себе Янычар, а когда и вправду сработало, даже немного удивился. Хотя, казалось бы, пора уже было разучиться удивляться по какому-либо поводу, а

просто жить. Жить-жить-жить-жить...

Как можно дольше.

Петруха и Егорыч быстренько управились с телами. Продукты Янычар приказал загрузить в БМП и тщательно прикрыть брезентом, чтобы кто-нибудь случайно не наткнулся, все лишнее оружие сложили в оружейную комнату. Код на замке оружейки и самой квартиры Янычар набрал, демонстративно прикрыв кнопки от солдат. Те даже не обиделись.

Они приняли решение, скрепили договор кровью и не собирались уходить с этого пути. Переодевшийся в форму Янычар произвел на них должное впечатление. Петруха избегал смотреть Янычару в глаза, а Егорыч вообще старался держаться чуть в стороне, словно боялся лишний раз привлечь к себе внимание страшного и непонятного человека, сумевшего за пять минут сделать из него и его приятеля своих слуг. И сумевшего в одиночку убить трех вооруженных солдат.

С таким лучше быть на одной стороне, не сговариваясь, решили Петруха и Егорыч. Петруха даже попытался вернуть драгоценности, которые нашел в пустой квартире, и пачку потрепанных долларов попытался сдать, но Янычар отмахнулся, нужно – пусть останется тебе.

Версия произошедшего для начальства была придумана простая и в нынешних условиях вполне реалистическая. Группа военных окопалась в здании, заметив стрельбу, решила присоединиться, стала подавать сигналы. Когда прибыл сержант со своими людьми, группа как раз отражала нападение уродов... Мутантов, снова поправил Петруха. У нас говорят – мутантов.

– Мутантов, – не стал спорить Янычар.

В ходе боя понесла потери и группа военных, и люди сержанта. Уцелели только трое.

Поверить в это было просто, начальство, командир батальона, майор с красными от дыма и бессонницы глазами и сорванным голосом, поверил сразу, тем более что у него совершенно не было времени размышлять и анализировать. Он был занят. Собственно, все были заняты – все стреляли по Кремлю: несколько самоходных гаубиц, танки, БМП. Стволы выбрасывали снаряды в сторону Кремля, торопясь, будто пытаясь не просто его разрушить, а смешать с грязью, превратить в гору щебня.

Все снаряды попадали в цель, до стен и зданий было всего несколько десятков метров, даже крупнокалиберные пулеметы в бэтээров и танковых башен дробили красный кирпич Кремля.

– Я пришлю вам людей в БМП, – прохрипел майор, наклонившись к самому уху Янычара. – Пока нет дождя...

Майор поднял голову, взглянул наверх, подставил ладонь и выругался – дождь как раз начинался.

– Все – в машины! – крикнул майор. – Все – в машины!

Голос комбата утонул в грохоте выстрелов и разрывов, но кто-то врубил ревун, и низкий вибрирующий стон заполнил вязкой тягучей массой площадь, освещенную огнем пожаров.

Люди бросились к бэтээрам, БМП, танкам и грузовикам. Крик, шум, ругань. Стрельба по Кремлю разом прекратилась, сквозь рев сирены было слышно только, как стучат подкованные ботинки по булыжникам, как матерятся люди, пытаясь как можно скорее укрыться под броней или хотя бы в кузовах грузовиков, как хрипят они...

Нет, не они.

Янычар сидел на краю люка, услышав знакомый до отвращения хрип, оглянулся и увидел, как из руин домов выливается темная масса. Янычар понимал, что уродов... мутантов должно быть много. Он и видел их десятки и десятки, но чтобы их было ТАК много – он даже и не представлял.

Сотни, тысячи, может, миллионы рычащих и хрипящих тварей неслись из темноты к освещенным горящим Кремлем машинам.

Сирена замолчала, стали слышны крики людей, мечущихся между боевыми машинами.

Солдаты притаились, те, кому не хватило места под броней или перед кем просто захлопнули люки испуганные товарищи, побежали к Кремлю, к побитым, исковерканным, рушащимся стенам. К огню, в надежде, что мутанты к нему не полезут.

Первыми ударили автоматы и пулеметы с грузовиков – солдатам в кузовах нельзя было подпустить мутантов к машинам, иначе бой превратился бы в бойню. Башни танков, БМП и бэтээров развернулись навстречу к подкатывающей волне.

Янычар затащил двоих солдат на броню БМП, убедился, что все остальные люки закрыты, после чего спустился в утробу боевой машины сам, как командир подводной лодки перед погружением.

Егорыч, сидевший на месте стрелка-оператора, открыл огонь.

В броню что-то ударило, послышались частые лихорадочные удары.

– Триплексы побьют! – крикнул Петруха с места водителя. – И прицел к чертовой бабушке.

– А ты не стой! – закричал в ответ Янычар. – Ты давай по кругу. По кругу, сильно не рви, на булыжниках и на кишках может занести, так ты попробуй аккуратно. Увидишь, что стреляет кто-то, пройди под пулеметный огонь. Только не под КПВТ...

– Не учи... те, – буркнул Петруха и рванул машину с места. – Вот как горючка закончится.

Егорыч стрелял длинными очередями, мутанты были везде, промахнуться было трудно – все вокруг кишело уродами, они лезли на машины, цеплялись за поручни, пытались добраться до грузовиков, но плотный, хоть и суматошный огонь из кузовов не давал им этого сделать.

Пороховые газы заполнили БМП, запершило в груди.

– Весело тут у вас, – сказал Янычар, откашлявшись.

– Ага, – подтвердил дрожащим голосом один из спасенных. – Обхохочешься. Меня Сергеем зовут, мобилизованный. А он – Рустам. Тоже прибил к военным...

– А что делать? – спросил Рустам. – Никуда ведь не денешься. Кто, кроме военных, тут еще есть?

Рустам развел руками, автомат выпал, Рустам попытался его подхватить, дернулся и, приложившись головой к броне, выругался.

– Не, говорят, что в высотках и просто люди уцелели. В универе, например. – Сергей вздохнул и с опаской посмотрел на люк, в который как раз колотили чем-то металлическим. – Я хотел в университет прорваться, но наскочил на военных, и меня вот... мобилизовали...

БМП занесло, повело боком, гусеницы заскрежетали по булыжникам, и Янычар подумал, упершись рукой в броню, что вот сейчас слетят гусеницы ко всем чертям. Или какой-нибудь трак лопнет, не выдержав. И все, и придется искать новую машину, а это возможные проблемы.

Машина остановилась, снова мутанты стали лупить чем-то по броне, Егорыч торопливо перезаряжал пулемет, несколько пуль ударило снаружи в борт БМП, с визгом отлетели. Кто-то решил поддержать БМП с заглушим пулеметом или просто стрелял во все стороны, особо не выбирая цели.

– Какого хрена мы тут вообще торчим? – ни к кому не обращаясь конкретно, спросил Янычар.

БМП снова тронулась с места, несколько раз крутанулась на месте. Петруха, в общем, неплохо справлялся с обязанностями механика-водителя.

– А ты не в курсе? – Сергей оскалился в улыбке, как человек, наткнувшийся, наконец, на свежего слушателя. – Антивирус там есть, прикинь!

Снова длинная очередь звонко ударила в БМП. И еще одна.

– Антивирус? – удивился Янычар.

– Ага! Мне один военный сказал – был радиоперехват, эти сволочи в Кремлевском

бункере... у них, значит, есть человек, который изготовил антивирус. Или вот-вот изготовит. В общем, если мы их прижмем, то все выживем. Пусть они поделятся, гады. Каждый получит по прививке – и живи не хочу. Классно?

– Классно, – кивнул Янычар. – То есть вот так просто – берешь человека, он тебе варит антивирус...

– Ну... – Сергей замялся. – Где-то так.

– Хорошо, – сказал Янычар.

Значит, антивирус. И эти сволочи, которые так удачно спрятались от заразы прямо под Кремлем, имеют возможность спасти всех уцелевших. И не хотят этого? Странно. По радио свободно переговариваются об этом, словно не понимают, что их могут легко услышать и что такая информация неизбежно привлечет... да, собственно, уже привлекла к себе внимание.

Пулемет в башне дал еще очередь и замолчал.

– Что там? – спросил Янычар.

– Все, – ответил Егорыч. – Противник отступил.

– Они тупые-тупые, а как наталкиваются на плотный огонь – врассыпную сразу. Не хотят умирать, видите ли. Хотя казалось бы... – Петруха громко выругался. – Нам еще один триплекс снесли, мать его так. И хрен поймешь – мутанты с палками или военный из пулемета. Скоро совсем ослепнем.

Янычар открыл люк, выглянул, обвел взглядом пространство вокруг.

Мертвых тел на мостовой не было. Уроды утаскивают тела с собой, чтобы потом перекусить в каком-нибудь подвале. Дождь уже прекратился, языки пламени за полуразрушенной стеной отражались в лужах. Слева донесся гулкий выстрел гаубицы. Начали работать самоходчики.

– А если они убьют ненароком того человека, что знает про антивирус? – спросил себя Янычар. – Что тогда? Как-то все это...

Неправильно все это было. А кроме того, у Янычара уже сложилась картина нового мироздания, в которой вирус убивал, а люди умирали, мутировали или выживали по мере способностей... Антивирус в эту картинку никак не вписывался.

Зачем нам антивирус? Нам антивирус не нужен. Мы ведь умираем. Каждый умирает, кто быстрее, кто медленнее...

На броню вылез Петруха.

Посмотрел на грузовик, стоявший метрах в двадцати. Мутанты до него не добрались, но чья-то пулеметная очередь ударила по кузову, выкосив несколько человек. Кто-то истошно кричал, просил добить. Из кузова выбрасывали мертвые тела, они падали на мостовую с глухими ударами, будто мешки с песком. Кажется, раненым перевязывали раны – в неверном отсвете пожара разобрать было непросто.

– Как-то мне все это надоело, – сообщил Петруха. – Вот по самое не могу уже стоит. Я, если хочешь знать, этот Кремль уже видеть не хочу. Блевануть тянет...

Петруха перебрался поближе к Янычару и, понизив голос, спросил:

– Когда уходить будем?

– Уходить... Лучше бы засветло. Но мне нужно две БМП. – Янычар показал два пальца, словно боялся, что Петруха не поймет. – И людей человек тридцать, на броню. Во внутрь машин – боеприпасы, как можно больше. Заправку организовать сможешь?

– Ты че, планируешь из Москвы на танках прорываться? Не получится. Там, понимаешь...

– Рот закрой, – тихо посоветовал Янычар. – Ты сможешь найти людей и заправить машины?

– И что я им скажу? – поинтересовался Петруха обиженно.

– А так и скажи, что есть вариант. Что я знаю место, где можно укрыться, пока все тут закончится.

– Поговорить-то можно, только... – Петруха неуверенно pokrutil головой. – Кто захочет от антивируса уходить? Никто не захочет. Вот тут начнут его раздавать не сегодня, так завтра...

– Нет никакого антивируса. – Янычар произнес эту фразу уверенно, будто и в самом деле знал все наверняка. – Думаешь, если бы кто-то его имел, то стал бы об этом по рации трепаться? И полагаешь, ты будешь в очереди одним из первых на прививку? Хрен тебе, Петруха. Вначале – президент и его администрация, потом генералы, потом... И в самом конце – ты. Сколько времени понадобится, чтобы столько доз сварить? За день управятся? Или за месяц? Ты подумай, подумай...

Рявкнула танковая пушка, Янычар поморщился и почесал ухо.

– Значит, тридцать человек хватит? – спросил, подумав, Петруха.

– Плюс-минус.

– А говорил, что нужно двоих...

Янычар достал из кармана куртки сигары, одну протянул Петрухе, вторую закурил сам, откусив кончик.

– Ты про Амундсена слышал? – ленивым тоном спросил Янычар, выпустив струйку дыма.

Гаубицы теперь стреляли не переставая, им вторили танковые орудия со стороны Боровицкой башни. Зубцы на стене разлетались осколками, огненные кусты вырастали среди зданий Кремля.

– Так я спрашиваю – ты про Амундсена слышал?

– Нет, а кто такой? – Петруха справился со своей сигарой и сел, опершись спиной о башню, пропустив ствол пушки под руку. – И с каких хренов я его должен знать?..

Что-то в Кремле взорвалось, выбросив высокий столб огня, отороченный черным дымом. Несколько мелких камешков упало на мостовую возле БМП, один звонко цокнул по броне у самой ноги Янычара.

– Он первым достиг Южного полюса, – сказал Янычар. – До него никто не смог, а он – добрался.

– И что?

– Ничего. Они ведь не на машинах и вездеходах ехали, а на собаках. – Янычар убрал ногу, люк открылся, – и двое приблудившихся солдат – Сергей и Рустам – выбрались наружу.

– Так мы пойдем? – неуверенно спросил Сергей.

– Можете остаться, – сказал Янычар.

– Серьезно? – обрадовался Сергей. – Здорово! А то я в кузове грузовика как-то это... Не могу больше. Не поспишь толком... Я за вещами смотаюсь – и назад.

– Смотайтесь-смотайтесь, – кивнул Янычар. – У меня еще есть места на троих. Но только чтобы толковых и не храпели...

– Ясно. Сделаю. – Сергей прыгнул с БМП. – Я быстро.

– Ты со жратвой что-то сообрази! – крикнул ему вдогонку Петруха. – Скажешь – на всю группу сержанта Иванова. На всю! А свою пайку и Рустама – отдельно. Усек?

– Понял! – Сергей и Рустам побежали вдоль машин.

– Так что там с собаками, говоришь? – Петруха сунул руку под куртку и поскреб ногтями. – Нужно было выкупаться в твоём доме, пока была возможность...

– Нужно было, но ты жрал, – пожал плечами Янычар. – А с собаками была проблема. Чтобы добраться до полюса, нужно было ехать на собаках. Чтобы они бежали – нужно везти для них припасы. Чем больше собак – тем больше припасов, чем больше припасов – тем больше собак. Получался замкнутый круг. Понятно?

– Понятно. И что твой Расмунсен?

– Амундсен. Руаль Амундсен. Он придумал простую штуку. Вначале собаки тащат сани с

грузом, их кормят мясом из запасов. Все время часть провизии оставляют на временных складах. А потом некоторых собак пустили на корм для остальных. Они бегут, жрут своих и снова бегут. Для последнего рывка к полюсу оставили собак только на одни сани. Ну, а обратно уже ехали от склада к складу, налегке. Такие дела.

Янычар ожидал, что Петруха станет задавать какие-нибудь дурацкие вопросы, но тот сосредоточенно молчал, выпуская кольца дыма изо рта.

– Значит, собаки господина Амундсена? – изрек наконец Петруха.

– Именно, – кивнул Янычар.

– Сколько, говоришь, нужно человек на первый рывок? Десятка три?

– Около того.

– Сделаем. Я поговорю, Егорыч поговорит. Мы быстро.

Но совсем быстро не получилось.

За ночь мутанты еще трижды атаковали военных, причем в третий раз их прозевали, началась резня у самых грузовиков. Два танка рванулись давить мутантов, кровавые брызги летели во все стороны, оторванная рука застряла в траке и шлепала по мостовой всякий раз, когда гусеница делала полный оборот.

Янычар чуть не попался, как раз отошел чуть в сторону, чтобы помочиться, бросился к БМП, наперерез ему метнулись несколько мутантов. Двоих Янычар расстрелял из автомата, остальные уже почти настигли его, когда четверо солдат, которых привел Сергей, вклинились между Янычаром и мутантами и открыли огонь из автоматов длинными очередями в оскаленные рожи. А через несколько секунд БМП поехала вперед, расстреливая уцелевших мутантов из пулемета.

К утру два БМП забили ящиками с патронами и гранатами, залили горючее в баки по самую горловину. Три десятка солдат топтались рядом с машинами, вроде как случайно оказавшись в одном месте в одно время. Что им обещал Петруха, Янычар даже выяснять не стал, просто принял как данность.

– Слышь, Янычар, – Петруха дернул Янычара за рукав, – а нам танк нужен?

– Какой, на хрен...

– Настоящий, «девяностый». – Глаза Петрухи радостно блестели, он потирал руки и просто пританцовывал на месте. – Там есть один, бесхозный. Прошлой ночью командир танка... это... мутировал и добрался до наводчика. Мехвод уцелел, но ему все это во как надоело. Я ему намекнул, что могу рыжью подбросить. Две гайки и цепуру, граммов на двадцать. Он и повелся, лошара...

Петруха хихикнул.

– Только нужно быстро решать, а то слух пошел – скоро всех пошлют на прочесывание. А я как-то не хочу никого прочесывать. Я свалить отсюда хочу, а не какую-то группу противника в дохлом городе вылавливать, – Петруха сплюнул. – Так что... И вот те парни – тоже не хотят. Ты их выведи из Москвы, они тебе по гроб жизни...

Петруха замолчал, сообразив, что звучат его слова, мягко выражаясь, двусмысленно.

– В общем, собаки господина Амундсена на старте, – тихо и почти серьезно сказал Петруха. – Можно уходить. И танк нужен?

– Нужен, – кивнул Янычар. – Договаривайся. Как начнет светать – уходим.

– Это... – пробормотал Петруха. – Ты когда про маршрут скажешь? Хотя бы мехводам.

– Вначале – на Красную площадь, – сказал Янычар.

– На Красную площадь? – удивленно переспросил Петруха. – За каким-таким?..

– Попрощаться, – серьезно сказал Янычар. – Со всей прошлой жизнью попрощаться. Ты не против?

Люди медленно поднимались по лестницам. Женщины и дети. Офицеры и солдаты. Никто из них не кричал, не угрожал, не пытался броситься в драку – они просто шли, медленно переставляя ноги со ступеньки на ступеньку. Одновременно переставляли, словно были одним единым организмом... Или долго тренировались двигаться вот так – словно тщательно отлаженный механизм. Гигантская многоножка.

Женщины, дети, солдаты и офицеры.

Они не хотели добраться до горла полковника Иванченко, они не испытывали к нему ненависти – они просто хотели выйти наружу. Выбраться из проклятого, опостылевшего за долгие бесконечные недели бункера. Оказывается, просто спастись – мало. Нужно жить. Выживать день за днем в герметических стенах, в тесноте, среди быстро надоевших лиц. А это оказалось непосильным трудом. У них не было сил, чтобы терпеть.

И самое главное – у них не было цели. В океанском плавании, пусть даже самом долгом, люди, набитые в трюмы и каюты третьего класса, все равно уверены, как бы тяжело им ни было, как бы их ни терзали скука и безделье, рано или поздно они достигнут берега и выйдут на твердую землю.

Даже в Ноевом ковчеге люди знали, что весь этот потоп когда-то закончится...

А бункер... Бункер останется навсегда. Это они думали, что бункер останется навсегда, а полковник Иванченко знал, что это «навсегда» – только полгода. Шесть месяцев. А потом... Потом придется принимать решение, делать выбор. Придется выходить наружу, рискуя впустить вирус сюда, в бункер. Придется искать еду, горючее для генераторов... Или не придется, если вдруг окажется, что система обеззараживания не работает.

Люди поднимались вверх. Ступенька за ступенькой, пролет за пролет. Металлические ступеньки прогибались под человеческой массой, но не ломались.

Полковник Иванченко опер пулемет о перила лестницы верхнего пролета. Сто пятьдесят патронов в ленте. Полторы тысячи человек идут вверх. Одна пуля на десять человек. Он просто не сможет их остановить. Не сможет – может, не нужно и пытаться? Просто отступить в сторону? Просто дать им возможность выйти наружу.

Но ведь он знает, что ждет его... их всех наверху. Прекрасно осознает, что вирус не пощадит никого из идущих сейчас по ступенькам людей. Они не произносят ни слова, даже дыхания их не слышно, только звук шагов.

Стук-стук-стук-стук...

Иванченко огляделся по сторонам. Неужели никого нет рядом? Неужели безумие охватило всех, даже капитана Ермакова и невозмутимого Мухаметшина?

Черт. Черт-черт-черт...

Пулемет прижался прикладом к плечу полковника. Два лестничных пролета. Всего два пролета.

Иванченко вздрогнул – в первом ряду шла его жена, держа за руку сына. Она-то почему вместе со всеми? Она же знает... Она все понимает... И не пытается окликнуть мужа, а сын даже не смотрит на него, глядит сосредоточенно под ноги, поднимается со ступени на ступень.

Стук-стук-стук-стук...

Палец полковника лег на спусковой крючок.

Я не хочу подышать даже вместе со всеми, сказал, откашлявшись, полковник. Я не для того прошел через весь этот кошмар, чтобы вот так бездарно сдаться на милость человеческой глупости... Жена? Сын? Они ведь все равно умрут, когда распахнутся двери бункера. Я ведь

видел, как убивали друг друга люди из спецколонны... Я обрек их на смерть, чтобы спасти своих близких, своих подчиненных и их семьи... И не смог заставить спасенных жить.

А ведь те, в колонне, могли быть лучше приспособлены к обитанию в замкнутой вселенной бункера. Их старшие... Тот самый Утес смог бы заставить всех подчиняться и молча терпеть. Молча и покорно. У него бы не дрогнула рука... Пусть даже всего шесть месяцев. Пусть даже такой мизерный срок.

А у полковника Иванченко – не получилось. Он думал, что справится, что готов на все ради спасения людей, а потом вдруг оказалось, что даже сами люди не готовы... не хотят выжить любой ценой.

Ладно, сказал полковник. Как хотите. После первой длинной очереди вы остановитесь.

Когда первые ряды опрокинутся на тех, кто идет за ними, когда кровь и ошметки тел обрушатся на нижних, когда алые ручейки потекут по ступенькам... они остановятся. Они не могут не остановиться. Они побегут. Пусть боятся и ненавидят, лишь бы жили. Пусть ценой жизни его собственной жены и сына.

Иванченко нажал на спуск и закричал от ужаса и безысходности.

...И проснулся.

Сердце колотилось, все тело было покрыто потом, одежда промокла. Хорошо, что он лег спать в зале, а не в спальне, вместе с женой и сыном. Иначе опять разбудил бы их своим криком.

Иванченко сел на диване, что-то стукнуло об пол. Пистолет. Это безумие – держать взведенное оружие рядом с собой на постели, но полковник ничего не мог с собой поделать.

Полковник не думал, зачем ему сейчас пистолет. Зачем каждую минуту он держит пистолет в руке, оглаживая его металлическое тело. Отстреливаться, если кто-то попытается вломиться в его блок? Чушь, никто не сможет сломать двери, а взрывать... Взрывать что-то в бункере – себе дороже.

Тогда – застрелиться, подумал полковник. Пистолет «макарова» дается офицеру для самоубийства в случае необходимости, всплыла в голове старая, еще времен Советской армии шутка. Застрелиться? Это он успеет через шесть месяцев, когда закончится срок гарантированного спасения и придется играть в лотерею...

Полковник подобрал пистолет с ковра, встал. Надел куртку, неловко просунув руку с пистолетом в рукав. Спать все равно уже не хотелось, так лучше уж прогуляться, распуская бродящих по бункеру солдат.

Пистолет привычно лег в боковой карман куртки. Полковник его даже на предохранитель не поставил. Если понадобится, то можно просто вынуть пистолет из кармана и выстрелить. Проблема в том, что те, в кого Иванченко всадил бы пулю с особым удовольствием, находились слишком далеко.

Лидер, мать его так. Хитрая безжалостная сволочь, получающая, наверно, удовольствие от издевательств над людьми. Над полковником Иванченко. Сволочь.

Когда к бункеру прорвался бэтэр из бригады прикрытия и лейтенант Князев достал из-за пазухи конверт с пятью сургучными печатями, полковник почувствовал, как ледяная лапа сжала его сердце.

– Имею приказ зачитать сообщение вслух, – сказал лейтенант, показывая конверт камере наружного наблюдения. – Разрешите сломать печати?

Иванченко тогда вздрогнул и оглянулся на людей в зале, словно его застигли за чем-то недозволенным и постыдным.

Лейтенант ждал, держа конверт перед собой. Это был очень спокойный и уравновешенный офицер, все его движения были четки и рациональны, словно это не он только что прорвался сквозь толпу мутантов. Он ждал.

И офицеры в зале тоже ждали.

Им было интересно, что же такое находится в конверте, ради чего людей послали чуть ли не на верную смерть.

– Какой гриф на конверте? – спросил Иванченко в микрофон.

– Совершенно секретно, – сказал лейтенант.

– Всем покинуть помещение. – Полковник еле подавил облегченный выдох. У него был повод остаться с лейтенантом с глаза на глаз. – Всем выйти!

Дождь на улице стих.

Капли на броне бэтэра и на проволоке искрились в лучах прожекторов, словно праздничные гирлянды, придавая картинке на громадном оперативном экране некую абсурдность и нереальность.

– Я выключил запись, – сказал Угрюмов, выходя, и дверь за спиной полковника закрылась.

Черт, а он ведь совершенно забыл о том, что все, что попадает в поле зрения камер, записывается. Глупо могло получиться.

– Ладно, – сказал Иванченко в микрофон, – читай.

Лейтенант сломал печати, вспорол ножом бумагу и нитки конверта. Достал лист бумаги.

– Совершенно секретно, – прочитал лейтенант. – Коменданту объекта Узел-три, позывной «Леший». Вверенная мне бригада готова приступить к выполнению плана «Вариант Б». Время готовности – пятнадцать минут. Командир бригады полковник Аристархов.

– Все? – спросил Иванченко.

– Все, – кивнул лейтенант.

– И что такое «Вариант Б»?

– Не могу знать, – усмехнулся лейтенант. – Приказано передать, что получить подробную информацию можно у Лидера.

– У кого?

– У Лидера, – повторил лейтенант Князев.

– Понял, хорошо... – пробормотал полковник. – Ты дальше как?.. В смысле, что делать будешь?

– У меня семь человек в машине. Прошу разрешения остаться на территории объекта. – Лейтенант оглянулся через плечо на лес, темневший за рядами режущей проволоки, и стало понятно, что никакого желания вернуться назад у него нет. Во всяком случае, ночью.

– Сколько человек у тебя было... вначале? – зачем-то спросил Иванченко.

– Взвод. Три машины, двадцать пять человек.

– Что с остальными машинами?

– Я не знаю. Связь с первой прервалась на шоссе. Полагаю, кто-то из экипажа... кто-то превратился... мутировал. Вторая машина была атакована мутантами. По рации мне сообщили, что они вывели из строя приборы наблюдения на бэтэре, машина остановилась... застряла... – Лейтенант осекся и замолчал.

По-хорошему ему нужно сейчас вернуться за своими ребятами. Парни сидят в бэтэре, на броне которого беснуются мутанты, и ждут. Либо помощи, либо того, что кто-то из них прямо в машине превратится в безумного каннибала.

– У тебя с ними есть связь? – спросил после паузы полковник.

– Да, поддерживаю. Мы договорились, что я вернусь завтра, когда рассветет.

– Я не смогу тебе помочь... – тихо сказал полковник. – Людьми – не смогу. Можешь взять мои машины. БМП в ангаре, забирай хоть два, хоть три. На буксире ты застрявший бэтэр не утащишь. Далеко он?

– По шоссе от перекрестка двенадцать километров.

– Я же говорю – не дотащишь. Ладно, располагайся на ночевку в любом помещении... Лучше так, чтобы поближе к бункеру. Мало ли что с ограждением... – Иванченко сказал и еле сдержался, чтобы не сплунуть – не стоило о таком даже думать, не то чтобы говорить. – В общем, на складе остались продукты, можете использовать. Постели, кровати...

– Есть! – козырнул лейтенант. – Разрешите?..

– Да иди уже. – Полковник отодвинулся от микрофона.

Лейтенант постоял еще с минуту, размышляя о чем-то, потом резко повернулся через левое плечо и хлопнул ладонью по броне. Наклонился к откинутому бортовому люку и что-то сказал. Бэтэр взревел двигателем и, медленно развернувшись, двинулся вдоль ограждения в сторону жилого комплекса.

– Приказ «Вариант Б», – произнес полковник вслух. Проконсультироваться у Лидера. Что это значит? Какая-то очередная пакость.

И ведь устроено все неестественно глупо. У бункера нет прямой связи с командиром бригады прикрытия. Из штаба наверху можно было через сеть коммутаторов выйти на комбрига, но сейчас эта система не работала. Собственно, поэтому комбриг и прислал пакет таким образом.

Иванченко встал с кресла, подошел к двери зала, открыл ее.

– Все, можно заходить, – сказал полковник Угрюмову. – Я разрешил лейтенанту остаться ночевать в казармах... И он может забрать одну или две БМП из наших. Утром без моего ведома его не отпускайте. А я... Я схожу в центр связи. Да. Нужно... – «А чего это я объясняю, разозлился на себя полковник и махнул рукой». – Я убыл.

В центре связи полковник повторил процедуру, отправив дежурную смену в коридор. Сел за пульт.

Снял трубку и нажал сигнал вызова.

Лидер ответил сразу. Как будто он спит возле телефона, подумал полковник, глянув на часы. Давно уже пора баиньки, а он... Или он знал, что Иванченко сейчас будет ему звонить.

– Да, Сергей Иванович, – сказал Лидер своим обычным приветливым тоном. Просто не человек, а новогодняя открытка.

– Я только что получил пакет... – Иванченко вздохнул. – О «Варианте Б».

– Значит, доставили! – обрадовался Лидер. – Отлично! И вас, естественно, заинтересовал этот самый вариант, который Б.

– Мне рекомендовали узнать у вас...

– Собственно, если бы вы озаботились знакомством со всем набором инструкций для коменданта Узла-три, то нашли бы расшифровку этого обозначения. Но так и быть... Вы в курсе, что такое «Тюльпан»? Самоходный миномет в двести сорок миллиметров...

– Я в курсе. – Полковник прервал Лидера, потому что был не в настроении слушать его жизнерадостный голос. Не в настроении и не в состоянии.

– Ну, в курсе – значит в курсе. И ты в курсе, что может сделать батарея «Тюльпанов» с, например, твоим бункером. В курсе?

Иванченко не ответил.

– Молчание – знак согласия. – Голос Лидера стал жестким и холодным. – Так вот, бригада прикрытия выполняет не только функции прикрытия... Не так. Не только тебя она прикрывает, полковник. В нашем непростом мире никто никому не доверяет. Лучший способ вести дела – это держать партнера за яйца. Крепко и жестко. Вот я тебя и держу... Собственно, если бы генерал остался жив, я бы и его держал. У тебя нет связи с бригадой, а у меня она есть. И я отдал приказ задействовать «Вариант Б». Четыре «Тюльпана» сейчас готовы нанести удар по твоему бункеру. Понятно?

Иванченко снова промолчал.

– Да не молчи ты, полковник! Смысла в молчании нет. Ты можешь безмолствовать хоть до утра, но потом все равно будешь выполнять мои распоряжения...

– Ка... – В горле полковника запершило, пришлось откашляться. – Какие распоряжения?

– Разные. О них ты узнаешь по мере надобности. И сразу же приступишь к их исполнению. Беспрекословно, точно и в срок. И не важно, что я нахожусь черт знает где от тебя. Я рядом. На расстоянии выстрела из «Тюльпана». Ты это осознал?

– Осознал.

– Вот и прекрасно. Времена наступили трудные, нам, выжившим, друг за друга держаться нужно... Согласен?

– Да.

– Вот видишь – мы нашли общий язык, уважаемый Сергей Иванович, – засмеялся Лидер. – Если я, например, захочу, чтобы ты отправил наружу десяток-другой бойцов... В одну сторону, без возврата, так и быть, то ты что? – правильно, найдешь способ отправить бойцов на верную смерть. Иначе ведь все могут подохнуть, правильно? Если ты попросишь, то я смогу организовать один снаряд перед ограждением как аргумент в пользу воинской дисциплины.

– Куда мне нужно отправить людей? – спросил Иванченко.

– Не сразу, не нужно торопиться, но вопрос в принципе поставлен верно. Чувствуется военная косточка и любовь к дисциплинарному уставу... – Лидер откровенно развлекался. – Но перейдем к делу, Сергей Иванович. – Голос снова стал ледяным. – За все время нашего общения мы так и не затронули одного вопроса. Мне очень интересно, что случилось с лабораторией профессора Протасова, Евгения Петровича. Я не могу с ним связаться, на звонки по прямой линии он не отвечает... и никто не отвечает. А мне очень нужно узнать. Просто очень... Пока еще время терпит, тут у меня, как вы понимаете, масса других проблем, но... Вы ничего не знаете о профессоре и его чудесниках?

– Н... нет. Я с ним вообще знаком не был... – Полковник откашлялся. – Я... не знаю. Может, они не смогли изолировать лабораторию...

– Протасов?! – искренне изумился Лидер. – Чтобы этот не сумел вывернуться? Не поверю. Или должно было произойти что-то совсем уж фантастическое. Я должен знать наверняка. Дело в том, что «Вариант А» – существует и такой – подразумевает накрытие лаборатории ядерным боеприпасом. И не одним. «Вариант Б» первоначально подразумевал устранение ненужных свидетелей проведения «Варианта А». Мне нужно будет выяснить, что там, в лаборатории. Если вымерли – это одно. Если живы и просто отмалчиваются... У вас какая автономность бункера, полковник? На полной изоляции, я имею ввиду. Полгода?

– Да.

– Обидно будет, если за это время мы не найдем антивирус... И мы тут его вряд ли найдем, а вот Протасов в своей лаборатории... Очень может быть. Очень. Он ведь большой выдумщик и умелец, этот наш Евгений Петрович. Именно в таких вот вопросах... в биологических. Я видел результаты его разработок... до нынешнего вируса они не дотянули, но были очень... очень многообещающими. Уже шли эксперименты на людях. Но вы да, не в курсе. Вашего доступа тут не хватает. Хотя... сейчас между нами... какие могут быть секреты, правда, Сергей Иванович? Я спрашиваю – правда? – повысил голос Лидер.

– Правда, – тихо ответил Иванченко.

– А ведь и у вас должна быть прямая заинтересованность, полковник. У профессора автономность по энергии – тридцать лет.

– Не понял... – вырвалось у Иванченко.

– Все вы правильно поняли. Тридцать лет. Экспериментальный японский образец портативного ядерного реактора. Идея простая – компактная, всего в несколько тонн, машинка

ставится, закапывается-бетонируется и тридцать лет выдает энергию, достаточную для нужд небольшого города. Японцы – сволочи, снова всех опередили в разработках. Пришлось у них покупать. Дали гарантию именно на тридцать лет. Так что если профессор и его подельники вымерли, то вам сам бог велел тянуть линию к себе от лаборатории. А если они не вымерли, то... У профессора стоит два реактора. На всякий случай. При том, чем он там у себя занимается, лучше подстраховаться, иметь двойную гарантию. Протасов мог бы совершенно спокойно обеспечить энергией и вас. Ему хватило бы для этого и одного реактора, но двух... Так что начинайте потихоньку готовить экспедицию. Отбирайте людей, готовых к самопожертвованию, подбирайте ключи и рычаги к тем, кто нуждается в серьезной аргументации... А «Тюльпаны» за вами пока присмотрят, уж не обижайтесь... Ладно, заболтались мы с вами. Цели намечены, задачи поставлены.

– Есть информация об антивирусе? И способах обеззараживания?

– Пока мне вас нечем порадовать, – холодно ответил Лидер. – Но как только появится хоть малейшая информация, я вам ее, конечно же, сообщу. Вы ведь мне верите? Верите?

– Верю, – вытолкнул из себя полковник после паузы. – Верю.

Хотя конечно...

В тот вечер Иванченко с профессором так и не связался.

И все время в голове крутилась одна и та же мысль – значит, тридцать лет? Значит так? А мне... мне ты говорил, что имеешь ресурс тоже всего в полгода. Врал. Зачем? Чтобы держать за яйца, как уважаемый Лидер? Все просто толкутся и пинают друг друга в очереди за право сжать полковничьи яйца... А он... Полковник Иванченко может только ждать и пытаться придумать, как все сделать правильно.

Добраться до лаборатории? Он бы и сам пошел, но пока существует опасность прорыва вируса в бункер при выходе... и возвращении, рисковать нельзя. Ждать? Ждать. У него еще море времени, полгода.

Полгода. Хотя время летит... Как летит время...

Иванченко прошел по комнате, заглянул в зеркало. Уже не полгода, а значительно меньше. Профессор ничего нового не сообщил, Лидер... Лидер тоже ничего не говорит...

В дверь блока позвонили.

– Да? – сказал полковник в переговорное устройство.

– Вас срочно вызывают к телефону, товарищ полковник! – отрапортовал дневальный.

– Я иду, – сказал полковник. – Я уже иду.

Звонить мог только Лидер.

Вечерний доклад накануне прошел скомканно, Лидер даже слушать не стал, спросил напряженным голосом, все ли в порядке, и дал отбой. А теперь вот перезванивает. Без хорошей, душевной беседы с полковником Иванченко Лидер уже уснуть не мог, пробормотал полковник, поднимаясь по лестнице.

Потом посерьезнел – именно по этой лестнице в его сне вот уже которую ночь подряд люди медленно поднимаются навстречу смерти. Хорошо еще, что ни разу не пришлось убивать никого во сне, кошмар вышвыривал Иванченко в реальность как раз в тот момент, когда он нажимал на спусковой крючок.

Ладно.

На узле связи все знали правила телефонных переговоров коменданта: дежурная смена уже стояла в коридоре, старший смены отрапортовал Иванченко о том, что за время его дежурства ничего не случилось, и пулей вылетел из зала.

Полковник сел в кресло, надел гарнитуру.

– Привет! – сказал усталым голосом Лидер. – Как там у тебя дела?

– Я докладывал в восемнадцать...

– Да-да-да... Помню. У меня тут немного суматоха была... Нас вообще-то обстреливали. И сейчас стреляют. Ты себе можешь представить – по Кремлю прямой наводкой лупасят, аж земля дрожит... – Лидер сделал паузу, и Иванченко вдруг ясно представил себе, как некто серьезный и важный на другом конце кабеля достает из кармана пиджака носовой платок и тщательно промокает лоб, лицо и, возможно, лысину. Человек устал, человеку плохо. – Прикинь, полковник, разнесли в дребезги часы на Спасской башне. Почему Боровицкую башню с землей сравнивали – я еще представить могу, но Спасская... Кому она могла помешать? Не подскажешь?

– Нет. Не имею представления.

– Я тоже. И самое обидное – Президент в Раменках, правительство – в Раменках, вместе с Премьером, заметь. А ломаются к нам, в Кремль. Не хотел я здесь оставаться. Была даже мысль туда, к тебе, на Узел-три приехать, но вовремя передумал. Хотя там как раз шансов выжить поболее будет. Если все правильно разыграть. Я к тебе чего звоню... – Лидер сделал паузу, в наушниках что-то затрещало, захрустело, Иванченко показалось, что сквозь помехи доносятся голоса, кто-то ругается, требует, чтобы немедленно, вы слышите – немедленно... – С тобой профессор так и не связался?

– Нет. Я несколько раз пытался – не отвечает. Хотя связь, похоже, работает. Никто просто не отвечает...

– Вот и у меня так. А мне сейчас очень нужно было бы с Протасовым пообщаться. В общем – готовь группу. Для начала много не нужно – человек пять. Дойти, постучаться. Если закрыто – я тебе сообщу коды от замков.

– Что мои люди там должны найти?

– Для начала – живого профессора. Потом... – Теперь на том конце кабеля кто-то явственно закричал, посыпался отборный мат, мужчина настаивал, чтобы ворота просто завалили и больше никаких выходов наружу. Иванова отправили – все, и хватит. Озвучили по радио – это теперь проблемы капитана, как его бишь... и Президента, если хотите... Да, именно Президента. Эти ненормальные, которые пытались ворваться сюда, ушли... уйдут, им здесь теперь ловить нечего... пусть теперь противоядие ищут в другом месте... да хоть в Раменках. А нам нужно выжить, вы понимаете...

– Извини, полковник, тут все на нервах, все очень возбуждены, – сказал Лидер, и теперь в его голосе звучала безмерная усталость. – В общем, тебе два дня на выяснение обстоятельств. Мне нужна информация. Два дня.

– Два дня, – повторил Иванченко, хотя связь уже отключилась. – Подготовить группу... А что там говорили на заднем плане о противоядии? И значит, выходили вы наружу. Не сами, отправляли людей, но ведь и обратно принимали... Это что получается – знаете вы о том, как изолировать вирус. Знаете, но мне не говорите...

Полковник кулаком ударил по пульту, зашипел от боли.

– Хорошо, – сказал Иванченко. – Ладно. Готовить группу... Давай вначале поговорим с виновником торжества.

Иванченко торопливо набрал коды, послал в лабораторию сигнал вызова.

Давно нужно было поговорить с профессором начистоту. Еще тогда, сразу после приезда лейтенанта Князева и появления на сцене четырех «Тюльпанов». Четное число цветов в букете – плохая примета, кстати... Иванченко нервно хохотнул и оглянулся на дверь – никто ничего не услышал.

Значит, милый гуманный профессор – как там сказал Лидер – специалист в биологии? Уже ставили эксперименты на людях? Как же это вы, Евгений Петрович? Как же ты, сволочь старая, так со мной? И про реактор не сказал ничего. Я тут последние дни считаю, кошмары по ночам

смотрю, а ты, тварь, два реактора держишь. Тебе столько энергии не нужно, но ты со мной делиться не хочешь...

Профессор не отвечал.

Просыпайся, гад. Просыпайся!

Если я откажусь выполнить распоряжение Лидера, то сюда прилетят четыре снаряда калибром двести сорок миллиметров... Не исключено, что по две килотонны каждый. Значит, нужно профессора сдать. Просто рассказать Лидеру, что добрый дедушка просил его не выдавать. Такой маленький каприз. И тогда что? Две килотонны прилетит в лабораторию? Или Лидер все равно потребует отправляться в лабораторию? Он ведь просто мог послать туда парней из бригады прикрытия... Но не послал. Каждый имеет право иметь лишь крохотный кусочек информации, чтобы голова не болела и не кружилась...

– Да? – Голос у профессора был сонным. – Что-то случилось?

– Пока нет, – сказал Иванченко. – Вам знаком план «Вариант А»?

Профессор кашлянул.

– И о «Варианте Б» вы тоже в курсе?

– Понимаете, Сергей Иванович...

– И даже не пытаюсь понять, почему вы мне об этом не сообщили. – Полковник вздохнул. – Ко мне привезли пакет, поставили в известность, что в общей сложности восемь килотонн нацелены на мой бункер, а вы меня даже о такой возможности в известность не поставили. Нехорошо...

– Я... Я собирался...

– Правда? И о реакторах – тоже собирались? Когда собирались мне сказать и поделиться со мной электричеством? Через год? Или в самый последний момент, когда я сделал бы все, чтобы люди в бункере выжили... Чтобы мы таки вышли наружу, чтобы я отправил...

– А у вас есть варианты? – вдруг совершенно спокойным голосом спросил профессор. – Я так понимаю, что вы обижены, и даже очень...

– Мягко сказано...

– Вот и я о том же. Я не нашел пока противоядия, вирус не поддается. Он везде – в воздухе, в пыли, в земле, в микроорганизмах... Чем выше влажность, тем он активней. В сухом воздухе... ну, в очень сухом, полагаю, два-три процента влажности, вирус засыпает, но не умирает. Знаете, что это значит?

– Что?

– Это значит, что мы с вами сможем организовать обеззараживание. Камеры с горячим сухим воздухом, что-нибудь гигроскопическое в качестве фильтров. И побольше. Герметические костюмы при выходе, лучше замкнутого типа. При возвращении – обработка сильным напором воздуха, сбить пыль по максимуму... Затем – обработка человека без костюма. Анализ крови... У вас есть кто-то, кто сможет делать анализ крови?

– Не знаю... – растерянно протянул Иванченко. – У меня есть несколько медиков, но...

– Вот именно, уважаемый Сергей Иванович. Вот именно. Мои люди эти анализы сделать могут. Мои люди могут обеспечить вас электричеством... А вы мне зачем?

Иванченко растерялся.

– Вы мне не нужны, любезный Сергей Иванович. Более того, вы для меня обуза.

– Но ведь...

– Вы о том, что это я вас втравил в этот мятеж? Так я вам жизнь спас, если вдуматься. Дал шанс. И сейчас вам рассказываю, как можно бороться с вирусом. Не уничтожить его, но научиться с ним сосуществовать. И только не вздумайте сейчас меня пугать «Тюльпанами» и звонком Лидеру. После разговора с вами я просто позвоню ему, сообщу результаты моих

исследований, затем объясню, что вы начинаете представлять угрозу моей работе. Угрожаете, собираетесь напасть... Какая там готовность у «Тюльпанов»? Минут пятнадцать? – профессор говорил отрывисто и сухо. – Вы не успеете меня достать. Просто – не успеете.

– Но мутанты...

– А что – мутанты? Когда бункер будет уничтожен, сюда придут остатки бригады прикрытия и возьмут остатки объекта под охрану и оборону. Не так?

– Сволочь...

– Не без того. Но времена сейчас трудные. Очень трудные времена. И требуют особых качеств от людей, желающих выжить. Почему-то считается, что яйцеголовые...

– Кто? – не понял полковник.

– Ботаны, так понятнее? Считается, что ботаны не смогут приспособиться и вымрут в первую очередь. Их троечники и двоечники съедят... Вынужден вас огорчить. Обитание в научной среде вырабатывает у служителей науки такие качества, что акула выглядит по сравнению с простым аспирантом жалким пескарем. И я не желаю подчиняться кому бы то ни было. Ни военным, ни политикам. Прекрасная возможность появилась у меня. Такая выпадает только один раз в миллион лет – построить общество, в котором будет доминировать разум, а не устав или демократический централизм.

Полковник подавленно молчал.

– Вам Лидер уже рассказал, чем именно мы тут занимались? – внезапно спросил Протасов.

– Да. Биологическим оружием.

– Ну... в принципе верно. Оружием, но не только биологическим. Химия все еще находится на передовых рубежах... как там писали в газетах. Знаете, что от меня нужно Лидеру? То самое химическое оружие. Мутант или не мутант, вирус или нет – все это ерунда. Хороший нервнопаралитический газ решит проблемы и с мутантами, и с военными... Не согласны? Это вас я достать не смогу, ибо вы герметичны, а вот бригаду прикрытия с ее цветочками – вполне. У вас ведь есть беспилотники? Правда? Вот у меня – тоже. Ваши могут вести разведку и доставить в нужное место килограммов десять взрывчатки. Десяти килограммов моего снадобья хватит для того, чтобы решить проблему с бригадой. Те, кто из них выжил, сейчас наверняка полагают, что можно уже противогазов и прочих ОЗК не носить.

Полковник вспомнил, как лейтенант Князев стоял возле своего бэтэра в обычном камуфляже и без противогаса.

– Это правда, – сказал Иванченко. – Только вы не учли одного...

– Чего именно?

– Нельзя загонять противника в глухой угол, если у вас нет стопроцентной гарантии его уничтожения. Я ведь могу все объяснить своим людям и, плюнув на все, в защитных костюмах и противогасах добраться до вашей лаборатории... Поверьте, у меня хватит средств, чтобы вывернуть ваш бункер наизнанку. И газ вам не поможет, как вы верно заметили.

– Bravo! – после небольшой паузы произнес профессор. – А еще говорили, что офицеры тупые. Собственно, вам я всегда симпатизировал, поверьте. В общем, мы с вами должны договориться. Не находите?

– У меня есть два дня, чтобы проверить лабораторию. – Иванченко простучал пальцами дробь на пульте.

– Значит, у нас есть два дня, чтобы решить наши с вами проблемы. Я не очень хочу уничтожать остатки бригады и ее артиллеристов. Это способ удержать вас в рамках...

– Контролировать, – поправил собеседника полковник.

– Хорошо, контролировать. Но если уничтожить вас, то остатки бригады будут дословно и беспрекословно контролировать меня по приказу Лидера. А он шутить не будет... Можно,

конечно, вначале расстрелять вас, а потом сразу врезать по ним, но... Но кто тогда будет защищать мою лабораторию и меня? – Профессор хихикнул. – Лучше уж с вами договориться. Мы с вами уже сотрудничали, сможем и дальше попробовать... Вы меня защищаете, я снабжаю вас энергией... тридцать лет, имейте в виду. Я буду единственным поставщиком этих услуг на три ближайших десятилетия.

– И что будем делать?

– Ну... Жить, если вы не возражаете. Вы имеете возможность достать меня, я – вас, но только через Лидера. Если честно – бригаду, вернее, ее остатки, – я бы тоже хотел сохранить. В общем, нужно думать. Работать. Я прямо сейчас высылаю вам рекомендации по поводу профилактики, и вы приступаете к оборудованию шлюзов, перегонных кубов, ветродуйных установок, нечто вроде здорового фена... Через два дня сообщите Лидеру, что отправили группу ко мне, потом... потом что-то придумаем. Удачи, полковник! Мы ведь доверяем друг другу, правда?

– Доверяем, – еле слышно сказал полковник. – Как же мы друг другу доверяем...

Иванченко подташнивало, склизкий комок подступил к самому горлу. Он ненавидел Лидера, ненавидел профессора, но больше всего он ненавидел себя. Хотя ненависть – к себе – чушь и ерунда. Полковник себя презирал. Всю жизнь был уверен, что сможет не согнуться в любых обстоятельствах, но тут...

Ладно.

Все его сегодняшние собеседники уверены, что контролируют ситуацию. Полковник думал чуть иначе. У него нет связи с бригадой? Как сказать... И послать к лаборатории некого – тоже очень большой вопрос. Лейтенант Князев в бригаду не вернулся. На двух БМП съездил за своими людьми на шоссе, а потом прибыл назад. Объяснять комбригу, что именно случилось, не стал, сказал только, что бэтээры вышли из строя и он вынужден остаться на объекте.

Так и жили лейтенант и его разведчики в казарме. И время от времени он поддерживал связь со штабом бригады. Было там у них не очень весело – комбриг умер, настигла его мутация, часть выживших, воспользовавшись суестью и неразберихой, вдруг взбунтовались и ушли с боем из расположения на броне и с несколькими грузовиками боеприпасов.

Время от времени удавалось перехватывать радиопереговоры дезертиров, они активно прочесывали окрестные деревни и дачные поселки в поисках продовольствия, горючего и выживших людей.

Князев пару раз выходил на боевых машинах пехоты за периметр, добирался до выезда на шоссе. Лейтенант оказался человеком порядочным, насколько мог судить полковник по непродолжительным с ним беседам.

Странные это были разговоры – лейтенант перед камерой внешнего обзора и полковник за командирским пультом. Полковник отправлял всех из Центра, Князев гнал своих разведчиков куда подальше, и они беседовали. Иванченко рассказал о сути «Варианта Б». Лейтенант кивнул, показывая, что новую информацию к сведению принял. На вопрос полковника, не хочет ли он уйти, усмехнулся и покачал головой.

Были у него какие-то свои принципы; информация о том, например, что в бункере находятся женщины и дети, с его точки зрения обязывала его остаться здесь, на месте, даже рискуя попасть под удар дружественных «Тюльпанов».

В общем, если правильно поговорить с Князевым, то, пожалуй, лаборатория не в такой уж безопасности, как хотелось профессору. Можно было прямо сейчас мигнуть фонарями на периметре, вызывая лейтенанта на разговор, и попросить... намекнуть, что неплохо было бы подготовиться к броску на лабораторию.

Полковник несколько минут обдумывал эту мысль, прикидывая ее плюсы и минусы, потом

сообразил, что все это время поглаживает пальцами пистолет, лежащий в кармане куртки.

Рано, сказал полковник. Рано. Чуть позже.

Иванченко надеялся, что сказал это о разговоре с лейтенантом, а не о своем желании пустить себе пулю в лоб.

Совсем тихо уйти не получилось. Кто-то стукнул комбату или он сам заметил подозрительную суету возле машин, но, прихватив нескольких автоматчиков, майор отправился разбираться, потребовал объяснений – за каким это хреном заправлялись без разрешения и что тут делают люди, вместо того чтобы выполнять свои непосредственные обязанности.

У майора был шанс пресечь беспорядки, если бы он сразу же вызвал танки, но он понадеялся на свое комбатовское слово, ему и в голову не пришло, что кто-то посмеет обсуждать его приказы, особенно после того, как всем было обещано противоядие. Достаточно прикрикнуть и при самом плохом варианте приказать своим бойцам арестовать самого крикливого из нарушителей дисциплины.

Никто с майором переругиваться не стал, его просто расстреляли из пулемета. Перечеркнули одной длинной очередью и его, и его четверых автоматчиков. Пулеметчик посмотрел на Янычара.

– По коням! – скомандовал Янычар, поднимаясь на броню танка. – Уходим.

БМП с людьми на броне ушли первыми, танк еще некоторое время оставался на месте, развернув орудие в сторону артиллеристов. Самоходки как раз не стреляли, личный состав завтракал сухими пайками и готовился загружать снаряды в машины.

Янычар подождал, пока БМП отъедут достаточно далеко, потом приказал мехводу трогать следом.

На Красную площадь можно было, конечно, не ехать. И даже не нужно было туда отправляться, правильнее было двинуть по улицам, пустив танк головным, чтобы разгребал брошенные машины. Стрелки на БМП должны были отсекал мутантов от колонны. Пробить броню мутанты не смогут, ясное дело, но вогнать лом между катками танка или БМП ума у мутантов хватить могло.

БМП ждали Янычара напротив памятника Жукову.

Люди нервничали, оглядываясь по сторонам. От атакующих мутантов они еще могли отбиться, но если вдруг снова нападет стая обезумевших птиц? И вообще, идея уйти в отрыв, уехать от танков и пушек, от большого количества вооруженных людей начинала казаться не такой замечательной, как вначале.

– Слушают все! – крикнул Янычар, когда танк подъехал к БМП. – Прорываться по дороге, которой вы прибыли сюда, мы не сможем. Все это должны понимать – нас просто расстреляют на каком-нибудь из блок-постов. Понятно?

– Понятно, – ответил кто-то из солдат угрюмо.

– Мы должны оставить ложный след на случай, если за нами пойдет погоня. Тоже понятно?

Ему не ответили.

– Значит, водитель первой БМП маршрут движения знает. Сейчас мы выдвигаемся на площадь, шумим, а потом уходим. Вопросы есть? Если кто-то передумал – может сейчас вернуться, тут назад недалеко. – Янычар обвел взглядом сидевших на броне людей.

Те отводили глаза, но ничего не сказали.

– Вперед, – приказал Янычар водителю. – Мимо музея – на площадь.

Танк медленно двинулся вверх по брусчатке.

Красная площадь была пустой, машин почти не было, а трупы, как обычно, подчистили мутанты. Витрины ГУМа были выбиты, но само здание, в общем, было целым. Даже кремлевские стены не пострадали – с этой стороны Кремль почему-то не штурмовали.

Мавзолей блестел, отмытый недавно прошедшим дождем.

Когда-то Янычара тут принимали в пионеры.

Двадцать второго апреля их привезли на площадь, построили в шеренгу и приказали читать торжественное обещание. Директор детского дома решил, что его воспитанникам нужно хоть немного возвышенной идейности. Потом детвору посадили в автобусы и целый день возили по Москве, а вечером, перед посадкой на поезд, оказалось, что директор и остальные взрослые волокут на себе громадные сумки со шмотками и жратвой. Возвышенная идейность прекрасно уживалась с отсутствием еды в магазинах города Горького и области.

Такой вот урок политэкономии.

Часы на Спасской башне уцелели. Золотые стрелки и цифры отражали солнечный свет, будто горели.

Янычар оглянулся на подъехавшие БМП, заметил удивленные взгляды людей.

– Я быстро, – сказал Янычар. – Я – очень быстро.

Он скользнул на место наводчика, зарядил пушку осколочно-фугасным. Давно Янычар не стрелял из танковой пушки, хотя тут расстояние было маленьким, тут можно было и гранату рукой добросить.

– Солнце красит нежным светом... – пробормотал Янычар, наводя пушку в центр циферблата. – Стены древнего Кремля...

Еще одна нелепая и ненужная песня из детства. Сколько всякого хлама в его голову насовали в детском доме, в школе, в армии... Патриотизм? Необходимость защищать слабого? Чушь-чушь-чушь... Все это сводилось к простому выполнению приказов. Тебе сказали – ты сделал. И все, и ничего больше от тебя не требуется. Убить по приказу, умереть по приказу, выжить по приказу, чтобы потом снова убивать и умирать.

Все просто.

Только теперь все это закончилось. Все-все-все...

И теперь он поставит точку в своей бывшей жизни.

Выстрел.

Снаряд ударил точно в центр часов, взрыв разбросал в стороны обломки механизма и кирпичи. Облако дыма и пыли повисло над Спасской башней. Боковой циферблат вывалился наружу и повис на какой-то проволоке, раскачиваясь на ветру.

– Просыпается с рассветом... – пропел Янычар и снова выстрелил.

Был соблазн ударить по звезде, но ствол пушки так высоко не поднимался. А чтобы развалить всю башню, понадобится слишком много времени.

– Все, – сказал Янычар, – времени больше нет. Во всех смыслах.

Он вылез из танковой башни, спрыгнул на мостовую и, не торопясь, пошел к БМП.

– Танкистов – в танк! – приказал Янычар на ходу, махнув рукой, двое солдат побежали к танку.

Люди на БМП потеснились, давая возможность Янычару подняться на броню.

– По Никольской до Лубянки, до площади, – сказал Янычар. – Там уточним направление.

Танк развернулся, выбрасывая клубы дыма, не торопясь, двинулся к повороту до Никольской.

– Поглядываем за ГУМом, – Янычар указал рукой на выбитые витрины. – И там еще станция метро по дороге.

– И на Лубянке выходы из двух станций. Если зажмут...

Янычар не оглянулся на говорившего, просто пожал плечами – зажмут так зажмут. Если не останавливаться и вести плотный огонь – никто никого не прихватит. К тому же сейчас солнце в небе и более-менее сухо. С этим повезло.

А с машинами на Никольской повезло меньше – легковушки в разной степени сохранности

забили улицу наглухо. Танк ударил в первую машину, отодвинул ее в сторону. Резины на колесах не было, голые диски скребли о мостовую, выбрасывали снопы искр.

Янычар постучал каблуком в люк механика-водителя БМП, высунулся Петруха.

– Держи дистанцию, – сказал Янычар. – Не лепись к нему вплотную, имей пространство для маневра.

– Ага, – кивнул Петруха, облизывая пересохшие губы. – Вы тут по сторонам смотрите, улица, зараза, узкая, односторонняя... И чего бы нам по проспекту не двинуться?

– Потому что я так решил, – сказал Янычар. – Еще вопросы есть?

– Вопросов нет, но все-таки...

– Ладно, в последний раз поясняю. Тут тесно, но нет автобусов и всяких троллейбусов. Ты бы своей таратайкой автобус без колес сдвинул?

– Понял, спасибо, был дурак. – Петруха наморщил нос. – Но если из домов кинутся мутанты...

Танк ударил в очередную легковушку, полез на ее капот по инерции, потом затормозил и сдал назад. Ударил снова, под углом, машина со скрежетом сдвинулась к тротуару.

Если бы танк ехал один, то мог бы, почти не теряя скорости, проскочить по машинам, сминая и превращая их в мятый металл, но задача водителю была поставлена Янычаром однозначная – очистить дорогу для БМП. Проходимость у них была ниже танковой, и на какой-нибудь неубранной машине БМПешка могла застрять или даже перевернуться.

Не спешить, приказал Янычар танкистам. Вся компания должна добраться до места назначения.

– Долго мы так ехать будем, – буркнул кто-то из пехотинцев. – До самого дождичка... Вот как раз тучи гуляют...

Янычар сплюнул, не глядя на небо.

Мясо на броне все говорит правильно. И лучше бы дождя не было, лучше бы сохранить пехоту до самого крайнего случая.

Танк вроде приноровился, сдвигал машины уверенно, не цепляя и не устраивая завалы, колонна в результате стала двигаться чуть быстрее.

Все получится, мысленно произнес Янычар. У него – все получится. У остальных... Это не его проблема. Каждый за себя, правда? Тот генерал, что атаковал Кремль, требуя противоядие, – он что, ради народа это делал? Солдат своих спасти хотел?

Автоматная очередь прогремела за спиной Янычара, гильзы посыпались на броню.

– Что? – спросил Янычар, резко обернувшись.

– Что-то шевелилось... – неуверенно пробормотал солдат-срочник, указывая рукой на витрину какого-то бутика. – Я и...

– Пока точно не увидишь – не вздумай стрелять. Яйца вырву. – Янычар посмотрел в глаза солдатику, и тот побледнел. – Это, кстати, всех касается.

– Может, это кто-то из уцелевших... – начал другой солдат.

– Может. Только для тебя какая разница? – перебил солдатику сержант-контрактник. – Всех собирать будешь? За собой потащишь? Держись за поручень и радуйся, что жив. Тут лишний день прожил – уже праздник. Радуйся.

– Я это... радуюсь... Я... – Солдат замолчал, сжимая побелевшими пальцами автомат.

Они все еще хотят выжить, усмехнулся Янычар. Они еще не поняли, что уже умирают. Или превращаются в мутантов. Каждый из них может сколько угодно полагать, что выкрутился, что есть шанс, что...

С задней БМП донеслись крики, Янычар резко оглянулся – с машины сбросили кого-то на мостовую, тело ударилось о бордюр, выгнулось, словно в припадке. Коротко ударил автомат,

двумя пулями разнося череп зараженного.

– Вовремя заметили, – сказал сержант. – Повезло...

– Повезло, что не того прихватило, кто на месте водителя, – сказал Сергей, сидевший вместе с Рустамом за спиной у Янычара. – Если бы водитель, то...

Танк отодвинул в сторону микроавтобус и выехал на Лубянскую площадь.

– Кто помнит, тут выход из метро слева или справа? – спросил Янычар.

– Да тут везде выходы, по всей площади. И еще в «Детском мире». И дальше, на Кузнецком... – Голос Сергея явственно дрожал, скорее от страха, чем от возбуждения. – Не стоит здесь задерживаться...

Площадь была заполнена машинами, перед зданием ФСБ стояли два бэтээра. Давно стояли, колес не было, стволы смотрели куда-то вниз, на мостовую. Краска на стволах пулеметов сгорела, стреляли, видимо, долго. Чернело несколько обгоревших остовов, но само здание выглядело непострадавшим. Двери были закрыты, даже стекла в окнах целы, за небольшим исключением.

Танк приглушил двигатель, командир по пояс высунулся из башни и крикнул Янычару, спрашивая, куда двигаться дальше.

– Через клумбу – дальше влево, по Большой Лубянке! – крикнул в ответ Янычар.

Танк раздвинул легковушки и проехал через клумбу. БМП двинулись следом.

– Внимание, в колонне! – прогремело вдруг от здания ФСБ. – Немедленно остановитесь!

Кричали через мегафон, не заботясь, что громкий голос может привлечь мутантов. В голосе явственно звучали радость и какое-то облегчение.

Их можно понять, подумал Янычар. Они надеялись на помощь, им показалось, что помощь пришла. Показалось.

Дверь в здании приоткрылась, выпуская наружу трех офицеров.

– Мы не останавливаемся? – спросил Петруха с надеждой.

– Притормози. – Янычар спрыгнул с БМП и быстрым шагом направился к офицерам навстречу.

Старший был в звании полковника, его сопровождали лейтенант и капитан. Все три были вооружены АКС-74у, оружием, как сразу оценил Янычар, для борьбы с уродами совершенно недостаточным.

– Вы должны нас забрать! – не здороваясь, выкрикнул полковник. – Это приказ. У нас во дворе грузовик и два автобуса. Вы должны сопровождать нас за город...

– Добрый день, – сказал Янычар. – Вы ничего не напутали? Я никому ничего не должен...

Полковник растерянно оглянулся на капитана, тот поправил ремень автомата на плече, но ничего не сказал. Ветер нес по площади клубы черного дыма и клочки обгорелой бумаги. Воняло горелой плотью.

За окнами в здании – люди. Они ждут конца переговоров. И не исключено, что эти люди готовы стрелять, если что-то пойдет не так. Достаточно будет одного пулемета, чтобы счистить бойцов с брони, когда БМП пойдут на Большую Лубянку. И стрельба по окнам ничего не даст: окон в здании много, за каким именно притаился пулеметчик или даже человек с гранатометом – не поймешь.

Тучи потихоньку затягивали небо.

Черт-черт-черт...

– Ладно, – сказал Янычар. – Мы останавливаемся напротив выездных ворот. Как только вы их открываете – мы начинаем движение. Вы присоединяетесь к нам...

– Замыкающей должна идти боевая машина пехоты, – быстро сказал полковник. – У нас в грузовике архивы, совершенно секретная документация.

– Что вы говорите!? – изумился Янычар. – Совершенно секретная! Ладно, как скажете, я предупрежу экипажи. Сколько вам нужно времени на все?

– Полчаса, – полковник мотнул головой. – Минимум – двадцать минут.

– Пятнадцать, – сказал Янычар. – И советую поторопиться – дождь может пойти в любой момент.

– Хорошо, пятнадцать, – кивнул полковник, – лейтенант Стопарев останется с вами, чтобы обеспечивать связь.

– Ладно, пусть остается. Но – пятнадцать минут.

Полковник с капитаном рысью побежали к зданию, лейтенант с тоской во взгляде посмотрел им вслед.

– Кто там у вас? – как бы между прочим спросил Янычар у лейтенанта.

– Дежурная смена, аппаратчики. Не успели эвакуироваться, нас прислали за бумагами, а тут грянуло... У вас закурить не найдется? – спросил лейтенант.

– Держи, – Янычар достал из кармана последнюю сигару, протянул ее Стопареву. – Огонь есть?

– Есть.

– А, понял. Горячее сердце. Ты тогда беги к танку, передай, чтобы пока расчищал, насколько сможет, дорогу от площади и дальше по улице. Но чтобы далеко не уезжал. Справишься, лейтенант?

Стопарев побежал к танку.

Янычар махнул рукой – БМП пересекли клумбу, остановились возле него.

– Задача ясна? – спросил Янычар, быстро проинструктировав бойцов. – Или кто-то хочет спасти фээсбэшников?

– Дураков нет, – ответил за всех Петруха. – Как скажешь, начальник!

– Вот и славно. Ты мне мою пушку передай, – попросил Янычар Петруху, тот исчез в люке, потом выглянул снова, протягивая юаровское ружье.

– По машинам, – скомандовал Янычар.

Обе БМП стояли напротив ворот, когда створки медленно разошлись в сторону. Полковник почти не соврал, на все у него ушло семнадцать с половиной минут.

В проеме ворот появился автобус.

БМП развернули башни, и две тридцатимиллиметровые автоматические пушки открыли огонь. Снаряды, разбив лобовое стекло автобуса, влетали в салон, рвались внутри, разрывая в клочья металл, пластик и человеческую плоть. Ударили пулеметы, полосуюя пытающихся бежать людей.

Ровно полторы минуты ада, потом танк и БМП двинулись по улице, оставляя за собой огонь и дым.

Лейтенант Стопарев, сидевший на броне второй БМП, что-то начал кричать, схватился за автомат – его столкнули с машины и расстреляли. Тело лейтенанта выгнулось и замерло.

– Такие дела, – сказал Янычар. – Такие на хрен дела...

Еще почти час они пробирались сквозь завалы машин на дороге. Потом пошел дождь.

Люди сидели на броне, напряженно вглядываясь в арки, подъезды и окна, сжимая в руках оружие и каждую секунду ожидая нападения. О расстрелянном фээсбэшном автобусе никто уже не вспоминал, это было давно, черт знает как давно. Сейчас куда важнее было то, нападут мутанты или нет.

– Скоро уже? – спросил кто-то из солдат.

Нервы у всех были на пределе, улицы казались бесконечными, каждая тень в выбитом окне была угрозой. А ветер, завывавший в опустевших и выгоревших домах, звучал как вопль

атакующих мутантов.

– Следующий поворот направо, – сказал Янычар, вытирая рукавом дождевые капли с лица. – Там метров пятьдесят по переулку. И мы на месте. Метро там нет.

– Хорошо... – протянул Сергей. – Это совсем рядом...

Там неподалеку подземный торговый центр, но об этом Янычар говорить не стал. Не нужно слишком рано пугать людей. Они и так...

Танк, уверенно прокладывая дорогу сквозь массу брошенных и сгоревших автомобилей, вдруг замер, дернулся и, развернувшись на месте, двинулся в сторону. Гусеницы зацепились за серебристый «Мерседес», танк стал медленно подминать под себя машину. С треском лопался корпус автомобиля, крошилось стекло – танк слепо лез через машины к тротуару и домам.

– Твою мать! – выругался Янычар.

Этого только не хватало.

Верхние люки танка распахнулись и встали на стопоры, командир и заряжающий выпрыгнули наружу, подбежали к БМП.

– Что там у вас? – спросил Янычар.

– Мехвода зараза достала, – ответил командир танка. – Хорошо, что вовремя заметили... Он начал биться, мы и побежали...

– А если он просто умер? – спросил высунувшийся из люка Петруха. – А вы как зайцы...

– Не, – мотнул головой заряжающий, – пена изо рта без крови шла, мутировал, к бабке не ходи...

– А просто пристрелить нельзя было? – Янычар сплюнул. – Нам танк еще нужен.

– Сам и стреляй! – ощерился командир. – Нужен танк – сам и стреляй. У него, у мехвода, люк открытый, если что...

– Хорошо, – сказал Янычар, – как скажешь.

И выстрелил из «Протекты». Вначале в командира танка, потом в наводчика. Спрыгнул с БМП и побежал к танку.

Янычару было наплевать на то, что сейчас думают о нем остальные, жалеют танкистов или согласны с приговором Янычара. Нужно было вернуть танк. Зачем – Янычар не задумывался. Просто нужно. Нужно хоть что-то сделать, чтобы выплеснуть накопившуюся темную ярость, спалить ее в адреналине, чтобы не затопила она мозг Янычара, не отравила окончательно его сознание.

Танк продолжал карабкаться на обгорелые машины. Крыши автомобилей проседали под его многотонной массой, танк переваливался с боку на бок, угрожая перевернуться. Янычар, лавируя между автомобильными остовами, догнал танк, поравнялся с ним. В открытом люке механика-водителя никого не было видно. Урод или уже успел выскочить, или все еще лежал в припадке внутри машины.

– Под гусеницы не лезь! – крикнул сзади Петруха. – Задавит ведь...

Выругавшись, Янычар немного отстал, взобрался на танк сзади, закинув «Протекту» за спину. Заглянул в башенный люк, прислушался. Ревел двигатель, с треском рвался, сминаясь, металл автомобилей, что-то звенело и лязгало, но изнутри танка явственно доносился хрип. Урод был на месте. Уже пришел в себя и был готов атаковать.

Значит – пусть попробует.

Янычар перебрался через башню, уперся ногой в ствол пушки и навел на открытый люк «стечкина». Удержать в двух руках тяжеленную «Протекту» и усидеть на дергающемся танке было невозможно, придется обходиться пистолетом.

– Ну, давай, – пробормотал Янычар. – Давай!

Мутант выпрыгнул. Он попытался в броске достать Янычара, но тот толкнул его ногой в

лицо, сбросил с танка. Мутант вскочил на ноги и снова прыгнул. Пуля ударила его в грудь. Еще две – в голову. Мутант упал на спину, танк качнуло, и гусеница наехала на упавшего.

Можно было спускаться на место водителя и попытаться перехватить управление, но именно в этот момент танк врезался в угол дома и обрушил старую кладку. Янычар прыгнул в сторону, чтобы не попасть под обломки стены. Больно ушиб левый локоть, выругался сквозь зубы. Танк продолжал ломиться, разрушая стену старого дома. Сверху летели кирпичи, осколки стекла, бревна и доски. И через минуту на месте дома и танка была только куча шевелящегося мусора.

Черт-черт-черт...

Янычар побежал к БМП. Не успел добраться до танка. Вот нескольких секунд не хватило. Черт...

БМП стояли посреди дороги, дожидаясь Янычара. Никто из людей на броне не проронил ни слова, пока он ожесточенно стряхивал с одежды белую меловую пыль. И никто не смотрел на тела танкистов, изуродованные картечью, лежащие в луже крови.

Янычар запрыгнул на БМП, наклонился к Петрухе:

– Направо вот тут, и пятьдесят метров до шестнадцатизэтажной «свечки». Там остановишь.

Машина рванула с места.

Дождь усилился, и все понимали, что появление мутантов – дело времени. И времени скорого.

К счастью, переулочек машинами почти не был забит. БМП шла по середине проезжей части, притормаживая перед автомобилями и не сбивая их, а просто отодвигая в сторону. Двадцать метров. Тридцать. Сорок.

Двери в шестнадцатизэтажке не было. Ветер колотил оконной рамой второго этажа о стену. Окна на нижних этажах – выбиты. Похоже, что здесь была драка. Не вчера и не позавчера – потеки крови на стене возле двери засохли и стали черными. Ворота на подземную автостоянку были открыты.

И что там, под землей, творилось сейчас, не знал никто.

– Блокируем дверь! – приказал Янычар, спрыгивая с брони. – Просто тупо ставь машину поперек. Вторую – напротив ворот. Всем с машины на землю.

Люди не стали строиться, просто сбились в кучу и ждали дальнейших приказов.

– Нам нужно занять этот дом, – сказал Янычар. – Вот этот самый дом. Почистить его снизу доверху, потом забаррикадировать входы. Ты, ты, ты, вы четверо – первая группа. Входите, занимаете первый-второй этажи. Старший – сержант. Пошел!

Сержант вздохнул обреченно, снял автомат с плеча.

– Живее, живее, дождь усиливается! – крикнул Янычар.

Струи холодной воды хлестали людей по головам, стук дождевых капель сливался в сплошную барабанную дробь. Ливень все усиливался, дома на другой стороне улицы уже невозможно было рассмотреть сквозь водяную пелену.

– Петруха, сможешь затащить БМП на крыльцо? – спросил Янычар. – Или мне самому?..

– Смогу, куда денусь... – Петруха задним ходом завел машину по ступенькам крыльца, выдрал с корнем металлические перила, раздавил скамейку, стоявшую возле двери, одна из бетонных ступеней треснула, просела, но устояла. – Так хорошо?

– Высший класс! – Янычар показал большой палец.

Он еще хотел добавить что-то о строгой благодарности с занесением в грудную клетку, но внутри дома начали стрелять.

Два или три автомата, к ним сразу же присоединился пулемет. Одна за другой рванули две гранаты.

Уроды в доме были и, судя по интенсивности стрельбы, атаковали толпой, как обычно. Хотя похоже, что было их не очень много, иначе в сутолоке лестничных пролетов дело бы уже перешло в рукопашную, автоматы уже захлебнулись бы и замолчали. Немного было уродов, собственно, Янычар так и предполагал.

– Все в дом! – крикнул Янычар. – Петруха, Егорыч и с вами еще трое – остаетесь здесь, держите вход. Понятно? Старший – Петруха.

– Вот я и в начальство выбился. – Петруха, выбираясь из люка, скривился, как от какой-то кислятины. – Никогда никем не командовал и тут – пожалте, оскоромился.

Внутри дома продолжали стрелять.

Янычар повел оставшихся людей на выстрелы. Бронированная дверь из дома на подземную парковку была перекрыта, значит, уроды могли попасть сюда только через парадный вход. И особо много их тут быть не должно, опять повторил про себя Янычар, толпе здесь делать нечего.

Десяток-два-три... Да справится сержант и сам. Десяток вооруженных бойцов обязательно разберутся с безоружными мутантами.

Несколько гранат взорвалось с интервалом в одну-две секунды. Пулемет наконец перешел на короткие очереди, и автоматы больше не лупили наперебой, а выпускали короткие очереди. Люди немного успокоились, справились с первым шоком и начинали воевать без надрыва и испуга.

В доме было сумрачно и сыро. Стены и потолок вестибюля были испещрены следами пуль. Пол усыпан гильзами – не только что отстрелянными, а давними, лежащими тут не менее двух недель.

Стрельба прекратилась, только сверху доносились голоса – глухие и неразборчивые.

На лестничной клетке второго этажа Янычар наткнулся на первого мутанта. Его, по-видимому, расстреляли из нескольких стволов, все тело было изорвано пулями, но в голову попало всего две. Потом тела стали встречаться чаще. Дверь с лестничной клетки на второй этаж была вырвана взрывом, за ней было несколько мертвых мутантов. На этот раз без потерь не обошлось – сразу за порогом лежал солдат. Если судить по ранениям, уроды его только зацепили и повалили на пол. Пулемет изрубил и их, и солдата. Одной очередью. Кажется, это был тот самый мальчишка, что открыл стрельбу на Никольской.

Янычар свистнул. Прислушался и снова свистнул.

– Это свои! – крикнул он. – Свои! Сержант, ты жив?

Из облака пыли и дыма, заполнившего весь этаж, вынырнул сержант. Щека у него была располосована, из раны под глазом торчала здоровенная щепка, но сержант ее не замечал. И боли наверняка не чувствовал. Кровь стекала по щеке, прокладывая красные дорожки по светло-серой пыли. Алая капля повисла на конце щепки, раскачивалась, но все никак не могла упасть.

– Жив, молодец! – Янычар заставил себя улыбнуться. – Сколько человек потерял?

– Вроде одного, – ответил сержант неуверенно и посмотрел на клубящееся облако у себя за спиной. – Одного...

– Хорошо. Это – хорошо... Значит, ты сейчас закончи чистить второй этаж, я двину на третий. Уродов много быть не должно. Вообще странно, что они остались в доме, а не ушли в подвалы или в метро... Сколько их было? Десяток? Больше?

– С десяток. – Сержант провел ладонью по лицу, вскрикнул, зацепив щепку, удивленно посмотрел на свои окровавленные пальцы. – Может, больше. Мне показалось – тысяча...

– Стой, не дергайся... – Янычар зацепил щепку ногтями и рывком выдернул из раны. – Высунься из окна, промой дождевой водой. Все затянется, я тебе точно говорю... Закончишь здесь – двигай за мной, на четвертый этаж. И выше.

На третьем этаже было два живых мутанта, что они делали здесь – непонятно. Может, их пораженный болезнью мозг смог все-таки испугаться и отдать команду прятаться. Иногда у

уродов просыпается инстинкт самосохранения. Жить хотят. Вот как сам Янычар. Только он может двигаться бесшумно и затаив дыхание, а они хрипят-хрипят-хрипят... Янычар шагнул в дверь квартиры и дважды выстрелил из «Протекты». Двенадцатый калибр, картечь. Не просто так.

– Таким вот образом! – сказал Янычар, дозаряжая магазин патронами из кармана. – И так будет с каждым...

Солдаты, прибежавшие на выстрелы, засмеялись.

Янычару нужно было попасть в квартиру на третьем этаже. И если там все на месте, то нужен будет свободный выход на крышу.

– Идем дальше? – Солдат с автоматом в руках поднялся на несколько ступенек и оглянулся на Янычара.

– Это ты, Серега? – Янычар дернул щекой, изображая улыбку. – Дальше уже будет проще. Бери людей и тщательно проверь все до шестнадцатого этажа. Закрытые двери тебя не волнуют, если они на замке, то уроды их открыть не могли. И не разрешай никому водку жрать, даже если что-то такое найдете. Понятно?

– Понятно... – неуверенно пробормотал Сергей.

Он не сразу поверил, что именно ему доверено командовать зачисткой этажей. Сергей недоверчиво усмехнулся.

– Я уверен в тебе, – сказал Янычар. – Дерзай.

– За мной, – приказал срывающимся от волнения голосом Сергей. – Пошли, пожалуйста...

Янычар подождал, пока солдаты ушли наверх, потом нашел дверь квартиры младшего брата Молодого хозяина. Братья особыми друзьями не были, у Янычара младший брат Хозяина вызывал даже симпатию, а жена Хозяина называла младшего брата мужа недоразвитым ребенком, и только потому, что того не интересовали ни деньги, ни власть.

Нет, от денег, которые ему давал отец и старший брат, мальчишка не отказывался, но и зарабатывать их не собирался. Любил развлекаться и щекотать себе нервы экстремальными видами спорта – от паркура до планеризма.

Ключи от его квартиры были на запасной связке в квартире старшего брата. Янычар захватил их с собой.

Выстрелов больше не было – похоже, им повезло и мутанты в доме не поселились. Теперь оставалось выяснить, насколько повезло Янычару.

Рассчитывая план выхода из города, Янычар был вынужден включить в него несколько «возможно». Вообще-то он не любил неопределенности в планировании. Всякие «возможно» и «если, то...» его совершенно не устраивали. Только реальные факты. Только достоверная информация. Только твердая уверенность.

Но вот уверенности в данном случае не было ни малейшей. Возможно... Возможно ему повезет.

Как он ненавидит слово «возможно»!

В квартире царил разгром. Кто-то, похоже, очень быстро собирался перед отъездом, вещи валялись на полу, на диване, кровати и креслах. Окно было открыто, и ветер трепал разодранную штору, словно порванный парус корабля.

Косой дождь влетал в открытое окно, вода собралась в лужу. Ковровое покрытие было мокрым от стены до стены.

Мальчишку все-таки предупредили. В самый последний момент, но предупредили. Или он по своей обычной безалаберности тянул до последней секунды со сборами, и только когда машина уже подъехала к дому и отец сказал, что дольше двух минут ждать не намерен, мальчишка засуетился.

Янычар медленно прошел по квартире, держа ружье в руках.

В принципе, все свои экстремальные игрушки мальчишка держал в дальней комнате. Всегда сам их чистил, проверял, ремонтировал при необходимости. Даже несколько канистр с бензином особой очистки держал дома, из-за чего неоднократно ругался с отцом. У него в доме не было оружия, оружие он не признавал, как не признавал насилия. Но рисковать любил. И теперь это могло спасти Янычара.

Задняя комната. Дверь распахнута.

Янычар надел на голову эластичную ленту с фонарем. Включил свет. Медленно переступил порог. И облегченно выдохнул – все было на месте. Повезло. Вот теперь – по-настоящему повезло.

Янычар быстро осмотрел несколько тюков, хлопнул ладонью по двум пятидесятилитровым пластиковым канистрам. Все точно, все сходится... все сошлось.

Вышел из квартиры, закрыв за собой дверь на замок. Вряд ли, даже если кто-то из солдат войдет в эту комнату, они что-то поймут, но лучше ни рисковать. И нужно решить еще одну проблему. Ничего особо сложного, но решать ее придется самому. В крайнем случае поручить Петрухе и Егорычу.

Через два часа все солдаты собрались на первом этаже. Дом был зачищен и осмотрен, теперь можно было и поинтересоваться подробностями своего дальнейшего существования. Петруха и Егорыч что-то обещали, но информации в их обещаниях было мало – только намеки.

Теперь люди ждали объяснений. Их привели сюда, но дом не производил впечатления надежного убежища. И конечной целью спасительного плана также не выглядел. Их обещали вывести из города, но до МКАДа еще было далеко. Слишком далеко.

– В БМП – продукты, – сказал Янычар. – Петруха, Егорыч – доставайте, пусть парни перекусят.

– Но... – начал было Петруха, натолкнулся на тяжелый взгляд Янычара и заткнулся.

Они с Егорычем быстро разгрузили несколько коробок с консервами и выпивкой. Увидев, что именно находится в ящиках, бойцы приободрились и повеселели. Давненько они не ели нормальной еды. А некоторые – так и вообще никогда в жизни не пробовали таких продуктов и выпивки. Им фирменная жратва была не положена.

– На вино и коньяк сильно не налегайте, – предупредил Янычар. – Мы тут остаемся на ночь, а завтра утром – двинемся дальше. Здесь неподалеку – секретная база. Транспорт, оружие, боеприпасы, продовольствие. Всего в десяти километрах.

На лицах солдат появились улыбки. У них была еда. У них была выпивка. И всего в десяти километрах отсюда – надежное убежище. Не могли же их всех так бессовестно обманывать. Ведь не могли же?

– Сержант, организуй баррикаду на входе, вторую БМП подгоните сюда же, к крыльцу. Поставьте чуть в сторону, чтобы сектор обстрела первой машине не перекрывала. По два человека под броню плюс пять человек стрелков в дежурную смену. Двери квартир на первом этаже – закрыть на замки, у мутантов с замками проблемы. Спать располагаться по квартирам, но постарайтесь по одному человеку в комнате. И двери чем-нибудь пусть каждый сам заблокирует. Объяснять – зачем?

Объяснять не пришлось.

Янычар отвел Петруху и Егорыча в квартиру на третьем этаже.

– Вот эти тюки – на крышу, – сказал Янычар. – Их тут немного, справитесь. Еще заберите наши вещи из БМП и тоже наверх. Не надорветесь. Или кого-то в помощь прислать?

– Лучше бы кого-то... – Петруха почесал в затылке. – Захекаемся на крышу бегать. Четырнадцать этажей туда, четырнадцать – обратно. Это получается по три ходки... Тяжело.

Давай этих пацанов – Сергея и Рустама. Они молодые, спортивные, им по ступенькам побегать – одно удовольствие. И доверчивые очень... Всему поверят.

– Хорошо, – сделав паузу, согласился Янычар. – Но только ты понимаешь, что они могут проболтаться?

– Ну...

– Ты в глаза мне посмотри и скажи – понимаешь? Понимаешь, что они никому ничего не должны сказать? – Янычар взял Петруху за грудки и повернул лицом к себе. – Не я буду с ними работать, а ты... Вы вдвоем с Егорычем. Ты меня слышишь, Егорыч?

– Слышу, – спокойно сказал Егорыч. – Все понятно. Сделаем. Они мне ни родственники, ни друзья.

– Вот и славно. – Янычар отпустил Петруху и пошел к выходу. – Мальчишек я к вам пришлю.

– Слышь, Янычар, – окликнул его Петруха. – Ты мне про собак Амундсена рассказывал...

– Ну?..

– А я все больше другую историю вспоминаю. Про козла, который овец на бойню водил. Сам возвращался, а овец – под нож. На мясо и овчину.

– Тебя что-то не устраивает в этом? Не хочешь быть козлом? К овцам потянуло?

– Да нет, все устраивает, мать его так... – Петруха взмахнул ножом и со скрежетом прочертил глубокую царапину на дверце шкафа. – Взялся выживать – выживай...

Это он правильно сказал. Очень правильно и емко. Взялся выживать – выживай. И все остальное сразу становится малозначащим и простым. Комбат, умерший возле Кремля, фээсбэшники, расстрелянные на Лубянке, три десятка солдат, обманутые и, по сути, уже мертвые, но еще на что-то надеющиеся. Все это ради одного – Янычар решил прожить как можно дольше.

И цена здесь роли не играет.

Ливень не собирался стихать. Сплошная стена из воды стояла сразу за козырьком подъезда. По улице текла река, ручьи стекали по броне БМП на ступеньки крыльца, превращаясь в небольшие водопады.

Время от времени вдалеке гремел гром.

Пока Янычар разговаривал с Петрухой, сержант успел распределить людей по сменам, организовать из мебели подобие баррикады в дверном проеме и отдал приказ накрыть на полу обед на всех. Сергей и Рустам, которые, как обычно, старались держаться вместе, сидели с краю импровизированного застолья, Янычар присел возле них на корточки и тихо, чтобы не привлекать внимание, приказал подняться на третий этаж к Петрухе. Ваши порции вам оставят, сказал Янычар, потом поедите.

Парни взглянули печально на еду и выпивку, разложенную на сорванных шторах из квартиры, и ушли.

Янычару подвинули его порцию, но он отказался.

На замызанном полу, засланном бархатной шторой, были расставлены хрустальные бокалы, фарфоровые тарелки и блюда. Солдаты успели прошвырнуться по квартирам. Теперь люди сидели вокруг на подушках и свернутых одеялах.

– За удачу! – сказал сержант, поднимая стакан.

Пыль с лица сержант смыл, пыль и кровь, а шрам остался. На него дождь не подействовал, удивился Янычар.

– Чтобы все завтра проснулись, – тихо сказал солдат на другом конце стола.

На него зашикали.

– Не порти настроение! – крикнул кто-то.

– А чего его портить? – вмешался пожилой, лет пятидесяти мужик, которого все называли Дедом. – Настроение хорошим должно быть. Ясно? Потому что... Потому что мы выиграли в лотерею. Я всю жизнь мечтал выиграть, еще при социализме вечно лотерейные билетки покупал, только больше рубля никогда не выиграл... И только вот сейчас понял – мой выигрыш меня дожидался...

– Ага, это нужно было, чтобы весь мир этой самой накрылся, чтобы ты выиграл... – проворчал контрактник.

– Конечно! И мир не накрылся, не думай! – Дед поднял палец и потряс им в воздухе. – Нас выбрали. Каждого из нас – выбрали. Каждому его долю назначили.

– Подохнуть или мутантом стать?

– А и так. И что? Заладили – террористы, евреи, лаборатория секретная... Да какая к чертям разница, откуда эта зараза появилась? Важно – для чего она к нам пришла, что мы понять должны... Я вот понял...

– Что понял? Что мы теперь будем вымирать по одному, если уж скопом вместе с большинством не подошли? Так это и так понятно...

– Понятно? – поинтересовался вкрадчивым голосом Дед. – А почему кто-то умер сразу, а кто-то выжил? За какие заслуги?

Тут слушателям крыть было нечем. Все и вправду выглядело очень странным. С другой стороны – ну повезло. Реально повезло, как никогда...

– Вы меня послушайте, – не унимался Дед. – Каждому свое на роду написано... Ясно вам? Кто с ходу подох, кто в уroda превратился, а кому и выигрыш выпал. Нужно только принять его. Понять и принять. Я когда в госпитале лежал – я старшим прапорщиком на пенсию ушел, в военном госпитале как пенсионер лечился... Так вот, когда я лежал в госпитале там в отдельной палате женщина была. Жена майора одного, особиста. То ли Петров его фамилия, то ли Орлов... Не важно. Вот. Помирала его жена. Я в четырехместной палате лежал, а майорская жена – в одноместной. Понятно, что особист договорился... но не в этом дело. В тот самый день, когда все началось, он в госпиталь приехал. Вот почти минута в минуту подгадал, я в коридор выглянул, а он с автоматом по коридору бежит... Вот. Он, видите ли, решил, что ему закон не писан... что он сам все решит... Там в палате у его жены дочка дежурила, вот майор и решил, что мучиться им не нужно. Знал, видать, сука кагэбэшная, что эпидемия начнется. Их, видать, предупредили... Суки... Вот он приехал и жену с дочкой гранатами подорвал. И себя, и их... Чтобы, значит, не мучились... – Дед засмеялся. – Думал, что знает лучше всех, даже лучше, чем на небе знают... Я заглянул в палату – в клочья все трое. Я автомат и магазины подобрал, спасибо майору, если бы не он – без оружия я бы не выбрался. Но ведь если бы он не убил своих, а дал каждому свою долю принять... так, может, и не умерли бы его дочка и его жена? Если достойны? Достойные выживают. А грешники... Те, кто не сильно согрешил, те сразу умирают, а те, что очень уж сильно, – становятся мутантами...

– А что ж люди до сих пор либо умирают, либо мутируют? – спросил кто-то из солдат.

– А потому, что Господь человекoв не просто так спас. Он их на самое лезвие поставил. Вот окажешься достойным – останешься живым и человеком. А чуть согрешил, пусть даже в мыслях, – тут тебе и наказание, быстрое и неотвратимое... – Дед щелкнул пальцами. – Понятно?

Солдаты молчали, пытаясь осмыслить услышанное.

Даже Янычар на мгновение задумался, потом покачал головой. Врет Дед. Как сивый мерин врет! Если бы кто-то там, наверху, решил грешников наказать, то Янычар до этого дома даже не добрался бы. Он убивает и врет, врет и убивает...

– Кто-нибудь из вас ребенка больного или мутировавшего видел? – спросил Дед. – Ну, чтобы не мутанты его сожрали, а чтобы он пеной исходил или в толпе за людьми бегал? Бабы на нас

бросались, старики тоже, а детей я не видел... Кто-то из вас, может?..

Детей среди мутантов Янычар тоже не видел. Может, просто не обратил внимания, может, их уничтожили в первую очередь, сожрали те, кто мутировал, они ведь жрут друг друга, а дети слабее всех, а значит, доступная добыча...

– А еще животные, – сказал срочник. – Их тоже зараза не тронула. Мне танкисты рассказывали, что вломились случайно в зоопарк, так все люди либо вымерли, либо бегают, зубами щелкают, а звери... Звери нет, живые и здоровые. Их танкисты из клеток выпустили – чего зря подыхать.

– Дети и звери, – сказал Дед. – Греха на них нет. Вот и живы остались. А нам выбор сделать нужно. Устоим мы на лезвии ножа или нет...

Кто-то тронул Янычара за плечо, он оглянулся – Петруха. Присел, вытирает руки какой-то тряпкой. Тщательно вытирает, с трудом, словно во что-то липкое они испачканы.

– Сделали, – тихо сказал Петруха. – И тюки оттащили, и канистры, и наше имущество из танка забрали, пока вы тут проповеди слушаете. Дед – чокнутый. Если бы грешников только наказывали, то его бы... Он ведь, тварь, свободно может за кусок сухаря человека убить... Мне, говорит, можно. Мне все отпущено... Сука.

– Что пацаны? – так же тихо спросил Янычар.

– А все пацаны... – сказал Петруха. – Я так думаю, что им и больно-то толком не было. Я постарался для них. Мне за это грех какой-нибудь спишут, как полагаешь?

– Не спишут.

– Вот и я так думаю. Значит...

Договорить Петруха не успел. Только собирался сказать, что и Янычару, видимо, на амнистию рассчитывать не приходится, как тут ударил пулемет с БМП. Запоздало ударил. Проморгали часовые мутантов. Расслабились и увидели набегающую толпу только тогда, когда первые уроды оказались в двух-трех метрах от БМП.

Пулемет ударил, открыла огонь пушка, но хрипящая и завывающая волна захлестнула боевые машины и хлынула по ступенькам к открытым дверям дома. Прежде чем солдаты, находящиеся в доме, открыли огонь, хлипкая баррикада рухнула, и сквозь дверной проем впрыгнули несколько мутантов.

Один опрокинул солдата, впился ему зубами в шею, второй ударил бейсбольной битой, разнес, походя, голову бойца и бросился на следующего. Несколько пуль ударило мутанта в грудь, он замешкался всего на секунду, но потом, зарывав, вцепился руками в лицо ближайшего солдата, рванул, сдирая кожу – кровь брызнула во все стороны, солдат закричал пронзительно.

Автоматная очередь пробила и его, и мутанта, солдат умер сразу, а мутант, отшвырнув мертвого в сторону, снова бросился в атаку. Но теперь уже стреляло несколько автоматов – люди пришли в себя от первого шока и открыли огонь.

Янычар выстрелил трижды, пятясь к лестнице.

Мутанты все лезли и лезли сквозь дверной проем, пули, выпущенные в упор, рвали их плоть, ломали кости, но мутанты упрямо протискивались вовнутрь. Сержант кричал что-то, пытаясь расставить людей, но те не слушали – сбивались в кучу, так, чтобы чувствовать плечо друг друга, и стреляли-стреляли-стреляли-стреляли...

А мутанты, не обращая внимания на пули, продолжали лезть, толкаясь, нанося удары по своим, размахивая дубинами, арматурными прутьями, бейсбольными битами и клюшками для гольфа. Они даже что-то кричали, но разобрать слов было невозможно.

– В голову! – Сержант вскинул пулемет и выпустил длинную очередь, целясь в головы мутантам.

Двум или трем уродам пули разнесли черепа на куски.

– В голову! – снова закричал сержант, но в этот момент несколько мутантов с перебитыми ногами поползли до него и, вцепившись в одежду, повалили на пол. Падая, сержант нажал на спуск пулемета, пули ударили в потолок, разбивая куски декоративных плит и цемента, пробежали по стене, выбивая из окна остатки стекол, и врезались в солдата, который как раз сорвал с гранаты кольцо и собирался бросить ее в дверной проем.

Янычар метнулся в сторону, поскользнулся, проехал на спине, выстрелив дважды в набежавшего мутанта. Граната взорвалась, заполняя помещение черным дымом. Упали несколько мутантов и трое солдат.

Дед закричал пронзительно, падая на колени. Два мутанта вцепились в него, свалили на пол, потащили к выходу.

– Всем отходить на лестницу! – крикнул Янычар, поднимаясь вначале на колени, а потом, прыжком, и на ноги. – На лестницу! Не бежать, отходим отстреливаясь...

– В сторону! – заорал у него за спиной Петруха. – Свали с директрисы огня, Янычар!..

И сразу же ударил пулемет. Янычар шарахнулся в сторону, ударился плечом о стену.

Петруха и вправду был пулеметчиком от Бога, держа тяжелый пулемет у плеча, он короткими очередями разбивал головы наседающим мутантам, умудряясь при этом не зацепить людей.

– К лестнице! – снова крикнул Янычар.

Все рухнуло слишком быстро, а ему ведь было нужно еще часа полтора. Всего полтора часа. И чтобы дождь закончился... Но мутанты пришли не вовремя, жрать им захотелось, сволочам. И теперь...

На улице взревел двигатель БМП. Что-то заскрипело, загрохотало – водитель съехал с крыльца, чтобы иметь свободу маневра. Пулемет и пушка работали непрерывно. Поток мутантов, рвущихся в дом, иссяк.

– На лестницу! – Янычар бросился вперед, ударил ближайшего солдата в плечо. – Отходим на лестницу!

Солдат оглянулся, посмотрел безумными глазами, потом кивнул.

– Понял... На лестницу... Все – на лестницу...

Все – это полтора десятка уцелевших солдат. Двое тяжело возились среди тел мутантов, один пытался остановить кровь, густо текущую из разорванного живота, второй – просто умирал.

– Этих бросить! – сказал Янычар. – Отходить, сейчас не до раненых... Бросить.

Мутанты могут остановиться, если найдут достаточно еды. Тела их задержат, так или иначе.

Люди побежали к лестнице. Янычар пропустил их, потом подхватил брошенный автомат и, захлопнув дверь за собой, сунул автомат стволом в дверную ручку.

Дверь хлипкая, долго не продержится. Нужно что-то придумывать.

Люди стояли и сидели на ступеньках, глядя на Янычара так, будто он мог совершить чудо.

– Петруха, бери пятерых, бегом на второй этаж, тащите из квартир мебель... здесь нужно завалить дверь, потом подготовь то же самое на втором этаже. Потом – на третьем. Дождь же закончится когда-нибудь...

Пушка и пулемет продолжали работать на улице. Ревел двигатель.

– Ты только смотри, – шепнул Петруха, – не вздумай без нас рвануть...

– Дурак, что ли? – ощерился Янычар. – Мне нужно полтора часа, чтобы все подготовить.

– Хорошо, – сказал Петруха, – будут тебе полтора часа. Будут...

В дверь кто-то слабо стукнул.

– Мужики, пустите, – донеслось с той стороны. – Не бросайте...

Раненый добрался до лестницы. Солдаты оглянулись на Янычара, ожидая приказа.

– Пустите, суки! – крикнул, срываясь на визг, раненый.

– Это Дед, – сказал кто-то из солдат. – Снова выкрутился...

– Откройте!.. Иначе... у меня – граната... граната... я рвану... Если меня на руках не вынесете – я взорву эту чертову дверь... Я...

Янычар трижды выстрелил сквозь дверь. Оглянулся на солдат:

– Вопросы?

– Что устались? – вклинился Петруха. – Сказано же – баррикаду делаем. У нас еще пятнадцать этажей, можно отступать и отступать... ты, ты и ты – со мной.

– Давай. – Янычар опустился на ступеньку, положив ружье на колени. – Я отдохну и двинусь выше.

– Полтора часа, – сказал Петруха.

– Полтора часа, – кивнул Янычар.

Он дождался, пока притащили и свалили под дверь два дивана и шкаф, ткнул пальцем в ближайшего бойца:

– Ты тут будешь старшим. Пока есть возможность – просто упритесь в баррикаду, не стреляйте сквозь дверь – она и так хлипкая. Патроны берегите, патроны почти все в БМП остались... Когда станет неважно – отходите на второй этаж. Потом – на третий.

В дверь ударили чем-то тяжелым. Еще раз.

– Держите завал, – сказал Янычар и медленно пошел по ступенькам вверх.

Длинный сегодня будет день. Длинный и неприятный.

Петруха на втором этаже развернул бурную деятельность, Егорыч работал вместе с ним, мельком оглянулся на Янычара, хотел что-то сказать, но промолчал.

– Полтора часа, – сказал Янычар. – Я буду ждать вас на крыше. Через полтора часа...

Янычар устал. Сейчас больше всего ему хотелось лечь где-нибудь и уснуть. Такого с ним никогда не было, организм всегда работал на износ, до последней секунды, до последней возможности. А сегодня...

Вперед, приказал себе Янычар, и ему самому стало неприятно, насколько вяло и бессильно прозвучала команда.

– Вперед! – вслух скомандовал себе Янычар. – У тебя еще много дел...

Он дошел до шестнадцатого этажа без остановок. Дыхание не сорвалось, сердце продолжало работать четко и не торопясь.

Все получится. У него – все получится. Это была минутная слабость, и все.

Янычар выбрался на крышу.

Дождь ослаб, теперь вода не лилась сплошным потоком, крупные частые капли стучали по крыше, выбивали из луж фонтанчики, словно кто-то стрелял сверху.

Может, через час совсем стихнет. Или наоборот, передохнет и врежет с прежней силой.

Стихнет, сказал Янычар. Не может не стихнуть.

Нужно успеть за полтора часа. Лучше, конечно, быстрее... как можно быстрее...

Сергей и Рустам лежали возле самого ограждения. Дождь смыл кровь, остались только пятна на одежде. Автоматы стояли рядом, аккуратно прислоненные к ограждению.

Петруха даже сообразил притащить несколько сорванных с петель дверей, сложил их, будто пандус, на самом краю крыши. Плохо, что дом одноподъездный – крыша короткая, можно не вписаться.

Но другого варианта все равно нет. И не будет. Значит, будем пользоваться этим.

Янычар успел вытащить на крышу половину тюков, когда появился Петруха.

– Пришел присмотреть, чтобы я не сбежал? – недобро прищурился Янычар.

– Пошел на хрен, – отмахнулся Петруха и поставил пулемет на сошки напротив выхода на крышу. – Егорыч сказал, чтобы я тебе помог, он там и сам справится пока. БМП спеклись, то ли

уехали, то ли мутанты как-то люки открыли... или еще что-то случилось. Только прутся мутанты по лестнице как заводные... Только не это главное, Янычар...

Петруха запрокинул голову и стоял почти с минуту, ловя ртом дождевые капли.

– Люди там, внизу, скоро сообразят, что тебя не просто так нет возле них. Они там воюют, а ты... Понять не поймут, но заподозрят. Кто-то крикнет, что кинули, что ты всех подставил... А ты ведь подставил, правда? – Петруха потер лицо руками. – А ты в такую погоду справишься?

– Дождь уже почти закончился. – Янычар торопливо стаскивал чехлы с металлических штанг. – Помогать пришел – давай навались. Дотащишь в одиночку двигатель?

– Дотащу. Все сразу переть? Или что-то промокнуть может?

– Оно и так промокнет немного. Не страшно. Тащи.

Вдвоем работать получалось быстрее. Минут через сорок все было готово.

– И как эта хрень называется? – спросил Петруха, скептически рассматривая собранный аппарат.

– Мотодельтаплан. – Янычар проверил крепеж, тронул ручку управления. – Или дельталет.

– И эта фигня летает? Я бы на ней нипочем не полетел...

– Можешь не лететь, – сказал Янычар.

– Ага, счас. Это что, я зря горбатился? Нет уж, места согласно купленных билетов...

– Тогда тащи наш багаж сюда. – Янычар прикинул направление ветра, получалось, что дует он навстречу, как на заказ. Гарантии это не дает, но шансы увеличивает. И дождь практически скис, в воздухе висит мелкая мокрая мерзость – и все. Черные грозовые тучи ушли в сторону центра, сейчас ливень лупит по Кремлю. И мутанты вокруг, наверное, безумствуют.

Янычар подошел к ограждению, глянул вниз. Возле дома бесновалась толпа уродов. Со стороны торгового центра бежали все новые и новые.

Тут не хватит никаких патронов.

Петруха выволок на крышу прорезиненный мешок с патронами и оружием:

– Куда грузить?

– На одно из задних сидений, – спокойно сказал Янычар. – Переднее – мое, я буду управлять. Одно из задних – загружай нашими шмотками.

– Ага, хорошо, – кивнул Петруха, потащил мешок к дельталету, потом до него дошло. Мешок упал в лужу. – То есть как – на заднее сиденье? Ты же говорил – двоих заберешь...

Янычар не смотрел на Петруху, но ясно представлял, как недоумение на его лице сменяется злостью. Рука легла на рукоять ножа. Бросится в драку? Или...

– Ты же сказал... – упавшим голосом протянул Петруха.

– Без снаряжения мы не протянем и часа. – Янычар повернулся и посмотрел Петрухе в глаза. – Я рисковать не буду.

Вдалеке снова ударил гром, молния желтой паутиной отпечаталась на черном боку тучи.

– Ну ты и сволочь... – сказал Петруха. – Если бы сюда вышел Егорыч, то ты меня бы оставил?

– Нет. Я уже выбрал тебя.

– Это почему?

– А ты стреляешь хорошо. И быстро понимаешь, с какой стороны бутерброд маслом намазан. Укладывай мешок. Еще за вторым бежать...

Петруха несколько секунд стоял, ворочая головой, словно только что пропустил удар в челюсть и теперь пытался удержаться на ногах. Потом наклонился, поднял мешок и уложил его на правое заднее сиденье. Быстрым шагом прошел к выходу на последний этаж.

Что и требовалось доказать, констатировал Янычар.

Петруха приволок второй мешок, уложил его поверх первого, закрепил резиновыми

жгутами, дернул несколько раз, проверяя надежность крепления.

– Можно садиться? – спросил Петруха, подняв свой пулемет.

– Давай, – разрешил Янычар.

– Ты это, хорошо на этой штуке умеешь? – Петруха сел на свободное сиденье, пристегнулся ремнем и положил пулемет на колени. – Не гробанемся с ходу? Прямо с крыши вниз?

– Было бы обидно, да? – Янычар сел на место пилота, щелкнул тумблерами.

– Тут хватит места для разбега? – спросил Петруха.

– Вот сейчас и проверим.

Двигатель завелся сразу, Янычар несколько секунд подержал его на малых оборотах, прислушиваясь к звуку движка. Вроде все нормально. У мальчишки все всегда было отремонтировано и отрегулировано. В этом пофигист по жизни небрежности не терпел. Спасибо ему. Будем надеяться, что успел он с отцом добраться до убежища. Или умер сразу, не превратился... или не стал жратвой для уродов.

Петруха хлопнул Янычара по плечу, тот оглянулся – на крышу выбежал запыхавшийся Егорыч. Замер, держа автомат в опущенной руке.

Стрелять в него Янычар не мог – вращающийся винт полностью перекрывал линию выстрела. И быстро выскочить из аппарата тоже не получалось, Янычар только что пристегнулся. Была же мысль установить растяжку на предпоследнем этаже. Или вообще обрушить гранатами лестничный пролет.

Егорыч подошел к дельталету.

– Помочь? – крикнул он. – Подтолкнуть или подержать?

Лицо Егорыча было испачкано копотью и кровью. Боевая индейская раскраска.

– Просто отойди! – крикнул Янычар.

Теперь в Егорыча можно было выстрелить, но Янычар тянул.

– Ну что, Петруха, потом увидимся, – сказал Егорыч. – В аду.

– Извини... – прошептал Петруха, но его голос не пробился сквозь треск мотора.

– Двигайте, там мутанты прорвались, – сказал Егорыч. – Времени у вас нет...

Он резко обернулся к двери, вскидывая автомат. Нажал на спуск – первым из дверного проема вывалился солдат, за ним – двое мутантов.

– Ходу! – крикнул Егорыч, одной очередью выпустил оставшиеся в магазине патроны и выхватил из кармана куртки гранату. – Валите отсюда, суки!

Дельталет медленно покатился, набирая скорость. Петруха вцепился в плечо Янычара и что-то выл неразборчиво, молитву или просто матерился от страха и безысходности.

Быстрее, быстрее... Под колесами дельталета стукнули сложенные трамплином двери, выдержали. Крыша закончилась, аппарат завис на мгновение над бездной.

Значит, так тому и быть, подумал Янычар, сам удивляясь своему спокойствию. Так тому...

Они взлетели.

Сделали круг над крышей, увидели, как Егорыч бросил четыре гранаты в накатывающуюся волну мутантов, потом несколько раз выстрелил из пистолета. И когда мутанты уже почти дотянулись до него, прыгнул с трамплина вниз, раскинув руки, как крылья.

Янычар заложил вираж, и они с Петрухой так и не увидели, как упал Егорыч.

Нужно лететь на северо-запад.

На северо-запад, приказал себе Янычар.

На северо-запад.

Дельталет мотало так, что Янычару несколько раз едва удалось сохранить управление. Ветер налетал из-за высотных домов, выныривал снизу, норовя подбросить аппарат вверх, или наваливался сверху, прижимая его к домам.

Петруха с заднего сиденья что-то невнятно кричал, треск двигателя заглушал слова, но это было и неважно – пока дельталет в воздухе, пока не долетел до места назначения, на Петруху можно внимания не обращать. А вот потом, после посадки... сразу после посадки можно получить от него пулю в затылок. Или нож под лопатку.

И это будет в какой-то мере даже справедливо.

Янычар заставил Петруху сделать выбор. Заставил выбирать между спасением собственной жизни и жизнью приятеля. И даже не в этом дело – главная вина Янычара состоит в том, что он показал Петрухе то, что у того прячется внутри. В душе. А такое простить трудно, почти невозможно.

Егорыч...

Вот Егорыч повел себя странно. Ведь мог выстрелить, понимая, что все, что для него путешествие к спасению закончилось, что его списали, кинули, обрекли... Янычар бы точно выстрелил. Там невозможно было промазать, пуля обязательно достала бы либо кого-то из людей, либо повредила двигатель. С двух метров – без проблем.

Но он не выстрелил. Странно. Дурак?

Но почему – дурак, спросил у себя Янычар. Глупость совершил? Не убил того, кто его предал?

Это не входило, не вмещалось в систему мироздания по Янычару. Предателя – убить. Правда... А кем стал сам Янычар? Он же собрался убить своего Хозяина, даже не попытался оправдаться, объяснить, сразу решил расстрелять и его, и жену и ни в чем не повинных телохранителей... своих вроде как приятелей, между прочим. И не почувствовал себя предателем. Разве не так?

– Чушь, – пробормотал Янычар. – Ерунда, не забивать голову.

Он специально направил мотодельтаплан через центр Москвы, решил глянуть на Кремль. Столб черного дыма стоял над руинами, колокольня Ивана Великого была словно перебита посередине, купол валялся на куче битого камня. Но осаждающие продолжали стрелять – клубы белого дыма вырывались из стволов пушек, черные с красным фонтаны поднимались на остатках Кремля, люди суетились между танками и пушками.

Сообразив чуть ли не в последний момент, Янычар резким рывком увел дельталет в сторону, укрылся за дымом, несколько трассеров пролетели мимо аппарата.

– Если не с нами, то против нас, – пробормотал Янычар. Это понятно. Разве можно простить кому-то полет над городом, если сам ты сидишь в этом дерьме и понимаешь, что выбраться наружу не получится.

Российская государственная библиотека, бывшая Библиотека имени Ленина, уже не горела, над закопченными стенами поднимался белый мокрый дым.

Петруха хлопнул Янычара по плечу и указал рукой вправо – оттуда сплошной стеной двигался ливень. Сверкнула молния.

Если такая ударит в аппарат, то... Янычар повел дельталет влево, молясь про себя, чтобы туча оказалась не очень большой, чтобы удалось ее обойти по не очень широкой дуге, иначе горячего до цели могло не хватить. И не попасть под дождь.

Общее время налета на легкомоторных аппаратах у Янычара составляло около двадцати

часов, из них три – даже в ночных условиях. Но Янычар прекрасно сознавал, что если погода ухудшится еще хоть чуть-чуть, то с управлением он не справится.

Спокойно, сказал Янычар, спокойно. Все получится.

Внизу показалась толпа мутантов. Тысячи две. Они двигались в сторону Кремля, солдатам снова предстоял бой. И с каждым разом шансов отбиться у них будет все меньше и меньше. Просто правило – во время уличных боев нельзя оставаться на месте, необходимо двигаться, постоянно меняя дислокацию, имея в виду свою основную цель.

Солдат с каждым днем будет все меньше, а мутантов – все больше. Похоже, что эти твари стараются держаться вместе. И нападать вместе.

Университет выгорел снизу до пятого этажа. Пустые оконные проемы были обрамлены черными языками копоти. Янычару показалось, что на седьмом этаже кто-то есть... Точно, человек высунулся из окна и махнул рукой... На помощь надеется? Или просто желает удачи?

Туча теперь была сзади, скорость у дельталета была выше, туча отставала. Молнии сверкали на безопасном расстоянии.

Петруха что-то снова крикнул, но Янычар лишь мотнул головой. Пошел ты, товарищ дорогой. Потерпи. Вот приземлимся... если нормально приземлимся, вот тогда ты сможешь попытаться...

Лучше бы не пытался. Что бы ты там себе в голову ни вбил, теперь ты мне нужен живым. Хотя бы для того, чтобы дотянуть тюки до места назначения. Понятно, что сажать аппарат нужно как можно ближе к поселку, но тут уж как получится. Дорога возле Заставы не слишком широкая, проходит через лес, и вовсе не факт, что крылья дельталета не повиснут на ветках. Со всеми вытекающими последствиями.

Янычар решил пробиться в поселок.

Логика простая – народа в Заставе немного. Даже когда все съезжались, то набиралось от силы сто – сто пятьдесят человек вместе с обслуживанием. Когда грянула эпидемия, в поселке было... ну, три десятка слуг и охраны. Ну четыре, если кто-то из владельцев домиков туда добрался...

Треть стали уродами... мутантами... треть – выжили. Десять на десять? Ерунда! При том количестве оружия и всяких острых сельскохозяйственных орудий, что были в поселке, шансов у выживших отбиться – более чем. Во всяком случае, проредить мутантов люди смогут. И останется Янычару только добить... ну пусть даже десяток мутантов. Ерунда.

Вдвоем с Петрухой – тем более.

Нужно только объяснить придурку, что в паре им выжить проще. И поселок сможет прокормить их двоих долго. Очень долго. Вокруг лес. Заказник, принадлежащий... принадлежавший министерству обороны. До ближайшего поселка – пятнадцать километров. Ну не попрутся мутанты в лес просто так. В поисках жратвы они будут тянуться к городам, мелким и крупным. Выедать по дороге деревни и села, пополняться тамошними мутантами и двигаться дальше. В конечном итоге – в Москву. Там самые большие запасы еды.

Внизу промелькнул МКАД.

Плотные ряды машин, легковых и грузовиков. Некоторые скатились с дороги, некоторые сгорели.

Янычар глянул на часы, потом на индикатор горючего – должно хватить. Если бы не ветер...

Встречный ветер уже давно выдул из-под одежды остатки тепла, и мелкая дрожь колотила Янычара. Намокшая под дождем одежда высохла, но теплее от этого не стало. Руки сводило судорогой, глаза слезились – все-таки он хреново подготовился к броску, не учел мелочи. Петруха наверняка спрятал руки в карманы, поднял воротник, а вот Янычар не может себе такого позволить, нужно управлять аппаратом.

Нужно...

Над лесом поднялась стая птиц, Янычар вздрогнул и потянул аппарат в сторону и вверх, надеясь уклониться от стаи. Он помнил, как взбесившиеся вороны чуть не достали его на балконе дома на второй день после катастрофы. Хорошо, что дверь была открыта и Янычару одним броском удалось добраться до комнаты. И стекла были прочными, несколько птиц разбились о них, а трех ворон, сумевших влететь вовнутрь, Янычар расстрелял из пистолета.

В тот же день он увидел, как птицы убили трех человек возле дома. Настигли на открытом пространстве и...

В воздухе от птиц отбиться будет невозможно. Даже если они не достанут людей, то в винт врежутся наверняка. И тогда – все.

Янычар тащил аппарат в сторону, понимая, что расходует бензин, но лучше уж пройти по лесу несколько лишних километров, чем столкнуться со стаей и погибнуть.

Повезло – стая улетела в сторону Москвы.

Вот и славно.

Янычар осторожно снял правую руку с панели управления, сунул скрюченные пальцы за пазуху. После посадки он даже стрелять не сможет. Если возникнет такая необходимость – в Петруху или в мутанта, или даже в какого-нибудь волка (в заказнике полно всякого зверья), он, – не то что выстрелить – удержать оружие в руке не сможет.

А тут еще встречный ветер. Скорость дельталета упала, верхушки деревьев внизу теперь двигались очень медленно, иногда Янычару казалось, что аппарат просто висит в воздухе, не в силах преодолеть сопротивление ветра.

Еще почти семьдесят километров.

Янычар сменил руки, спрятав левую, а правой перехватив управление.

При такой скорости – еще час полета. Еще целый бесконечный час. Глаза резало, кожа лица заледенела и потеряла чувствительность. Начали болеть мышцы ног.

Сильный удар ветра слева, аппарат накренился, лес внизу приблизился, теперь он был похож на болотную жижу, готовую принять в себя очередную жертву. Янычар вцепился в ручку управления двумя руками, выравнивал дельталет.

Внизу промелькнули крыши небольшой деревеньки. Целые, не сторевавшие. И таких в округе наверняка полно. Можно будет обойти их, собирая припасы и нужные вещи. Янычар не знал, сколько ему отпустит зараза, о том, что на самом деле у него иммунитет, Янычар старался не думать. Этого просто не могло быть. Просто болячка сидит в нем и в любой момент...

Но сколько ему ни отпущено – год, два, он не собирается их отдавать просто так. Он будет жить. Он будет жить...

Осталось двадцать километров.

Встречный ветер наконец стих, начался, правда, мелкий дождик, но пусть так, пусть моросит и даже пусть сечет лицо, лишь бы дотянуть до поселка. Лишь бы...

Десять километров.

Птица – небольшая, черная, Янычар не разобрал, какая именно, врезалась в стойку крыла, превратившись в брызги крови и разбросав перья, будто осколки.

Черт!

Янычар оглянулся – вторая птица ударила его в левое плечо, отлетела в сторону черным комком.

Больно. словно кто-то приложил кулаком. Профессионально приложил, точно и безжалостно.

Дельталет вздрогнул – птица прорвала крыло дельталета, аппарат накренился. Еще один удар в стойку. В винт. В шасси. В мешок, лежащий на заднем сиденье. В винт. В двигатель.

Янычар прикрыл лицо локтем левой руки.

Петруха закричал что-то, потом грохнул выстрел возле самого уха Янычара. Еще один. Янычар взвыл и оттолкнул руку с пистолетом. Ни хрена это не поможет. Подстрелить птицу в воздухе, на такой скорости...

Удар, двигатель кашлянул и замолчал.

Придется садиться. И совершенно нет запаса высоты, чтобы оглядеться и выбрать место посадки. Да и какое тут может быть место в этом лесу из многовековых дубов.

Мать твою, мать-мать-мать...

Птицы, словно удовлетворившись нанесенным ущербом, перестали атаковать, Янычар не заметил, куда они делись, все внимание Янычара было приковано к верхушкам деревьев. Высота – метров пятьдесят. Аппарат планирует, но надолго его не хватит. И главное не делать резких движений. Даже если сейчас появится поляна в стороне, то повернуть к ней не удастся – не хватит ни высоты, ни скорости. Одна надежда – что-то появится прямо по курсу. Или совсем чуть-чуть в стороне...

Поляна.

Крохотная, метров пятнадцать-двадцать в диаметре.

– Приготовься! – крикнул Янычар Петрухе. – Держись!

Аппарат снизился. Ветка хлестнула по шасси. Еще одна.

Держаться. Уронить аппарат нужно на самом краю поляны. На самом краюшке. Ни перелететь, ни упасть раньше. Точно на краю... Вниз. Аппарат резко просел вниз, Янычар потянул ручку на себя, запрокидывая нос дельталаета и гася скорость. Шасси ударилось о землю, аппарат снова подбросило вверх, развернуло боком.

Янычар бросил ручку управления – все, больше от него ничего не зависит, вцепился в стойку. Наклонил голову, прикрывая ее плечом.

Крыло ударилось в дерево, резко затормозило дельталает, щелкнули, ломаясь, распорки крыла. Ветка ударила Янычара по спине, ремень врезался в грудь, выдавливая воздух из легких.

Удар – ремень лопнул, Янычар почувствовал, что летит, зажмурился и закрыл лицо руками, врезался в какие-то ветки... боль в левой руке... удар обо что-то упругое... еще удар... на этот раз – всем телом, о землю. Хруст, крик, треск.

Тишина.

Янычар лежал в мокрой траве лицом вниз. Не шевелиться. Переждать первый шок, не вскакивать, не размахивать руками – лежать и ждать, пока организм не сообщит о повреждениях. Лежать и ждать.

Левая рука.

Кисть начинает наливаться болью. Но не слепящей болью сломанной кости, а огненной... рана.

Болело все тело, но это ерунда. Оно и должно болеть после такого удара. Ноги... Янычар очень медленно и очень осторожно напряг мышцы ног. Сначала правой, потом левой. Потом медленно согнул ноги в коленях, тоже по очереди. Правая рука... Шевельнулась. Ни в плече, ни в локте ничто не мешает ей двигаться. Саднящая боль. Можно вообще не обращать внимания. Левая рука... Шевелится. В кисти при движении боль усиливается.

Янычар открыл глаза. Медленно повернул голову из стороны в сторону. Щека скользнула по мокрой траве. По приятно холодной мокрой траве. Спина, позвоночник – работает. Все вроде бы работает.

Можно попытаться встать.

Медленно.

На колени. Посмотреть на руки – ладонь левой руки разодрана, льется кровь. Это каким-то сучком, это можно перевязать. Вот когда ему в Колумбии раскаленным мачете провели по той же

ладони, вот тогда было больно, а сейчас... Правая рука – целая. В ссадинах, но рабочая. Встать на ноги.

Земля качнулась, деревья поплыли в сторону. Держаться на ногах, приказал себе Янычар. Держаться...

Мелкий дождик. Это хорошо. Это здорово, что сейчас с неба стекает живительный бальзам. Нужно только подставить под него руки. Как в детстве, когда он собирал дождевую воду в ладони и пил ее.

Вот так.

Ладони наполнились ярко-красной жидкостью. словно полные руки крови. У него ведь и вправду – полные руки крови. И той, что он пролил до катастрофы, и той, что он пролил после... Он ведь убил людей больше, чем уродов. Они с вирусом вместе составили неплохую команду убийц. Он и вирус.

Вода в ладонях посветлела, теперь на землю капали крупные розовые капли.

– Доброе волшебство смерти, – сказал Янычар, улыбаясь. – Смерть любит меня...

– Хоть кто-то тебя любит... – прозвучало справа.

Янычар оглянулся, рука легла на кобуру.

Петруха сидел, прислонившись спиной к дереву. Щека была расцарапана, по виску стекал тонкий ручеек крови, но в основном он производил впечатление не очень поврежденного человека. И оружия у него в руках не было.

– Чо за пушку хватаешься? – спросил Петруха и сплюнул кровь. – Я вон зуб потерял, прикинь. Чуть дерево не обнял с налета, вот на столько не попал...

Петруха показал пальцами, насколько именно не попал, получалось, меньше чем на сантиметр.

– Хорошо, – выдохнул Янычар и сел в траву.

– Что живы? Хорошо, – кивнул Петруха. – Хоть ты, конечно, и сволочь... Какая же ты сволочь, дорогой ты мой Янычар...

– Я знаю, – сказал Янычар, оглядываясь. – Меня предупреждали...

Они не очень далеко отлетели от дельталета, всего метра на три. И приземлились, нужно сказать, почти удачно. Каждый человек – одним целым куском.

Дельталеет лежал кверху шасси, бензин вытекал из разбитого двигателя, сломанное крыло валялось в стороне.

«Протекта» висела возле сиденья, вроде не пострадала. Пулемет Петрухи валялся в стороне.

– Ты со своим стволом разберись... – хрипло сказал Янычар, снова поднимаясь на ноги. – Лес, он, конечно, лес... но...

Янычар подошел к ружью, взял его в руки – вроде повреждений нет. Янычар снял «Протекту» с предохранителя, повернул ствол к стволу дуба на противоположном краю поляны. Нажал на спуск.

Выстрел, картечь ударила в дерево, разбрасывая в стороны куски коры и щепки.

Ружье работало, это неплохо.

Петруха засмеялся.

– Что такое? – Янычар повернулся к нему. – С чего это?..

– Я думал – в меня, – сквозь смех произнес Петруха. – Даже хотел в тебя раньше стрелнуть. В руке у него был пистолет, потерянный «макаров». Старый, нелепый, но с такой дистанции вполне смертельный.

– И почему же не выстрелил? – спросил Янычар.

– А мне стало интересно – в меня шарахнешь или как... – Петруха встал, опираясь о ствол дуба. – Насколько ты урод.

– И как?

– А что как? Тебе ведь носильщик нужен. Сам-то ты всего этого не дотащишь. Сколько мы не долетели до места? До твоего поселка?

– Километров семь. Может – пять.

– Не дотащишь без меня... А я без тебя поселка не найду. И в поселке не разберусь... Так что... Как та черепаха, перевозящая змею через море. Да?

– А если я тебе скажу, что ты мне нужен живым и дальше? – Янычар, держа в левой руке ружье, правой достал из кобуры «стечкина», осмотрел его и снова спрятал. – В паре выживать будем...

– А меня ты спросил? – усмехнулся Петруха. – На голосование среди меня поставил? А если мне лучше самому подохнуть, чем с тобой выживать? Не подумал?

– Это все потом. Доберемся, а потом уж... – Янычар подергал резиновые жгуты, которыми были закреплены мешки. – Давай, нам лучше засветло добратся...

– Давай, – согласился Петруха.

Он подобрал свой пулемет, поднял крышку, вытащил ленту с патронами, внимательно осмотрел каждое звено, проверил затвор и как работает механизм. Вставил ленту на место.

– Проверять не будешь? – спросил Янычар.

– А зачем? Все и так видно. А лишний раз тут шуметь – ну его на хрен. Мало ли кого привлечем. Нет?

– Резонно. Давай разберемся с оружием и всем остальным. Все тащить смысла нет. Оставим часть тут, а потом уж...

Из мешка он достал свой ранец, надел. Винторез в чехле повесил на плечо, пристегнув к ранцу.

– Второй пулемет я не беру, – сказал Янычар. – Патроны давай захватим, я возьму две ленты по сто пятьдесят патронов, и ты – сколько сможешь. Если что – у меня в ранце запасные стволы к ПК.

– Если тебя убьют?

– Что-то вроде того.

– Ладненько, уговорил.

– Еще автомат. Берешь?

Петруха взял из мешка АКМ, засунул несколько магазинов в карманы «разгрузки». Достал гранаты, несколько штук отдал Янычару, остальные распределил по своим карманам и на ремень. Оставшиеся патроны вытряхнул в траву.

Срезал ремни с кресел дельталета, соорудил с их помощью из мешка нечто вроде рюкзака. Загрузил в него продукты.

Забросил мешок за спину, подпрыгнул, прикидывая вес.

– Ну, пять километров уж как-нибудь... – сказал Петруха. – Значит, это... Как идем?

Янычар оглянулся, прикинул направление по солнцу.

– Вот туда! – указал рукой. – На север.

– У тебя картечь... – Петруха привязал ремень к стволу пулемета и прикладу, повесил его на плечо. – Значит, идешь первым. Я прикрываю сзади. Если кто на меня валится с тыла, я кричу и падаю, ты стреляешь. Доступно? Прямо сразу после моих матюков – лупишь без жалости, только не в землю.

– Если цель одиночная – на большой дистанции или рядом – работаю я. Если групповая...

– За групповуху больше дают, – сказал Петруха. – Пошли, чего топчешься?

Янычар пошел.

Под деревьями было почти темно, тучи плотно обложили небо, не пропуская солнечных

лучей. С веток капало, наполняя лес хаотическим стуком и шорохом. Так можно и нарваться, подумал Янычар. Достал из нагрудного кармана фонарь на эластичной ленте, надел на голову.

Подлеска не было, ветки на дубах начинались высоко, не нужно было ни пригибаться, ни проламываться сквозь кусты. Правда, в случае необходимости забраться на дерево будет непросто – толстые ровные стволы вековых дубов поднимались вверх, как колонны, зацепиться было не за что.

Они прошли уже километра три, когда Янычар замер и поднял руку.

Что-то ведь он услышал? Точно, что-то услышал, но что именно? Шорох? Так весь лес заполнен звуками, отличить один от другого – невозможно. Запах? Вот запах...

Еле слышный. Ветра под деревьями нет, только верхушки шумят. Ветра нет, поэтому запахи сохраняются дольше. Запах смерти. Запах гниющей плоти. Его ни с чем не спутаешь. И где-то рядом.

Янычар осторожно шагнул вперед, приняхался. Где-то рядом. Совсем рядом... За деревом лежали кости. Два черепа и почти полные скелеты, если судить по величине кучки из костей. Ребра, тазобедренные, берцовые...

Обрывки одежды, обувь. Пара армейских ботинок и кроссовки.

На костях – лохмотья гниющей плоти.

Янычар присел на корточки, осмотрел кости. Обрывки одежды почернели, но можно рассмотреть. Раньше это была армейская форма и что-то туристическое, ярко-синего цвета.

И жрали их не так чтобы давно. Дней пять, может. Неделю назад. Кто их ел?

А ты угадай, Янычар! Угадай! Не волки, не медведи. Люди их ели. Те, что раньше был людьми.

– Хреново? – спросил Петруха, присаживаясь на корточки рядом.

– Куда уж хуже... – Янычар постучал пальцем по стволу «Протекты». – Это значит, что где-то здесь бродят... Откуда они здесь? Тут же есть нечего...

– Да? – хмыкнул Петруха и стукнул стволом пулемета по одному из черепов. – А так сразу и не скажешь...

Неподалеку хрустнула ветка.

Янычар повернул ружье в ту сторону, прислушался.

– Так и будем сидеть? – поинтересовался Петруха. – Нам же все равно туда идти...

Снова хрустнуло, теперь ближе.

– Мать твою, – прошептал Петруха. – А скоро еще и стемнеет...

Янычар медленно выпрямился, двинулся навстречу подозрительному звуку, осторожно ставя ноги. Петруха – за ним, сместившись вправо, чтобы иметь свой сектор обстрела.

Хрип.

Вот теперь Янычар ясно услышал хрип, доносящийся из-за дерева. Мутанты здесь. Ждет в засаде? Или еще не услышал... Нет, услышал. Унюхал. И теперь...

Мутант атаковал слева, Янычар заметил краем глаза движение, развернулся и выстрелил. Голову уroda снесло, тело упало, руки и ноги дергались, словно жизнь не хотела покидать мутанта.

Ударил пулемет Петрухи. Несколько пуль попало в грудь второму уроду, прыгнувшему из-за дерева, пробили насквозь, вырывая из спины кровавые клочья, но задержали мутанта только на несколько секунд.

Янычар резко повернулся и выстрелил нападавшему в голову.

– Бегом! – крикнул Янычар. – Прямо и не отставай.

– Ты, главное, с пути не... – Петруха бросился следом за Янычаром.

– И сколько... сколько раз я тебе говорил... в голову... В голову!.. – на ходу крикнул

Янычар.

– Я психанул!.. – крикнул Петруха. – У меня нервы... и пулемет... И я...

Янычар, не останавливаясь, выстрелил влево. Мутант упал.

– Картечью легко... а ты из ПК попробуй... – Петруха вскинул пулемет к плечу, выстрелил короткой очередью – мутант, вынырнувший из-за дерева, получил две пули в голову и упал. – Вот, как я...

Янычар выстрелил еще трижды, два раза промазал, третьим достал мутанта уже почти в упор. Перепрыгнул через дергающееся тело, поскользнулся и упал на колено.

– Бежим, бежим... – Петруха подхватил его под руку, помог встать. – Рано нам еще отдыхать... Рано...

Казалось, что хрип заполнил весь лес, мутанты выли, перекликаясь или сзывая своих на охоту.

Темный силуэт стремительно вылетел из-за дерева, времени стрелять у Янычара не было, пришлось ударить прикладом в голову. Сильно.

Удар швырнул мутанта на спину, заряд картечи разнес голову в клочья.

Янычар стрелял семь раз. И еще один раз на поляне. Восемь. Значит, в магазине «Протекты» осталось четыре патрона. Но перезаряжаться некогда. Нужно бежать. Бежать и бежать, все время маневрировать, менять направление, петлять между деревьями и стрелять, когда появляется цель...

Выстрел – на одного мутанта меньше, три патрона в магазине. Два.

И в этот момент мутанты бросились скопом.

– Ложись! – заорал Петруха. – Получите, сволочи!

Янычар упал на землю, достал из кармана патроны и стал торопливо дозаряжать магазин. Три, четыре, пять... Один патрон выпал из руки. Черт с ним...

Петруха, матерясь, очертил круг длинной очередью, стоя над самой головой Янычара. Гильзы падали и шипели на мокрой земле. Одна попала Янычару на руку.

Из ствола пулемета вырывался длинный огненный сноп, освещающий лицо Петрухи. Сполохи огня отражались в глазах мутантов, лезущих со всех сторон. Казалось, что глаза светятся оранжевым пульсирующим огнем. Пули били в оскаленные лица, разбивали их в клочья, проходили головы навылет, били в тела, снова в головы – Петруха был классным пулеметчиком. Если бы, как в компьютерной игре, у него было бесконечные боеприпасы, то он бы справился, но в ленте было всего сто пятьдесят патронов. И они закончились.

– Твою мать! – крикнул Петруха, опуская пулемет. – Мать твою...

– Перезаряжайся! – Янычар выстрелил с колена.

Еще раз. Еще. Еще. Он стрелял как можно быстрее, пытаясь успеть повернуть ствол «Протекты» по кругу и удержать мутантов на расстоянии. Он уже не целился в голову, нужно было как-то остановить их, пусть перебив ногу или просто сбив на землю пусть хоть на мгновение.

Выстрел-выстрел-выстрел. Двенадцатый патрон нужно оставить в магазине, двенадцатая стрелянная гильза не вылетает, ее потом нужно будет доставать.

– Граната! – крикнул Петруха. – Ложись!

Янычар упал на спину, продолжая стрелять. Петруха бросил две гранаты. Он успел перезарядить пулемет и, когда гранаты взорвались, длинной очередью перечеркнул сумерки впереди себя.

– На прорыв! Давай в ту сторону! – Пулемет стрелял не переставая, Петруха ругался и выл, чертя магический круг пулеметным огнем.

Янычар бросился в облако дыма от разрыва гранат, висящее между деревьями. Как на

полигоне, когда нужно было бежать, лавируя между препятствий, бежать, уворачиваясь от противника и стреляя в хрипящие силуэты. В уродов.

Под ногами изменилась земля. Она перестала чавкать и липнуть к подошвам. Это не земля, сообразил Янычар. Это асфальт, мокрый асфальт дороги, ведущей к поселку. Только вот понять – влево или вправо? Идиот, выругался Янычар. Совсем голову потерял, это плохой признак. Поселок может быть только слева. Только слева...

– Влево поворачивай! – крикнул Янычар. – Бегом влево!

И побежал.

Сзади слышались шаги Петрухи, его хриплое дыхание и мат, который Петруха не прекращал, несмотря ни на что. А еще многоголосый хрип – за ними гнались мутанты.

От уродов по прямой не убежать – это Янычар понял давно, вывел это правило и неоднократно напоминал себе о нем, планируя прорыв из Москвы. Но теперь мог только бежать-бежать-бежать, понимая, что удрать не получится, что мутанты настигнут его рано или поздно, и все равно бежать, словно загнанная жертва.

Жертва?

Янычар остановился. Резко повернулся к набегающим мутантам, забросив ружье за спину. Рванул из кобуры «стечкин» и прицелился, держа пистолет двумя руками. Как в тире. Спокойно, не дергаясь и не нервничая.

Мутантов было не так чтобы много – десятка два. Это тебе не городская многосотенная толпа, способная снести строй солдат, перевернуть грузовики, вырвать люки из бронетехники. Всего каких-то два десятка уродов... Целых два десятка.

– Огонь! – скомандовал себе Янычар.

В голову... в голову... в распахнутую пасть... в лоб... в глаз... в глаз... мимо-мимо-мимо... в лоб... в лицо...

Рядом с Янычаром ударил автомат. Очередью разнесло голову мутанту, в которого собирался стрелять Янычар. Твою мать!

В грудь... в голову... в лоб... мимо-мимо... в грудь... Автомат свалил еще двоих, одному только перебил ногу, и мутант, хрипя, полз вперед.

Подбегавший мутант прыгнул, Янычар смог пробить ему голову, но уже мертвое тело врезалось в Петруху, сбив его на асфальт.

Янычар упал на колено, приставил пистолет к уху мутанта и выстрелил. Повернул оружие навстречу очередному уроду и выпустил последнюю пулю. В голову, получилось. Уронил пистолет, выхватил нож и, перекатившись, ушел в сторону. Вскочил.

Мутант был рядом. Его пальцы вцепились в «разгрузку» Янычара, рванули на себя, к оскаленным зубам, к хриплому зловонному дыханию.

– Ага! – сказал Янычар, делая шаг вперед. – Обнимашки!

Нож вошел мутанту в глаз. Рывок, хлынула кровь и слизь, Янычар вырвал клинок из раны, оттолкнул труп и шагнул навстречу следующему уроду.

Под челюсть, сильно и резко, нож пробил мозг, уткнулся острием в крышку черепной коробки.

Шаг назад, замах... Что-то ударило Янычара по голове, слева, над ухом. Мир вдруг стал бесшумным и поплыл. Янычар мягко повалился на бок... Не выпустить нож. Не выпустить нож... Перекатиться на спину...

Мутант в оранжевой спортивной куртке, изодранной и заляпанной засохшей кровью, замахнулся автоматом, держа его за ствол, как дубину. Приклад был покрыт коркой запекшейся крови и еще чего-то черного.

Перекатиться, выйти из-под удара... Янычар знал, что нужно делать, но тело отказалось

выполнять его приказы. Вот и все. Вот и все...

Пуля ударила мутанта в живот. Следующая – в грудь, следующая – пробила горло... Очередь добралась, наконец, до головы. Пуля вошла в открытый рот и вылетела, вырвав осколки затылочной кости.

Янычар встал на колени, держа нож перед собой и левой рукой пытаясь нашарить в кобуре под курткой «глок».

– Сейчас, – бормотал Янычар. – Сейчас-сейчас-сейчас...

Его сильно тряхнули за плечо. Потащили вверх, поставили на ноги.

...живой! – прозвучало над самым ухом, и звуки вернулись в этот мир.

Ветер, шелест веток и листьев, крики птиц.

– А я думал – все, концы... – сказал Петруха. – А они закончились первыми... Прикинь...

Мутанты закончились первыми.

Янычар потрогал голову над левым ухом – больно. Ну хоть не проломил урод, приклад скользнул, оставив ссадину и шишку.

Мутант с перебитыми ногами все еще полз.

– Живучие, суки. – Петруха прицелился и выстрели подползающему мутанту в голову.

– Заряжайся, – сказал Янычар, нашаривая в одном из карманов магазин к «стечкину». Загнал в рукоять, передернул затвор, вложил в кобуру. Вышиб из магазина «Протекты» оставшуюся гильзу, зарядил патронами из кармана. Нужно будет еще патронов пересыпать из ранца в карман. Пока хватает, но при первой же возможности...

– До поселка далеко? – Петруха заправил в пулемет еще одну ленту. – Тут патроны так расходуются, что свободно можем обанкротиться на полпути...

– Километра два, – оглядевшись, ответил Янычар.

Дождь усиливался, голова болела все меньше.

– А давай пробежимся, – предложил Петруха, подхватывая пулемет. – А то если из лесу появятся новые людоеды...

– Побежали.

Через пятнадцать минут показались ворота поселка. Сломанные ворота. Здоровенный черный внедорожник снес их, пытаясь вырваться наружу, и застрял, уткнувшись в столб. Дверца со стороны водительского места была открыта.

Янычар подошел, осторожно заглянул в салон.

Это была машина Хорста. Какого черта ему не сиделось в безопасном доме, а понесло навстречу смерти? Или что-то там случилось в поселке, такое, что нетрусливый, в общем, мужик все бросил и побежал.

Пол в салоне внедорожника был усыпан гильзами. Девять миллиметров, патрон «парабеллум», девять на девятнадцать, скорее всего, «Хеклер и Кох», охранники Хорста как-то хвастались, что имеют такие пушки.

Только сейчас Янычар заметил, что заднее стекло внедорожника выбито и несколько пулевых отверстий в задних стойках кабины. Отстреливался Хорст... или кто там сидел в его машине.

Дождь громко стучал по крыше внедорожника, глухо шуршал по асфальту.

– Я промокну и простужусь, – предупредил Петруха. – У меня уже насморк, имей в виду...

У него капало с козырька каскетки, с носа и со ствола пулемета.

– Ладно, пойдем поищем местечко... – пробормотал Янычар.

У него были с собой ключи от дома Младшего хозяина. Дом был недалеко от ворот, всего метрах в ста. Фокус в том, что придется идти мимо заборов нескольких домов, мимо стадиона и крытого спортивного комплекса. И черт его знает, кто там может быть...

Дежурка за воротами была пуста и разгромлена. Двери то ли не успели закрыть, то ли дежурный охранник у пульта превратился в мутанта. В углу комнаты для отдыха валялись обглоданные кости. Черепа не было.

Петруха дежурил у входа, поводя стволом пулемета из стороны в сторону.

– Здесь закроемся? – спросил Петруха.

Янычар задумался, потом сказал, что нет, пойдем дальше.

– Тут нет ни оружия, ни продуктов, – пояснил Янычар. – До моего дома всего ничего, и еще почти час до темноты. Успеем.

– Причем – везде, – буркнул Петруха. – И всюду. И к домику успеем, и на тот свет...

Они медленно двинулись мимо спорткомплекса, Петруха с пулеметом держался сзади, Янычар шел впереди. Он не пытался двигаться бесшумно – дождь перекрывал все звуки и, к сожалению, ограничивал обзор. Лучше рискнуть и побыстрее добраться, чем передвигаться медленно и все равно рискуя нарваться на уродов.

Ворота во двор были закрыты, это был неплохой знак.

Замок щелкнул, створка отошла в сторону. Петруха скользнул вовнутрь, Янычар вошел следом, закрыв за собой ворота на замок. Лужайка перед домом, дорожка, выстеленная каким-то специальным гранитом, крепким и жутко дорогим.

Ставни на окнах закрыты, бронированная дверь – закрыта. Электронный замок вырубился без электричества, но механический открылся без возражений.

– Все, – сказал Янычар, впустив Петруху и закрыв за собой дверь. – Мы – дома...

Петруха поставил пулемет на пол, сел рядом, сжал руками виски и долго, затейливо матерился.

– А еще тут есть электричество, – сказал Янычар. – И это значит, что мы можем накачать воды и принять ванну.

Он спустился в подвал, проверил дизель, открыл кран на баке с горючим, и через минуту в доме зажегся свет.

Янычар не верил себе.

Бросил оружие на диван в гостиной, прошелся по медвежьей шкуре, лежавшей возле дивана вместо ковра, достал из бара бутылку вина, отхлебнул прямо из горлышка и все равно не верил. Руки дрожали. И ноги – тоже дрожали.

Он, оказывается, здорово испачкался в крови. Нужно раздеться и вымыться. А потом...

– Слышь, Янычар, – сказал Петруха, появившись на пороге гостиной. – А на улице, кажись, стреляют.

– К черту, – сказал Янычар. – К черту! Я спать хочу. Я устал. Пошли все на хрен!..

– Вроде как дробовик работает. – Петруха почесал за ухом и вздохнул. – Глянуть не хочешь?

Янычар молча сел на диван и сжал голову руками.

– Не, не хочешь – так и пожалуйста. – Петруха тоже присел на диван, на самый краешек, пулемет поставил между ног, на приклад стволом кверху. Патронная лента с тихим позвякиванием легла на пол. – Только я думал, ты захочешь посмотреть. Ты же говорил – место тут тихое, мутантов этих быть не должно... ну или с десяток... Десятка три мы с тобой грохнули, пока сюда через лес да по дороге перлись. А это тогда кто?

Янычар молча мотнул головой.

Он закончился. Весь закончился, до капли. Никогда не думал, что может вот так... опустошиться, что ли... У него все получилось, он убивал, обманывал, снова убивал, бежал, убивал, чудом не гробанулся на дельталете и по самой грани прошел на дороге, сражаясь с уродами в рукопашную. И что?

Это будто он вернулся на базу, а базы нет. Все разрушено, и его планы отдохнуть, перекусить

и выспаться разом пошли ко всем чертям. Так нельзя. Когда Янычар ходил на задание, то патронов и гранат брал в обрез, чтобы лишнего не таскать, чтобы хватило как раз до возвращения. В этом был своеобразный шик – вернувшись на базу, продемонстрировать пустой магазин в автомате и последний патрон в пистолете. И все знали, что это он не выпендривается, не расстрелял боеприпасы где-то возле финиша, а честно работал, но все точно рассчитал.

Так и сегодня... Он не боеприпасы, не патроны с гранатами рассчитывал – себя. Терпение, выносливость, силу воли рассчитывал так, чтобы в обрез, чтобы выдохнуть все, ничего не хояча на черный день, выйти к финишу на рывок... И вышел, и рухнул без сил за финишной чертой, но, оказывается, нужно встать и снова бежать, на этот раз – без срока, без конечной цели, без сил и желания...

– А и тут отсидеться можно, – сказал Петруха. – Дверь закроем, жратвы, говоришь, тут навалом... А там постреляют и прекратят. Либо патроны закончатся, либо люди... Чего их жалеть... людей. А вот патронов...

– Тебе делать нечего? – спросил Янычар.

– Нечего, – с готовностью кивнул Петруха. – Ты говорил – тихое место. Говорил? А тут что? Говорил, что сюда никто не заберется... человек не дойдет, не то что мутант. И? Я бы пошел разобраться – что же нас так обломало. Спросил бы, пока еще есть живые. Но ты хозяин, как ты скажешь – так и будет...

Янычар закрыл глаза. Где-то в глубине тела мелко вибрировала струна. Тонкая, звучащая где-то возле ультразвука. И все мышцы отвечали ей в тон. Дрожи не было, были тихий-тихий звон и вибрация. Это ведь не страх, правда? Это не трусость, не слабость... Просто он устал.

Он может прямо сейчас, не сходя с дивана, придумать с десяток причин, по которым не нужно никуда идти. Вообще вредно выходить из дома, переться сквозь сумерки на грохот выстрелов из какого-то там дробовика. Утро вечера мудренее, между прочим.

Хотя «мудренее» – это сложнее. Мудреный – хитро устроенный.

– Ладно, – сказал Янычар и встал с дивана. – Пошли. Патроны, гранаты...

– Пока есть. – Петруха вздохнул и тоже встал. – Ты такой заводной, Янычар. И такой смелый...

Янычар не ударил. Просто лезвие ножа вдруг оказалось возле самого лица Петрухи, холодный металл коснулся щеки.

– А еще я добрый, – сказал Янычар, убирая нож. – Имей в виду.

– Уже. Имею. Как идем?

Они поднялись на второй этаж, вышли на балкон. Прислушались.

– Ну, где стреляют? – спросил Янычар.

Уже стемнело, поселок накрыла ночь, тучи не пропускали ни лунного света, ни света звезд. Кромешная темнота. И тишина. Даже птицы не кричат. Хотя ночью птицы должны спать. И люди должны...

Выстрел.

Петруха не соврал, ударило что-то гладкоствольное. И возле гостевой площадки. Не самое лучшее место для ночной разборки с мутантами или уродами... Слишком много окон на первом этаже, слишком хлипкие решетки. Слишком большой периметр обороны.

Еще раз ударило ружье, и словно в ответ ему ударил автомат. Как-то торопливо прозвучала очередь, словно в ответ на тот самый выстрел. Будто кто-то с кем-то перестреливался. И точно не с мутантами, те, насколько знал Янычар, не стреляли.

– Люди, что ль, друг в друга палят? – спросил Петруха. – Мало им мутантов, что ли?

Свет они в доме уже выключили, выдать себя нечаянным сполохом не выдадут.

Янычар пропустил в дом Петруху, закрыл балконную дверь и опустил железные жалюзи.

Снаружи донеслась еще одна автоматная очередь.

– Ладно, – сказал Янычар. – Погуляем.

– И развлечемся, – подхватил Петруха. – Давно не стреляли, у меня даже ствол в пулемете остыть успел.

Они вышли наружу, остановились, дожидаясь, пока глаза привыкнут к темноте. Снова выстрел из ружья плюс двойной звук чего-то поменьше, вроде пистолета. И автоматная очередь. Две автоматных очереди.

Янычар бесшумно двинулся вдоль забора. Петруха шел следом. И толково шел, почти также тихо, как Янычар. Пулеметная лента позвякивала, словно колокольчик на козле.

Янычар хмыкнул и почувствовал, что улыбается. Дурацкая улыбка упрямо раздвигала его губы и не желала уходить с лица. Хорошо, что темно.

Голоса.

Луч света мазнул по забору и погас.

Все-таки люди. С другой стороны – а почему бы и нет? Во все времена, при катаклизмах, эпидемиях и катастрофах, всегда находился кто-то, кто начинал собирать ценности, убивая всякого, кто пытался ему в этом помешать. Чем конец света лучше?

– Ничем, – прошептал Янычар. Он даже в переговоры не собирался вступать. Понять – сколько и где. И убить. Если не всех, то как можно больше.

Говорили двое. Янычар не вслушивался в смысл звучащих слов, определил, что двое, что стоят возле дома Рабиновича. А фонарик светил с другой стороны, от дома Етоева, значит, там еще минимум один.

Янычар нащупал в темноте руку Петрухи, вложил в нее «Протекту». Вынул нож из ножен. Второй достал из-за голенища. Инструктор за такие фокусы Янычара прибил бы: работать в темноте двумя клинками, пытаясь одновременно достать двух противников, – это пижонство. Смертельно опасное пижонство. Но других вариантов нет. Работать на скорость одним ножом по двум целям Янычар не сможет – устал. И просто не докрутит финт, не выйдет на нужную скорость... И все. И кто-то из противников успеет крикнуть.

Будет смешно, если окажется, что противник не эти, что на улице, а те, что в гостевом павильоне.

Двигаться быстро и бесшумно. Никаких переползаний и подкрадываний.

Тут ведь рядом. Тут – рукой подать. А если в руке нож, то и совсем все просто...

Клиники вошли одновременно в две шеи. Сзади, между позвонков, разрезая спинной мозг. Янычар даже успел придержать тела, подвесить их на несколько мгновений на клинках, потом присесть и, опустив руки, позволил телам сползти с кинжалов на землю.

Совсем бесшумно не получилось, автомат выпал у покойника из рук и громко ударился о бордюр.

– Что там у вас? – спросил тот, что был с фонарем.

– Нормально, – буркнул Янычар.

Если человек уже включал свой фонарик в темноте, то что может помешать ему сделать ту же глупость еще раз? Янычар достал из кобуры пистолет. Нужно бы живым, но...

– Что там у вас, пацаны? – спросил счастливый, но туповатый обладатель фонарика.

– Да нормально все, – сказал Янычар и поднял пистолет. – Нормально...

Но стрелять не пришлось. Послышался звук удара – очень характерный звук соприкосновения чего-то тяжелого с черепом.

– Петруха, ты? – спросил Янычар.

– А кто еще? Первый красный командир товарищ Клим Ефремович Ворошилов? Их, похоже, трое было. Вот этот вроде живой. Ты глянь, чтобы мы не напутали чего. И пушку свою заberi.

Тяжеленная дура, как ты только с ней управляешься... Глянул? Чужой?

Чужой.

Янычар осветил его лицо, прикрывая фонарь ладонями. Совершенно чужой. Оно и лучше.

Значит, можно идти к гостевому павильону. Только чтобы на пулю не нарваться.

Метрах в десяти от входа в павильон Янычар встал за дерево.

– Эй, в павильоне! – тихо позвал Янычар. – Кто живой есть?

В темноте щелкнули курки двустволки.

– Не стреляй, мать твою так. – Янычар начинал заводиться. – Это Янычар. Янычар. Кто в павильоне?

– Янычар? – радостно спросили из павильона. – Неужели ты? Откуда?

– Из Москвы. А ты кто?

– Илья Денисыч, – ответили из темноты, и Янычар опустил «Протекту» стволом к земле.

Илья Денисыч был садовником в доме Хорста. Толковый мужик лет шестидесяти, всегда спокойный и невозмутимый.

– Мы подойдем? – спросил Янычар. – Я не один, со мной напарник.

– И контуженный козел, – сдавленным голосом добавил Петруха.

Он взвалил обездвиженного противника себе на плечо и был этим не очень доволен.

– Открывай дверь, – сказал Янычар. – Как ты только выжил здесь все это время, Денисыч?

– Да как-то так, – сказал садовник. – Я тут не один.

– Слышь, Янычар, тут у нашего клиента рация хрипит. Похоже, с ним кто-то хочет поболтать... – тихо сказал Петруха. – Ответишь? Или мне послать?

– Потом. Подожди пока...

Янычар подошел к двери павильона, она открылась, и на пороге появился темный силуэт. В лицо Янычару пахнуло вонью сгоревшего пороха.

– Привет, я уж думал, концы нам... – сказал Денисыч.

– Еще нет. Сколько их было?

– Вначале – семеро. Потом трое уехали на БМП, а четверо остались. Одного я, извини, завалил.

– Зачем? – искренне удивился Янычар.

Шансов у старика отбиться от четверых, даже выстрелив первым, не было.

– Они тебя хотели убить?

– Нет... Тут такое дело... – пробормотал Денисыч. – Ты заходи, я объясню. И приятеля своего зови, тут ночами не спокойно, эти... зомби шастают... Немного, но почти каждую ночь приходят.

– Заноси, – Янычар обернулся к Петрухе. – Поболтаем.

В гостевом павильоне былолюдно. Помимо Ильи Денисыча был еще слуга Хорста, коренастый парень с Филиппин – привезенный в Россию лет пять назад, да так и привыкший к здешним холодам и порядкам. Еще было четырнадцать детей, по виду от семи до одиннадцати лет, и... тут Янычар недоверчиво покрутил головой...

Так не бывает. Вот не должно так быть. Не бывает – большими буквами по всему небосклону.

Но в павильоне был еще и полковник ФСБ, сосед Младшего хозяина по высотке в центре Москвы. Тот самый, что пристрелил горничную, чтобы не спорить с женой. Как там звали горничную? Доминика. Безответная такая, Янычар не помнил, чтобы она хоть раз возразила своей идиотке-хозяйке. А дети ее, кажется, любили.

Сейчас полковник уже не был таким уверенным и холеным, как обычно. Сидел на полу, прислонившись к стене. Немытые нечесанные волосы, обычно тщательно уложенные, цвета перца с солью. Очень был презентабельный мужчина.

Сейчас на нем был пиджак с оторванным рукавом, грязная рубаха, испачканные грязью брюки и туфли. А в руке он держал пистолет. Все время держал, не выпуская. ПСМ, игрушка для старшего офицерского состава убить, конечно, способная, но...

Какая, впрочем, разница?

– А жена где? – спросил Янычар фээсбэшника, направив луч фонаря в лицо. – И дочка? Где потерял, чекист?

Чекист вздрогнул, медленно оторвал взгляд от пола, посмотрел, не мигая, на фонарь. По щеке скатилась слезинка, оставляя дорожку на грязной коже.

– Нету их, – сказал чекист. – Потерял. А я тебя знаю?

– Я видел, как ты уволил Доминику. – Янычар убрал наконец луч с лица чекиста. – И посоветовал лучше разобраться с женой...

– А... – протянул чекист. – Это был ты... А ведь ничего не помогло, представляешь? На место сбора успели, в автобус сели... Сели в автобус...

Голос звучал глухо, паузы между словами становились все больше. Губы дрожали, а пальцы, сжимавшие пистолет, напряглись.

– Ты слышал про Узел-3? – спросил чекист.

– Нет.

– Ну, тут неподалеку, почти рядом... Нужно выехать на трассу, потом до поворота на заказник... это неважно, да... неважно... Колонна ушла вовремя... За МКАД к автобусам присоединились броня и армейские грузовики... Гаишники были предупреждены, дорогу расчищали... Быстро доехали... Нормально... Нормально...

Голос чекиста дрогнул.

– Потом на лесной дороге встали. Наглухо встали, даже развернуться автобусам было негде... Солдат поставили в оцепление... Жена закатила истерику... она мне все еще не могла простить, что я не взял с собой Доминику... Душно жене было в автобусе. И детей... детей нужно было вывести на свежий воздух... И не смей спорить со мной, тряпка! Не смей! Я договорился, нас выпустили... Вышли из автобуса... Аристарха я вывел за руку, Владика – жена... да... Я уже хотел возвращаться обратно, в салон – было холодно, сыро... Мерзкая погода... Но тут кто-то закричал. Дико закричал... Автоматная очередь... – Чекист поднял палец левой руки, словно и сейчас слышал крик и стрельбу. – Я сказал жене, чтобы бежала в лес... Она что-то возразила... как обычно... я схватил детей за руки, потащил в лес... она бросилась за

мной... Автоматы стреляли уже совсем рядом, кто-то бежал рядом со мной... сзади кричала жена... Владик споткнулся, но я не остановился, тащил его за собой... просто тащил... Потом жена вскрикнула и захрипела... Я остановился, повернулся к ней... Она билась в конвульсиях на земле... сгребала ногами старые прошлогодние листья... будто хотела нагрести побольше... или отползти от меня... Аристарх заплакал. Владик закричал, что с мамой плохо... маме нужно помочь...

Снова по лицу чекиста пробежала слеза. Еще одна. Но теперь это было не от яркого света, Янычар светил в сторону. А слезы – текли.

– Маме нужно помочь... А у меня... у меня обе руки заняты... обе руки, я же детей держу, чтобы не потерять... рядом кто-то кричит, бежит кто-то, меня в спину толкнули, а стою и смотрю на то, как умирает моя жена... мать моих детей... умирает... Только не умерла она, понимаешь? – Голос чекиста сорвался в крик и снова превратился в хриплый шепот. – Не подохла она, а стала... стала этой... тварью... И прямо с земли... прямо с земли она бросилась на нас... на Аристарха, он стоял ближе к ней... Я держу его за руку, а она... она вцепилась ему в горло. Вот так, прямо как зверь... как сука... Аристарх вскрикнул, дернулся... мне на руку попали брызги крови... я сразу и не сообразил, что делать... не сообразил... даже, кажется, что-то ей сказал... «Зачем?.. Что ты делаешь?» – сказал, а она... она вырвала ему горло зубами... его тело обмякло, повисло на моей руке... Владик кричит, просто в истерике... Я ударил суку ногой, попытался оттолкнуть, но она... она словно ничего не почувствовала, жрала моего сына, захлебываясь кровью и хрипя... и мне стало страшно... так страшно... я выпустил руку Аристарха и побежал в лес... подхватил Владика на руки и бежал-бежал-бежал... Сзади ударил автомат. Пуля просвистела возле самого моего уха... зацепила плечо... даже не ранила, только разорвала ткань, я потом увидел... Владик... Владик вскрикнул так пронзительно... забился у меня в руках... Там было темно... под деревьями было темно, почти ничего не видно, я прижал Владика к себе, стал спрашивать, что... что случилось... думал – ветка... А это... это пуля... Владик затих... так обмяк... повис у меня на руках... а я бежал дальше... дальше и дальше... за спиной кричали и стреляли, ревели двигатели и грохотал пулемет... а мой сын молчал... Уже потом я увидел, что... что нет у меня больше сына... увидел... я его похоронил... Как смог – похоронил... Хотел там же, над могилой... это... – Чекист поднес пистолет к виску. – Но не смог... не смог себя заставить... Кто-то бежал через лес в мою сторону... кажется... я испугался... правда глупо?... Хотел себе пулю в лоб пустить, а тут кого-то испугался...

Чекист всхлипнул, прижал руки к лицу, не выпуская из пальцев пистолет.

– Не нужно, дядя Володя. – Детский голос прозвучал рядом, от неожиданности Янычар вздрогнул и чуть не выронил фонарь.

Девочка лет десяти, худенькая, с длинными распущенными светлыми волосами, подошла к плачущему мужику, положила руку на его плечо. – Не плачьте, дядя Володя, не нужно... Нам же еще остальных спасать. Нужно быть сильными... Правда, дядя Володя?

Чекист всхлипнул и замолчал. Он глотал свои слезы, затапливал свое горе поглубже, в самые печенки, туда, где ему самое место, если еще не собрался умирать, если еще думает жить... Все-таки крепкий мужик, подумал Янычар. Сука, гебист, но...

Не получилось вызвать в себе к нему ненависть. Не получилось... Да, никуда не делся из памяти Янычара тот выстрел возле дома, но как-то... Янычар вдруг подумал, что хорошо... хорошо, что у него самого нет семьи, и он даже представить себе не может, что испытал этот человек.

Янычар выпрямился, поискал взглядом и лучом фонаря Денисыча. Подошел к нему.

– Ты-то как выжил, дед? Почти три недели прошло, как грянуло... И дети... Что за дети?

– Да так, приютские. Из слезоточивых роликов. Ну, ты помнишь, наверное, как кому-то из

поселковых нужно было для телевизора что-то душещипательное про себя сварганить, так из детского дома сирот тащили. Или в город – кандидат в депутаты организовал для воспитанников детского дома каникулы и экскурсию... Мать его так... Или пикник для сирот опять же... Вот кто-то из наших заранее назначил съемку... За неделю до, значит... А отменить в суматохе не успел. Телевизионщики не приехали, а детей из детского дома привезли... Воспитательница, заведующий детским домом и водитель. Как раз перед... перед этим самым.

Янычар слушал не перебивая.

Детей поначалу было двадцать пять, ровно столько, сколько вмещалось в детдомовский автобус. Охрана их не пускала на территорию поселка, позвонили хозяину, тот выматерился, ему было не до того, но детей впустить разрешил. В гостевой павильон. Велел чем-нибудь накормить и отправить к чертовой матери. Позвали Илью Денисыча, чтобы разобрался, он достал из кладовой печенье, воду сладкую... А потом началось.

Не сразу сообразили, почему водитель детдомовский вдруг упал на пол, забился в судорогах, пуская пену. Просто увели детей в другое помещение, чтобы не видели. Денисыч с воспитательницей увели, а директор остался с водителем. А потом, когда тот вдруг вскочил и бросился на него, директор отбиться не смог. Денисыч увидел, что творится, и захлопнул дверь.

И больше ничего толком не видел из того, что происходило в поселке. Когда неподалеку стали стрелять, затащил всех детей в подвал, там была железная дверь, засов изнутри. Там и просидели почти неделю.

Выбрался наружу Денисыч, детей оставил под присмотром воспитательницы. Огляделся, заскочил к себе в домик, взял ружье и патроны. Когда вернулся в павильон – чуть не опоздал. Воспитательница успела мутировать.

Старшая девочка сообразила, потащила детей из подвала наружу, но всех вывести не успела. Когда Денисыч прибежал на крик, в живых осталось только четырнадцать из двадцати пяти детей. Воспитательница выла, хрипела и рвала всех, как обезумевшая от крови волчица, попавшая в овчарню.

Денисыч ее пристрелил. Потом пришел Максимка, филиппинец. Он сидел все это время в сарае с инвентарем, пока вокруг люди убивали друг друга и умирали. Он ничего не рассказывал, русский язык так толком и не выучил, с хозяевами общался на английском. Пришел на выстрел. Остался. Помогал добывать еду и зарубил мачете двух мутантов, которые чуть не прорвались в оставленную открытой детьми дверь.

Потом оказалось, что тут же, в поселке, прятался чекист. В каком-то сарае, питался яблоками, которые там лежали в ящике. Тоже пришел, когда услышал выстрел.

Неплохой человек, сказал Денисыч, только к детям не подходит. Только вот Инга с ним разговаривает. Если бы не Инга, сказал Денисыч, потеплев голосом, совсем плохо было бы. Это она детей увела от воспитательницы. И возится с ними все время, успокаивает, играет.

– Я так тебе честно скажу, если бы не она – мы бы и не выжили. Поверишь? Ей десять лет, а возле нее чувствуешь себя... увереннее, что ли... Даже странно...

А вчера в поселок приехал броневик.

Это Денисыч сказал – броневик. По описанию получалось – БРДМ. И семь человек на нем. Денисыч поначалу обрадовался, да и как не обрадоваться, если помощь наконец пришла, вот она. Свои. Наши.

Они тоже вроде обрадовались. По плечу Денисыча хлопали, закурить дали, Денисыч очень без курева страдал. Когда детей увидели, так прямо счастливы были. По рации связались с командиром, доложили. Трое уехали на броневике, а четверо остались. Денисыч слышал, как они говорили. Ему бы тогда насторожиться, когда один из приехавших сказал, что среди детей – десять девок. Девки – это о девочках, которым от семи до десяти лет. Но Денисыч не сообразил,

не отреагировал.

А потом чуть не опоздал. За ним Инга прибежала, позвала. Он вбежал в спортивный зал, а там один из приехавших восьмилетке рот зажал и... Я такого и представить себе не мог, сказал Денисыч. Прямо остолбенел на пороге. Как каменный стал.

– А он, это урод, так ко мне, не торопясь, голову поворачивает и говорит вальяжно – ты, дед, пока погуляй, я первый. Надо было, говорит, раньше думать, девки под рукой, а ты... Или все-таки, говорит, успел?

– Я и успел. Он без оружия был, а у меня – двустволка. Я к нему подошел, чтобы девочку не задеть, ствол к голове приставил и выстрелил. Голова в клочья, Ленка – в крик, хорошо еще Инга к ней бросилась, одежду поправила и прочь увела. А тем, что на улице были, я сказал, чтобы они не заходили. Что я их перестреляю... И мужик с пистолетом, этот, что приبلудился, тоже рядом встал, даром что молчал все время да в углу сидел. Эти трое не поверили, пошли к двери, ну я выстрелил. Не попал, но они отступили и тоже стали стрелять. Ну, а потом появился ты.

– Как по волшебству, – сказал Янычар.

– Ну ты же сюда все время шел, с самого начала, да? – негромко сказал Петруха. – Выходит, судьба у тебя такая – этих детей...

– Рот закрой, – оборвал Петруху Янычар. – Нет никакой судьбы. Человек все решает сам.

– Тогда давай, реши еще и вопрос с клиентом. – Петруха пнул ногой застонавшего пленного. – Оно приходит в себя, да и рация вон прямо надрывается...

– Ты его связал?

– А как же?

– Значит, подождет. – Янычар снова повернулся к Денисычу. – Тут как с едой?

– Заканчивается. Мы на благотворительных, значит, подарках тянули, тут наши жлобы запас держали, оптом всегда покупали, чтобы дешевле вышло, но все уже почти закончилось, еще дня на два.

– Значит, уходить нужно, – сказал Янычар. – Вы почему в дома не перешли? Там же и еда, и оружие...

– А как я двери вскрою, ваше благородие? Тут же все дома как крепости. Я сунулся в ближние – хренушки. Да и нельзя далеко отходить. Ружье одно, я унесу – тут не отобьются, оставляю его – сам, может, не вернусь. Так и сидим.

– Так и сидишь... – Янычар присел на корточки возле пленного, посветил в лицо фонарем – веки у того дрожали, значит, пришел в себя, но прикидывается, что еще в беспамятстве. – Тут есть уединенное помещение, где я смогу поработать с молодым человеком?

– В зале подсобка для инвентаря. Только ты там не очень с ним шуми, детей спать пора укладывать...

– Подожди. С этим подожди, может, мы отсюда уйдем...

Вместе с Петрухой они перетащили пленного в крохотную комнатку. Закрыли дверь поплотнее. Янычар положил фонарь на стол, лучом в потолок, стало почти совсем светло.

– У тебя, Петруха, желудок крепкий? – спросил Янычар.

– Гвозди переваривать не могу, а так... Или ты про то, как я к крови и пыткам отношусь? Не так чтобы нравится мне это дело, если честно. Убить – запросто, а вот резать и пытаться... не мое. Как-то видел – ушел.

– Так, значит, иди, – сказал Янычар. – Здесь сейчас будет грязно.

Пленный вздрогнул и открыл глаза.

– Доброе утро, – сказал Янычар. – Как голова, не болит?

Пленный качнул головой.

– И хорошо. Тебя как зовут?

– Евгением его кличут, Жекой, значит. – Петруха протянул удостоверение. – Он у нас сержант-контрактник. Мотострелок, мать его...

– Евгений Мостовой, – прочитал Янычар. – Как же это ты, Евгений, дошел до жизни такой?

– Я, пожалуй, пойду, – сказал Петруха, увидев, что Янычар вынимает нож.

– Я позову, если что... – Янычар провел лезвием по щеке сержанта. Тот вскрикнул скорее от неожиданности, чем от боли.

– Ты мне все скажешь, Евгений Мостовой, – пообещал Янычар. – Не пройдет и часа.

Через час Янычар сержанта отпустил. Решил, что тот все уже рассказал. И что мучить больше необходимого смысла нет.

– Извини, – сказал Янычар и плавным движением перерезал сержанту сонную артерию, прикрыв ее куском ткани, отрезанной от куртки Мостового, чтобы не заляпаться кровью.

Выходило не очень. Хреново выходило, если честно.

Семеро на БРДМ были разведкой.

А послал их некий Кравец, сколотивший из выживших военных и жителей окрестных поселков банду... отряд, подразделение, дружину – называй как хочешь. Две с лишним сотни стволов. Они добрались до склада какой-то воинской части и теперь имели два десятка БМП-2, три БРДМ, море боеприпасов и огнестрельного оружия, от автомата до ПЗРК.

Кравец, вроде как в шутку, велел называть себя князем. И его называли. Бронегруппы Кравца обыскивали поселки и деревни, забирая все, что приглянулось, отстреливая мутантов и сгоняя уцелевших людей в поселок Удача, которую Кравец назначил своей столицей.

Несогласных расстреливали. Или вешали. Женщин... Женщины права голоса не имели. Их уцелело гораздо меньше, чем мужчин, и только по личному распоряжению князя за особые заслуги кто-то из бойцов получал на несколько часов одну из женщин в свое распоряжение.

А своих Кравец не бросает. И завтра, как только рассветет, сюда прибудет штук пять БМП с людьми. И лучше бы Янычару подохнуть, а в плен не попасть.

Лучше, кивнул Янычар. В плен попадать не нужно. В плену я пару раз уже был, мне не понравилось.

Потом, когда сержант умер, Янычар взял портативную рацию, включил.

– Ало, Кравец! – сказал Янычар в микрофон. – Где ты там?

Треск помех в эфире.

– Кравец, отвечай! – позвал Янычар. – Так не вежливо. Нужно отвечать, когда тебе звонят...

– На связи! – прозвучало из динамика. – Кто говорит?

– Командир роты специального назначения капитан Ермолаев, – представился Янычар.

Когда-то у него был знакомый капитан Ермолаев, неплохой, в общем, мужик. И действительно командовал ротой спецназа.

– Какого?..

– Такого. Мне некогда с шестерками разговаривать, давай сразу к рации Кравца.

– Ты, что ли, Мостовой? – неуверенно уточнили на той стороне. – Шутки твои...

– Сержант Мостовой был израсходован в процессе допроса. А я хочу говорить с Кравцом.

Тишина. Помехи и тишина. И детские голоса, доносящиеся из-за двери. Дети не спят, дети играют и смеются, даже если за стеной – конец света в самом разгаре. Они – дети. Даже Янычар когда-то был ребенком...

Может, это судьба, сказал Петруха. Ты же сюда все время хотел попасть? Может, судьба?

Нет судьбы. Нет. Есть только этот рушащийся мир, есть сволочи, сварившие смертельный яд и выпустившие его к людям, есть уроды, насилующие восьмилетних девочек, а судьбы – нет.

Янычар присел на какой-то ящик, отодвинул носком ботинка ногу мертвого сержанта. Крови натекло много, не нужно, чтобы дети сюда заходили.

И все-таки с ним поступили нечестно.

Детдомовцы.

Он ведь тоже... Он был таким же, как эти дети. Он даже о чем-то мечтал. Кем-то хотел стать... И даже кем-то стал. А они... Они обречены. Рано или поздно того же Денисыча вирус достанет. И хорошо, если просто убьет, а ведь может превратить в мутанта, и тогда... Даже эта их Инга ничего сделать не сможет. Чекист и филиппинец... Они ведь тоже, каждый из них может мутировать. Или умереть. Или убить друг друга.

Детей зараза не трогает, говорил Дед. Грешников карает, а на детях и животных греха нет. Болезнь детей обходит, а люди... А люди – нет. Хотя... Какие это люди? Лучше уж мутанты, они хоть не понимают, что делают. И не насилюют. И не превращают женщин в разменную монету. Они просто жрут. Для того, чтобы жить.

А эти?

Ради чего они убивают? Просто потому, что имеют такую возможность? Им просто нравится делать то, что они делают.

– Кто там на связи? – прозвучало из рации. – Какой еще спецназ?

– Обычный, – сказал Янычар. – Самый обычный спецназ. Наводим порядок. Чистим понемногу.

– Что там с моими парнями?

– Все. О них можно больше не беспокоиться.

Не перегибать палку. Просто вести непринужденный разговор, не напрягаясь. Почему это командир роты спецназа должен нервничать из-за каких-то бандитов? Не должен. Он просто решает свои вопросы, устранив мелкое препятствие.

– Значит, убили моих парней...

– Значит.

– И думаешь, что сможешь выкрутиться? Думаешь, я тебя не достану, капитан?

– Я и сам прикидываю, князь, как с тобой встретиться. Дачный поселок Удача, если не ошибаюсь? Ну так жди меня, Кравец. Я скоро буду...

– Приедешь? – вроде как обрадовался Кравец. – Всей своей ротой прибудешь? Ты за кого меня держишь, фраер? Какая рота? У тебя бессмертные солдатики? Их зараза не тронула? Да любая рота сожрала бы сама себя еще три недели назад. Ты же видел, что творит зараза с людьми? Видел? И я видел. И почему я должен верить тебе, а не тому, что видел сам? Половина сдохла, половина стала мутантами или как их там... Ну и несколько человек выжили, сбежали и спрятались. Так что в лучшем случае у тебя там с десяток людей. Если бы было больше – ты бы сюда нагрянул без предупреждения. Проколотся ты, капитан. И завтра утром...

– Те из вас, кто останется в живых, позавидуют мертвым, – сказал Янычар.

– Как-то так, капитан. И если ты думаешь засаду на меня устроить, то ни хрена у тебя не получится. Сейчас в вашем лесу засаду не поставишь толком. Засаду съедят мутанты. Или будут ее атаковать все время, выдадут. Сейчас можно передвигаться только на броне, имея огневую мощь, способную остановить любую толпу мутантов. Вот завтра посмотришь, как это делается.

Янычар потер лоб – тут его этот самый Кравец уел. В общем, Янычар ни на что особо не рассчитывал, просто хотел понять, с кем, возможно, придется иметь дело. И стоит ли вообще с ним связываться. И получалось, что не стоило. Не тот человек сейчас разговаривал с Янычаром по рации, чтобы пытаться поймать его на блефе.

Относился Кравец к тому типу самородков, который всю жизнь мог прослужить каким-нибудь письмоводителем в конторе, и только когда вдруг все резко меняется, когда накатывалась вдруг война или катастрофа какая-нибудь, вдруг оказывается толковым администратором, талантливым полевым командиром или харизматичным предводителем партизан. Или бандитов.

Гений из народа.

– Слышь, капитан, ты не молчи, – потребовал Кравец. – Ты говори со мной, капитан. Ты же целой ротой командуешь. Спецназ!

– Ты же сказал, что завтра утром свидимся. – Оставалось надеяться, что в голосе не звучат разочарование и усталость. – Вот и выясним все.

– Дурак ты, капитан! Ты трех моих ребят положил, думаешь меня испугать?

– Четырех.

– Одного местный дедуля грохнул из дробовика, мне парни сообщить успели. Из-за чего хоть завязались? Из-за ценного чего-то?

– Он пытался изнасиловать восьмилетнюю девочку.

– Это Гром, что ли? Этот может. Ловили его на таком, а я ведь предупреждал – не трогать малолеток. Кто нам детей рожать будет? Вот ведь козел... То есть повезло ему. Если бы он ко мне попал живым, то умер бы не сразу... Ой не сразу... – Похоже было, что Кравец не врал, он действительно исполнил бы свою угрозу. – А эти трое, значит, ему не мешали? Ублюдки... Да. Смешно получается, капитан. Ты меня слышишь?

– Слышу.

– Мне тебя и наказывать не за что, получается. Все получилось по-честному. Я тебе даже спасибо сказать должен. Хотя в следующий раз ты моих лучше не трогай, моих людей только я убивать могу. Но тебя я на первый раз прощаю... И знаешь почему? – Кравец засмеялся. – Праздник у нас сегодня. День независимости. А ты и не знал...

– Вроде по числам не получается...

– По числам – не выходит. А по жизни... Мы сегодня «вертушку» завалили. Мои парни чуть не охренели, когда ее увидели, но из КПВТ принять успели. По заднему винту врезали, аппарат на авторотации сел... Ну как сел... Двое на нем уцелели. Так интересно рассказывали... Ты слушаешь меня, спецназ? Ты слушай, тебе такого больше никто не расскажет...

Похоже, Кравца действительно переполняли эмоции, и ему нужно было ими с кем-нибудь поделиться. Похвастаться. Пусть даже перед неизвестным капитаном спецназа.

– Значит, первое – у нас нет президента. Все, больше нет.

– Умер?

– Сбежал. Думал отсидеться в бункере в Раменках, только туда несколько часов назад попала зараза. Президента, понятное дело, не тронула. Премьеру повезло меньше... Мне выживший с вертолета рассказал, что вроде премьерашибануло, он на Президента, на друзана своего, прыгнул и даже вроде укусил. Прикидываешь картинку? – Кравец засмеялся. – Вся президентская свора на вертушках свалила. И знаешь, не в Питер или еще на какой объект. За границу рванули наши руководители. Остров Готланд, на Балтике. И это еще не все...

– Не боишься, что нас услышат?

– Да пусть слышат! Я прикажу кому-нибудь сидеть целые сутки на радиии и передавать все это в эфир. Может, кому пригодится... – Кравец снова засмеялся. – А на Готланде есть такая штука... называется антивирус. Seriously – антивирус против нынешней эпидемии. Нужно только добраться до острова – и будешь здоровым. Тебе понятно, спецназ? А иначе никто не выживет. Все уже, кто не в бункерах отсиделся, заражены. И я зараженный, и ты... Рано или поздно все накроются... Кто станет зомби, кто просто подохнет. Ты что бы выбрал, а, спецназ? Оказывается, не жида болячку запустили. То есть жида, конечно, но их всех наколол один фашист по фамилии Вильман. Прикинь, сука, разработал и вирус, и антивирус, только лекарство спрятал на острове... И знаешь, что я тебе скажу, спецназ? Я туда, пожалуй, направлюсь. Соберу толпу побольше, технику, и рвану на Запад. Сколько там расстояние? Полторы тысячи километров? Так доберусь. Вначале до какого-нибудь порта, а оттуда... Лучше до военной базы

добраться, десантное судно зацепить, загрузиться... И этот самый антивирус – выжечь к свиньям собачьим. Полностью. Так, чтобы и следа не осталось. Потому что этот мир заслужил смерти. Не второго шанса, а смерти. И пусть каждый огребет то, что заслужил. Мутантом стать – пусть становится. Пять лет проживет – пусть живет. На здоровье. Если я его не убью. Только сильнейший выживет. А сколько лет или месяцев – мне на это наплевать. Совершенно наплевать. Мы с вирусом как братья... Плечом к плечу против этого говенного мира. Кто-нибудь меня всерьез воспринимал? Кравец – туда, Кравец – сюда! Все, закончилось. Я, прежде чем на Готланд рвану, тутошними бункерами займусь. Мутанты что – ерунда. Плотный огонь решает все. Не лезть под землю, достать бункера снаружи. Копать и взрывать. Взрывать и копать. И одного за другим – выжечь. Какого хрена – они все жизнь нами командовали, всю жизнь указывали, что делать, а когда действительно понадобилось – оставили всех – ВСЕХ – подыхать на улицах, а сами... Вот я их и достану... Я, Андрей Иванович Кравец, прапорщик Российской армии! Красиво получится – прапор прищучит всех, кто еще живет и прячется. И знаешь что еще?

– Что? – устало спросил Янычар.

Его разговор утомил неожиданно сильно. И... Янычар скрипнул зубами. Кравец ведь говорит то, что и сам Янычар думал. Ведь почти дословно! Мы с вирусом братья. Мы убиваем... Выживут сильнейшие, пусть год, пять, но проживут. А остальные – подохнут. Будто с самим собой сейчас разговаривал Янычар. И ведь возразить нечего, разве что начать бормотать нелепости о гуманизме, выживании человечества... Глупость и... Просто глупость.

Прапорщик Российской армии Кравец прав. Он сволочь, мерзавец и убийца, но он прав. Нет смысла жить этому миру. Нет смысла. Янычар решил, что нужно просто отойти в сторону и переждать. Кравец решил, что миру, застывшему над пропастью, нужно дать пинка. Врезать каблуком по пальцам, которыми человечество все еще цепляется за край бездны.

И уничтожить вакцину – это да, это доказать всем – в первую очередь себе – что ты, прапорщик Кравец, самый сильный человек на Земле.

Пройти полторы тысячи километров на танках и БМП – реально. Сто километров в день, чуть больше двух недель на все путешествие. До Питера – и того меньше. Вокруг полно заправок и нефтебаз. Пока все это еще не сгорело, пока бензин не скис в хранилищах, а дизтопливо не превратилось в помой – можно добраться до какого-нибудь порта и выбрать себе любой корабль. Адрес известен – остров Готланд. Добраться и уничтожить. Кто-то по дороге мутирует, кто-то умрет или погибнет, но если двинуться большим отрядом, да еще загребать с собой всех, кто попадется на пути... Все получится. Такого ни Чингизхан, ни Атилла не смогли сделать. Они хотели просто захватить мир, а прапорщик Кравец хочет его уничтожить. Неизвестный Янычару фашист Вильман, убивший миллиарды людей своим вирусом, зачем-то создал вакцину, но прапорщик Кравец пойдет дальше. И вакцина будет уничтожена.

– Что? – автоматически переспросил Янычар, поняв, что последнюю фразу Кравца не расслышал.

– Я, пожалуй, передумал, спецназ. Я, пожалуй, завтра все-таки заеду в поселок Застава. Парни говорили, что там можно пожить. И девки опять же. – Кравец засмеялся. – Завтра увидимся, спецназ. Если хочешь – можешь свалить оттуда. Лично ты мне не нужен. Что-то хочешь сказать?

– Нет.

– Ну и лады. Дай Бог, чтобы ты со мной не встретился.

Вот и поговорили.

Такой содержательный получился разговор. Просто дальше некуда. Все понятно, можно принять правоту Кравца и уходить. Что значит – можно? Нужно. Единственно возможный вариант.

Готланд. Балтийское море. Всего-то – полторы тысячи километров... Или сколько там точно? Найти самолет и улететь. Сейчас полно самолетов на аэродромах. Выбрать любой и улететь. Это Кравца самолеты не привлекают, он не спастись на остров хочет убраться, а уничтожить вакцину. С собой нужно и людей привести, и технику доставить – мало ли там что, на острове.

А ведь там спрятан шанс выжить. Шанс спастись хоть кому-то. Ведь наверняка этот самый антивирус может помочь и уже зараженным. Зачем этот самый Вильман устроил все это – непонятно, но...

Утром сюда явится на броне Кравец. И все, кто здесь останется... Девочек он заберет, а остальных...

Ты хочешь это выяснить, спросил себя Янычар. И честно ответил себе – нет. Не хочет. И не собирается.

Значит, поле выбора вариантов – небольшое.

Вначале – переправить детей в дом Молодого хозяина. Успокоить, накормить, дать возможность помыться.

Будем надеяться, что мутанты сегодня в поселок не придут. Они с Петрухой здорово проредили сегодня поголовье мутантов. На дороге – куча тел, зачем остальным мутантам куда-то идти, если еда прямо там, под рукой?

Янычар вышел из подсобки, прикрыв за собой дверь. Прошел через зал, остановился возле выхода, прислушался. Девочка рассказывала сказку.

Наверное, та самая, Инга. Похоже, даже Денисыч признал ее лидерство, говорил о ней с уважением и каким-то восторгом. Такое бывает редко. Ладно, проехали. Завтра здесь будет Кравец и его люди. И девочкам, восторгается ими кто-нибудь или нет, уготована судьба злая и...

Никакой судьбы. Никакой. Каждый сам все решает. И сам обрекает себя...

Янычар вошел в комнату, девочка замолчала и вопросительно посмотрела на него. Остальные дети сидели вокруг Инги на спортивных матах и тоже повернули головы к вошедшему.

Петруха сидел у входа рядом с Денисычем, обняв свой пулемет, чекист – в углу комнаты, а филиппинец Максимка спал, свернувшись калачиком на куске какой-то ткани.

– Петруха, ты ничего не слышал? – спросил Янычар. – На улице спокойно?

– Вроде бы да... – неуверенно протянул Петруха. – Только через дверь разве услышишь? Они ведь не кричат, они хрипят, только в упор и расслышишь. А что?

– Нужно прямо сейчас всех перевести в дом. Туда, где мы были.

– А до утра не подождет? – Петрухе очень не хотелось выходить в темень, возможно, кишашую мутантами.

– Не подождет, – отрезал Янычар. – Собираемся... Инга!

Янычар повернулся к девочке.

Она встала.

– Поднимай всех, нам нужно идти. Так, чтобы никто не отстал и не потерялся. Понимаешь?

Инга кивнула.

– Вот и хорошо, если вам что-то нужно забрать – забирайте. В принципе, там все есть, так что особо ничего тащить не нужно. Хорошо?

– Хорошо, – улыбнулась Инга.

Хорошая у нее улыбка, подумал Янычар. И вырастет девочка красавицей. Если ей дадут возможность вырасти...

– Петруха, отдай Денисычу свой автомат.

– Зачем свой? Я захватил стволы убитых придурков. И Денисычу хватит, и этому, китаезе...

– Филиппинцу, – поправила Петруху девочка.

– Хорошо, как скажешь, – торопливо согласился Петруха. – Филиппинцу. А мутный этот мужик в пиджаке не хочет брать автомат. Сидит со своей пукалкой, блин.

– Ничего, и так доберемся, – сказал Янычар, и они действительно добрались без проблем.

Пару раз Янычару показалось, что мелькнули недалеко какие-то тени, но, скорее всего, показалось. Мутанты не прячутся, если есть возможность напасть. Они всегда хотят есть.

Янычар показал Денисычу, как пользоваться бойлером, генератором, открыл кладовую с морозильником и оружейную комнату.

– Мать твою... – простонал Денисыч, разглядывая оружие, расставленное и развешанное вдоль стен. – Это ж с кем он воевать собирался?

Ничего противотанкового, к сожалению, не было. Нашлась большая коробка с патронами к «Протекте» – и за то спасибо. И «Хеклер и Кох» оказались очень кстати, Янычар проверил работу механизма, быстро снарядил десяток магазинов патронами из коробок, засунул их в карманы своей разгрузки.

Взял еще четыре штуки магазинов к «стечкину». Вот когда пожалел, что выбросил пустой магазин на дороге и не подобрал, когда была такая возможность.

Получалось тяжело, но терпимо. Янычар не собирался совершать большие переходы. Спихватился, достал из своего ранца запасные стволы к пулемету, отдал Петровичу.

– Чего я это железяки таскаю, сам носи.

– А ты далеко собрался? – спросил Петруха и подозрительно прищурился. – На ночь глядя...

– Хочешь со мной пойти? – Янычар в упор посмотрел в глаза Петрухи. – Если хочешь – пошли.

– А дети? – помявшись, спросил Петруха и отвел глаза.

– Хочешь умереть ради деток? Ты в курсе, сколько их в Москве погибло? А по всей России? Тебе это спать не дает? Читал как-то, что еще до революции, если в цыганской семье возникала ссора или даже драка, то родители хватали младших детей за ноги и дрались детворой. И ничего, не вымерли... Остаешься?

– Я... Наверное, останусь... Если завтра вдруг появятся эти уроды...

– Появятся, – уверенно пообещал Янычар. – Ты что собираешься КПВТ противопоставить? Домик крепкий, но не бункер с линии Маннергейма. Через десять минут от него ничего, кроме руин, не останется. И тебя под ними. А если подгонят БМП, то...

Петруха поднял лицо к потолку, зажмурился и прошептал что-то. Потом посмотрел на Янычара – уверенным и твердым взглядом:

– Остаюсь. Надоело бегать. Егорыча бросил, ребят своих бросил... Пора бы уже и опомниться. Остаюсь.

– Герой? Подвиг решил совершить?

– Дурак ты, Янычар! Какой, на хрен, подвиг? Человеком себя чувствовать хочу, тебе, может, не понять...

Янычар покачал головой:

– Как знаешь. Я думал, ты умнее... Позови сюда чекиста... Ну, того, придуренного с ПСМ.

Петруха привел чекиста. Пока Янычар с ним разговаривал, на лице у Петрухи нельзя было ничего прочитать. Потом, когда разговор закончился и чекист ушел, Петруха глянул в глаза Янычару и что-то попытался сказать.

– Все, – сказал Янычар. – Курочка встала – место пропало. Я ухожу, ты остаешься. На хрена мне еще такая обуза, как ты. Любишь детей – оставайся с ними.

Петруха ничего не ответил, молча отошел в сторону, пропуская Янычара.

Но уйти из дома, не прощаясь, у Янычара не получилось. У выхода его ждали Инга и

Денисыч.

– Идешь, значит... – сказал старик.

– Иду, – кивнул Янычар.

– Тут этих зверей с полтысячи бродит, – сказал Денисыч. – Ну, может, чуть поменьше, но все равно...

– Дождя нет – прорвусь.

– Так это пока нет... Ты бы парня своего с собой взял, мы тут уж как-нибудь сами...

– Да ну его, – с ленцой в голосе протянул Петруха. – Надоел он мне хуже горькой редьки.

Пусть валит отсюда, тут коньяка на всех не хватит.

– Вы вернетесь? – серьезно глядя в лицо Янычару, спросила Инга.

– Еще до рассвета, – ответил Янычар и улыбнулся.

Не своей обычной мерзкой ухмылочкой, а нормальной, спокойной и доброжелательной улыбкой. Даже сам удивился, что еще может вот так, чтобы дети не пугались.

– Ты тут последи за порядком, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Инга. – Только вы, пожалуйста, вернитесь.

Янычар тронул ее пальцами за плечо, хотел что-то сказать, но не смог совладать с голосом.

– Не заблудись в лесу.

– Тоже мне лес. – Янычар пренебрежительно пожал плечами. – Видел бы ты, Денисыч, джунгли в период дождей... А тут так, прогулка.

И вышел на улицу, закрыв за собой дверь. Он всегда закрывал за собой двери, плотно, но без стука. И еще не хватало, чтобы эти ненормальные стояли на крыльце и махали ему вдогонку.

Значит, тут неподалеку есть бункер. Чекист не врет, чекист хотел в нем семью спрятать, но не получилось. Не пустили их в бункер. В результате тут в лесу бродят несколько сотен мутантов, но, с другой стороны, бункер существует и люди, в нем закрывшиеся, хотят выжить. Иначе не стали бы так... Не стали бы убивать столько народу, обрекать их на гибель от вируса. Они готовы заплатить за свое спасение. Нужно предложить им обмен.

Янычар им – информацию о Готланде и антивирусе, а они... Они пусть дадут всего одну БМП. Есть же у них БМП, ведь там целая часть стояла, если чекист не врет, с броней, пушками и ПВО. Одну БМП – больше не нужно, все вместятся в десантное отделение, детвора мелкая, всех впихнем. И на прорыв.

Прямой дороги отсюда до бункера нет, только через лес, и ни одна машина не пройдет. Нужно выбирать на шоссе, потом – крюк получается большой, но на БМП вполне осуществимый.

Пешком до бункера от Заставы всего километров десять. Денисыч сказал, что даже меньше. Быстрым шагом – полтора часа. Если бы еще все тело не болело после посадки дельталета, то можно было бы и быстрее управиться. Дождя нет – мутанты спят. Или что они там делают, когда не жрут.

Можно ведь на это надеяться? Можно. Больше ведь надеяться не на что.

Имеем – один человек, десять километров темного леса и несколько сотен мутантов. Кто поставит на человека?

Никто не хочет, сказал Янычар, выходя из ворот поселка.

Значит, Денисыч сказал – на восток. Ну, почти на восток. Янычар глянул на компас – придется все время с ним сверяться, звезд не видно, луны не видно, а мох на северной стороне ствола – это для юных скаутов, эту глупость из Янычара выбили давно. Мох, если растет, то со всех сторон. Особенно в лесу.

Ладно, теперь главное не оступиться в темноте и не сломать ногу. Иначе будет очень обидно. До слез.

И нужно перестать болтать с самим собой, это отвлекает, а ему сейчас нужно быть максимально внимательным.

Янычар шел быстро.

Видел в темноте он неплохо, пару раз зацепил плечом ствол дерева – ерунда. Быстрее. Через полчаса он вышел к оврагу, чуть не загремел в него с налету, Денисыч говорил, что овраг почти на полпути между военной базой и поселком. К поселку чуть поближе, говорил Денисыч.

Янычар присел на корточки, наклонился к оврагу и прислушался. Если мутанты в городе прячутся по подземельям, то здесь, в лесу, лучше оврага им ничего не найти. Нужно проверить? Хорошо бы посветить вниз фонариком, но Янычар знал способы самоубийства и повеселее. Если там мутанты, то убежать не дадут, и отбиться не получится.

Тишина.

Вроде ручеек какой-то журчит. «Протекта» висела на шее, раскачиваясь при каждом движении Янычара. Можно спускаться вслепую, склоны в овраге не слишком крутые, но ведь скользкие. Не туда поставишь ногу – и привет.

Рискнуть.

Придется рискнуть и зажечь фонарь, хотя да, Янычар знает способы самоубийства и повеселее.

Опустить фонарь к самой земле, чтобы поменьше освещенный круг получился, и чтобы не светить во все стороны, как маяк. Влажная черная почва. Скользкая грязь. Вниз съехать получится, а вот подняться на противоположный склон...

Время. Время ведь идет.

Поехали.

Янычар присел на корточки, как гренадер на картине о переходе Суворова через Альпы. Земля под ногами подалась, ботинки медленно заскользили вниз. Янычар левой рукой пытался тормозить, в правой держал «Хеклер и Кох».

Дно оврага. Ручей. Янычар зачем-то сполоснул в ледяной воде левую руку, будто это сейчас имело хоть какое-то значение.

Неширокий ручей, его Янычар перешагнул, следующим шагом оказался перед склоном. Присветил себе фонарем – ни корня, ни ветки. И вправо-влево на несколько метров тоже голый склон. Голый и скользкий.

Подниматься по-альпинистски, вбивая носки ботинок в стену, не получилось, грязь не держала, ноги соскальзывали. И вес патронов с оружием тоже сказывался. Мелькнула мысль – бросить «Протекту», лишние патроны, и бежать налегке. Дурацкая мысль. Привлекательная, но дурацкая.

Янычар уже добрался до середины склона, когда услышал сзади хрипение.

А вот это – плохо. Это очень плохо. Уроды в одиночку не ходят. И даже если этот – один, то отбиться от него не получится. Ни опоры под ногами, ни простора для маневра.

Янычар вытащил из-за голенища нож, воткнул его в землю склона. Хоть какая-то опора. Фокус из старого французского фильма с тремя кинжалами и крепостной стеной не получится, у Жана Маре были свободные руки и не было такого арсенала.

Хрип приблизился – мутант его унюхал. И почему мутант? Мутанты! Несколько глоток хрипят в овраге. И будет очень мило, если сейчас и наверху кто-то поджидает Янычара.

Рывок. Нога скользнула, Янычар повис, вцепившись левой рукой в рукоять ножа. Спокойно! Нашарил опору для ноги. Потом для второй, воткнул нож повыше, подтянулся. Еще рывок – рука с пистолетом-пулеметом легла на край оврага. Янычар оперся на локоть, вытолкнул свое тело наверх. На несколько секунд замер, собираясь с силами.

Внизу, в глубине оврага, несколько глоток сипело, слышались возня и недовольное ворчание.

Янычар встал на колени, нацелил фонарь вниз и нажал на кнопку. Свет отразился в десятках налитых кровью глаз. Уроды взвыли, скрюченные пальцы тянулись вверх, вонзались в землю, скребли ногтями по грязи.

Вот так вот, сказал Янычар, рванул левой рукой из кармана гранату, зубами сорвал кольцо, разодрав усиками щеки нижней губу.

– Держите, – сказал Янычар и разжал пальцы. Граната упала вниз, к мутантам.

Янычар надел повязку с фонарем на голову и побежал. Прятаться теперь не было смысла, мутанты в темноте в любом случае ориентировались лучше его.

Сзади рвануло. Кто-то закричал. Взвыло несколько глоток.

Если вы все в овраге, то у меня есть шанс. Бегайте вы лучше, но у меня есть отрыв. И я могу...

Янычар забросил ремень пистолета-пулемета за спину, взял в руки «Протекту». Не сбиваться с темпа. Они отстали, тут совсем близко...

Слева – хрип. Выстрел из ружья, сноп огня вылетел из ствола, осветив оскаленный рот мутанта и его выпученные глаза. Картечь отшвырнула уroda, несколько картечин ударило в голову.

Еще выстрел, туда же, влево. И два выстрела вправо. Бегом. Быстрее, еще быстрее...

Выстрел, выстрел... Половина магазина опустошена, и перезарядиться пока нет возможности. Тень справа – выстрел. И еще одна тень, и еще один выстрел. И выстрел. И выстрел...

Луч фонаря метался перед Янычаром, выхватывая то мокрые стволы деревьев, то ветки, опустившиеся почти до самой земли.

Удар плечом в дерево, перевести дыхание, оглядеться... Посмотреть на компас. Янычар сунул в карман руку, достал три патрона, хотел дозарядить магазин – из-за дерева прыгнул мутант.

Патроны упали на землю, палец нажал на спусковой крючок, картечь разнесла голову мутанта. Янычар снова побежал, оттолкнувшись от дерева. В магазине «Протекты» остался один патрон.

За спину ружье, теперь очередь за пистолетом-пулеметом.

Длинная очередь по кустам впереди. Крест-накрест, обрывки листьев полетели в стороны. Еще очередь – мутант падал на землю, но слишком медленно, пули попали ему только в грудь. Короткая очередь в голову – алые брызги, несколько капель попало на лицо Янычару.

Очередь за спину, не целясь, просто на звук, по этому проклятому хрипению. «Хеклер» замолчал, Янычар отбросил пустой магазин в сторону, вырвал запасной из кармана разгрузки, слева набегал мутант, тянул руки... прыгнул... очередь девятимиллиметровых пуль встретила его в воздухе. В голову.

Тело упало возле самых ног Янычара. Он перепрыгнул и побежал дальше... Когда же эта база? Сколько можно бежать?..

Двое мутантов оказались прямо перед Янычаром. Один замахнулся палкой, ударил, Янычар уклонился и длинной очередью пробил головы обоим. Метнулся в сторону, увернулся еще от одного удара, выстрелил.

Сильный рывок швырнул Янычара на землю, он попытался вскочить, но какой-то мутант вцепился в «Протекту», висящую на спине, и встать не получилось.

Длинная, на весь остаток патронов в магазине, очередь. Мутант упал, Янычар поднялся ноги и снова побежал.

Попытался на ходу перезарядить «Хеклер», но не успел – еще одна тварь бросилась на него из-за дерева.

Янычар выпустил пистолет-пулемет из руки, тот повис на ремне. «Стечкина» Янычар поставил на автоматический огонь еще в поселке, возле ворот.

Пять патронов в грудь мутанта и один в голову. И дальше...

Весь лес заполнен хрипами, криками, треском веток... Уроды повсюду, Янычар несколько раз менял направление бега, но каждый раз на пути оказывался мутант.

Сменил магазин в «стечкине» и за две очереди его опустошил. Еще раз попытался перезарядиться, но на спину обрушился сильный удар, и Янычар полете вперед, сбитый с ног. Попытался уйти переворотом, но чертова «Протекта» не дала завершить кувырок, упершись стволом в землю.

Твою ж мать...

Янычар перевернулся на спину, выхватил из-за пазухи «глок». Оскаленные зубы были уже перед самым лицом Янычара, когда он выстрелил. Упер ствол пистолета в лицо мутанта и нажал на спуск. Оттолкнул мертвое тело, попытался встать и пропустил еще один удар палкой, по правой руке. Пистолет вылетел и исчез в темноте. Следующий удар пришелся в голову, скользнул, только сорвал ленту с фонарем.

Нож.

Вот и все, Янычар! Только два ножа и пара гранат, на всякий случай. Ты же не хочешь стать ужином для мутантов? Не хочешь...

Янычар ударил ножом в налетающий из темноты силуэт. Попал, мутант дернулся и упал, так и не вцепившись в него. Еще взмах ножом, клинок с хрустом вошел в тело мутанта, но тот продолжал двигаться и впился зубами в плечо Янычара.

Больно!

Янычар пнул ногой – безрезультатно, левой рукой выхватил нож из ножен, ударил мутанта в висок. Зубы мутанта разжались. Снова бросок из темноты, толчок получился таким сильным, что Янычар выронил из левой руки нож и опустился на колени, выставив перед собой последний клинок.

Теперь его тело рвали несколько мутантов, зубы впились в плечи, в спину... Янычар закричал, рывком вскочил на ноги, взмахнул ножом.

Его убивали. Все было напрасно, его бросок через лес... И ждать его будут в поселке совершенно напрасно, и решат, что он просто сбежал... Петруха выматерится, а Инга... Инга не поверит. Она точно не поверит. Она поймет, что Янычар просто не смог. Не добежал.

Что-то полыхнуло, осветив низкие тучи. Настолько ярко полыхнуло, что даже в лесу, под деревьями стало светло, а мутанты замерли, то ли испугавшись, то ли от неожиданности. Янычар оттолкнул одного уroda, замахнулся ножом. Раздался оглушительный грохот. Такого взрыва Янычар никогда не слышал. И снова вспышка. И грохот. И вспышка. И грохот.

Янычар побежал.

Кровь текла по спине и по рукам, земля под ногами раскачивалась, будто он бежал по палубе корабля во время шторма.

Сзади хрипели мутанты. Все ближе и ближе.

Стоп, приказал себе Янычар. Вот тут мы и умрем.

Он остановился и повернулся лицом к набегающим мутантам. В правой руке держал нож, в левой – гранату. Еще хотя бы одного уroda забрать с собой, в ад... Рай Янычару не светит, не получилось хоть перед смертью совершить хороший поступок. Откупиться от ада...

Снова вспышка, только не мгновенная, как перед этим.словно целый ряд прожекторов включился у Янычара за спиной, осветив лес и мутантов. Десятки мутантов.

– Привет, – сказал Янычар и потянулся зубами к кольцу на гранате.

Голова ближайшего мутанта разлетелась в клочья. Потом того, что бежал рядом с ним.

Потом рухнули еще двое.

Янычар наконец услышал выстрелы сквозь грохот крови в ушах. Стреляли у него из-за спины. И из чего-то крупнокалиберного.

Мутанты падали-падали-падали... Кровавые клочья, осколки костей, обрывки одежды... Наконец они не выдержали и бросились за деревья.

– Иди влево! – прогремело сзади. – Влево вдоль ограждения сто метров, мы прикроем...

– Прикроете, как же... – пробормотал Янычар. – Где вы раньше были?.. Такие хорошие...

Кровь из ран текла не переставая. Левая рука онемела, и Янычар выронил гранату. Хорошо, что кольцо вырвать не успел.

Справа от него были деревья, покрытые светящимися стеклянными бусинками, слева – ряд прожекторов. Всего сто метров. Это полторы сотни шагов. Ерунда...

Янычар упал, нож в правой руке воткнулся в землю, и выдернуть его сил не хватило.

– Вставай! – проревело слева, из-за прожекторов.

– Вставай, – тихо сказала Наташа и погладила Янычара по щеке. – Нужно идти...

– Ты... Ты здесь откуда?

– А я всегда была с тобой. После того, как умерла... Я всегда была рядом... Вставай...

– Помоги, – прошептал Янычар. – Что-то у меня не получается. Помоги.

– Извини, – сказала Наташа, – я не могу, я же призрак... Я могу только быть рядом. И просить тебя... Встань, пожалуйста, встань!

– Встань! – крикнул Егорыч, оказавшись вдруг рядом. – Ты меня кинул, парней... Так что-то сделай... Хоть что-то... Тебя ведь ждут... Помощи от тебя ждут, Янычар!

Янычар встал.

Стоять было трудно, земля все еще вращалась, спасибо Галилею... Янычар засмеялся. Чертов Галилей...

Сколько он прошел?

Не помнит. Не знает.

Прогремел выстрел – мутант сунулся из-за деревьев к Янычару и схлопотал пулю в голову. Хорошо стреляют ребята, одобрил Янычар. Я скоро приду... Осталось совсем немного.

– Совсем чуть-чуть, – прошептал Янычар.

Кто-то подбежал к нему, подхватил под руки.

– Ребята, там... – прошептал Янычар. – Там, в поселке... Застава... Там дети... Пошлите БМП, седьмой дом справа от ворот, такой... двухэтажный... ворота кованые...

– Нормально, браток, нормально...

– Какой, на хрен, нормально... Я же говорю – броню пошлите за детьми... пошлите... Или дайте мне БМП... Я сам... – Янычар почувствовал, что теряет сознание, попытался все-таки объяснить, что нужно ехать, быстрее ехать, иначе Кравец... этот прапор... я знаю, где антивирус... спасите детей, и я скажу, где антивирус... Я...

Янычар потерял сознание. Было так обидно – он ничего толком не объяснил... Не объяснил...

Тишина.

Как здорово вот так просто лежать... висеть в густом тумане, не чувствуя ни своего тела, ни боли, ни усталости... Он так и не смог выбраться из этой каши. Завяз. Кто бы мог подумать, что Янычар – циничный и прагматичный Янычар – так поведется на детей. Спасти детдомовцев... Себя спасти?

Если бы кто-то тогда, давно, в его детстве, попытался сделать его человеком, не убийцей, не защитником Родины и ее хозяев, а человеком, может, все сложилось по-другому...

Теперь об этом можно забыть.

Можно висеть неподвижно в густом и упругом тумане, ни о чем не думая, ни о чем не жалея... И никого не жалея. Ведь по сути, он был прав. Всю свою порченную жизнь – прав. Пока ты никого не жалеешь, пока четко понимаешь, что по эту сторону линии фронта ты, а по ту – весь остальной мир, то ты будешь жить. Никому не доверять, ни к кому не поворачиваться спиной. Нет друзей, есть только инструменты для выживания. Использовал очередного – выбросил и пошел дальше.

Один раз. Всего один раз он попытался быть другим – и ничего у него не получилось. Ничего...

– Живой? – прозвучало над самым ухом.

– Что? – спросил Янычар.

– Я вот удивляюсь, что ты живой, – сказал Петруха. – Полспины ему отъели, руку обглодали, а он живой. И ведь добежал до бункера, не подох по дороге. Тут все удивляются.

– Ты здесь откуда? – спросил Янычар, не открывая глаз.

– А приехали за нами. Две БМП прикатили, красиво так, мы потом по шоссе прорывались – то еще удовольствие. Я два ствола к пулемету спалил, отстреливаясь. Но детей привезли. Старика твоего, китаезу...

– Он филиппинец, – прозвучало с другой стороны, но тоже рядом.

– Хорошо-хорошо, филиппинец. Его тоже привезли. А чекист твой... Там остался. Отказался ехать, сказал, что не может... с детьми. И в бункер – не может. Если захочет – выживет. Там у него и жратва, и оружие. В доме закроется – выживет. А если не захочет жить – так от себя не спрячешься. Так ведь? – Петруха шмыгнул носом.

– А что Кравец? И эта его банда? Разминулись? – Янычар открыл глаза – над головой был плохо побеленный потолок, покрытый сетью трещин и кровавыми мазками раздавленных комаров.

По молодости, когда еще срочную служил и попал в госпиталь, Янычар и сам так давил комаров – бросая подушку в потолок.

Что-то армейское. И запах тоже. Лизолом пахнет. Такой едкой жидкостью для дезинфекции. Времена меняются, а запахи в армии остаются одни и те же.

– Так что Кравец?

– Нет его. Испарился, – сказал Петруха. – Не хрен было ему с тобой по рации болтать, об этом острове рассуждать да о том, что нужно антивирус уничтожить... Тутешние разговор засекли, связались с бригадой прикрытия. А те взяли и влупили четыремя ядерными снарядами. Ты вспышки видел? Или уже без сознания был? В общем, больше нет поселка Удача. И Кравца нет...

– Ядерными зарядами?

– Ага, из «Тюльпанов». А чего стесняться? Америки и всяких там ООНов нет, жаловаться некому. А таких, как этот Кравец, в живых оставлять нет смысла. Вокруг и так смерти полно, а тут еще и он...

– Хорошо, – прошептал Янычар. – Так это... получается, что можно было и не бежать через лес...

– Можно было. Но кто ж знал? А так ты все равно успел, успел ведь – это главное. И это... ты прости меня, я тогда в доме подумал...

– Я тоже подумал. Я ведь... – Янычар вдохнул глубоко, прислушался к своим ощущениям. Тело болело, но ничего особо страшного. Нужно будет попросить, чтобы его вынесли под дождь. Дождь вылечит. Обязательно вылечит. – Я ведь сам уйти хотел, только направлением ошибся. Заблудился, а потом меня уроды гнали. Я тебя кинуть хотел, ты понимаешь?

– Шутки у тебя дурацкие, – сказал Петруха. – Был бы ты здоровым – схлопотал бы уже по

роже. А так... Нам разрешили разместиться в старом военном городке возле бункера. У них тут система обороны автоматическая, фонари, пулеметы, так мы в охраняемом периметре. Тутешний старший, полковник вроде, хотел с тобой поговорить. Обсудить условия сотрудничества.

– Хорошо... – прошептал Янычар. – Обсудим. Четыре ядерных заряда...

– По две килотонны. Я не знаю – это много?

– Не так чтобы очень. Но поселку должно было хватить...

Янычар осекся.

Поселку. Должно хватить. Двести вооруженных людей. И несколько сотен тех, кого они согнали. Женщин и детей, наверное.

Поселку должно было хватить.

Зато дети, которых он решил спасти, живы. Четырнадцать детей.

Он может сделать хоть что-то, плохое или хорошее, чтобы никто при этом не погиб? Может ведь... Точно – может!

Нужно как-то все продумать... Кравец собирал людей – нужно будет тоже попробовать. Поговорить с полковником, чтобы здесь людей выживших собирать. Вернуться в Заставу, там ограда мощная, можно и там людей поселить. Эти, в бункере, выходить наружу не хотят... Зачем рисковать? А мы уже... Нам бояться нечего. Мы и продовольствие сможем добывать, и если что понадобится... Они же не могли все собрать под землей на сто лет вперед. Что-то им понадобится, а что-то они нам могут дать... Кто-то же должен будет присматривать за детьми, когда вирус все-таки доберется до меня, до Петрухи... Инга одна не справится.

Странное чувство вдруг охватило Янычара. Теплое и светлое ощущение, что теперь все будет хорошо. Насколько это возможно в умирающем мире.

Не дать этому миру умереть.

Вцепиться в его тушу и держать-держать-держать... Может быть, действительно пойти на Готланд, за антивирусом. Или остаться здесь, помогая выжить немногим уцелевшим.

«Это правильно, – подумал Янычар. – Это правильно... Ради этого, наверное, стоит жить».

Янычар улыбнулся.